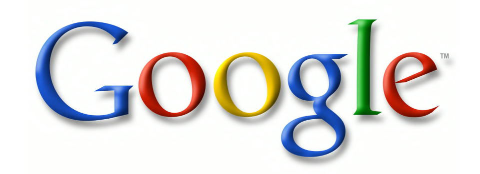
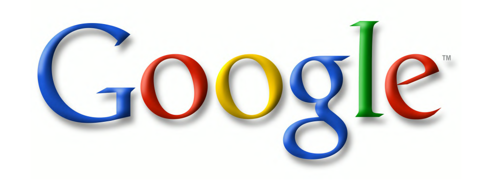
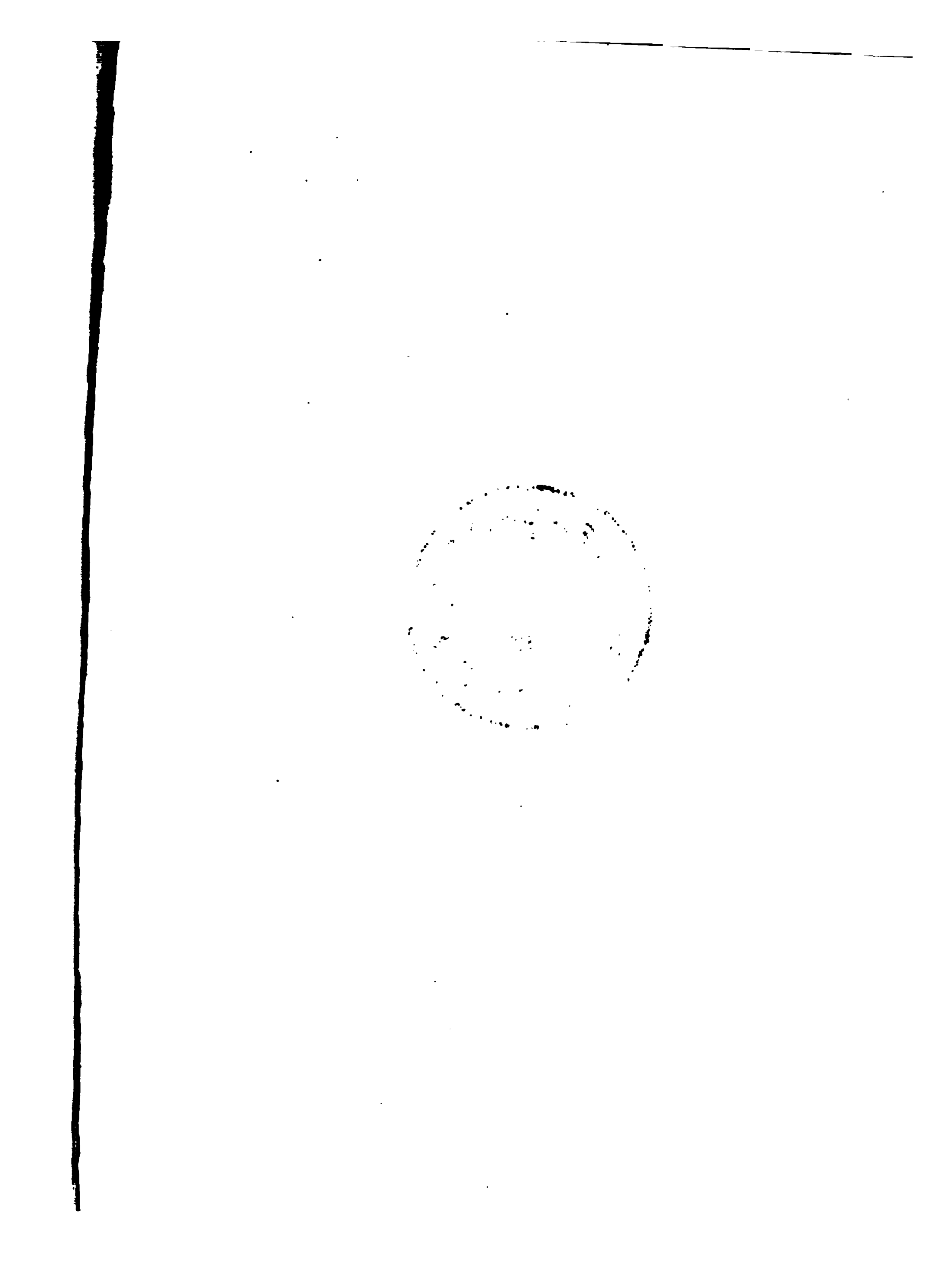

Собраніе сочиненій

И. Д. Ахшарумова.

Изданіе Н. Г. Мартынова.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

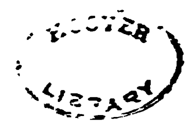
ИВАНА ДМИТРІЕВИЧА

АХШАРУМОВА.

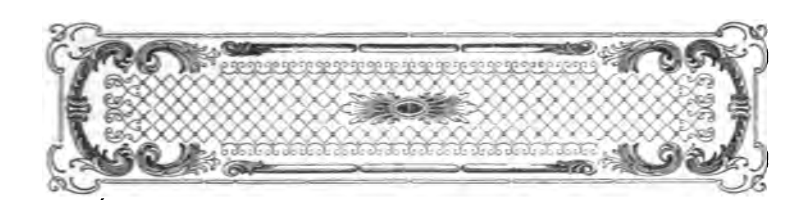
Томъ 3-й.

РАЗСКАЗЫ, РОМАНЪ и КОМЕДІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.
Александринская площадь, д. графа Бенкендорфа, № 5—7.
1899.

Сюрпризъ.

РАЗСКАЗЪ

I.

Иванъ Антоновичъ Цвиленевъ проснулся поздно, проигравъ въ винтъ чуть не до самаго утра и чувствовалъ себя нехорошо: голова у него болѣла, всего его разломало и онъ продолжалъ лежать въ постели, несмотря на то, что камердинеръ Лаврентій, войдя въ спальню, доложилъ ему, что газеты и письма принесли.

Подай сюда, проговорилъ, зѣвая, Иванъ Антоновичъ.—

Газеты онъ бросилъ на столъ, а на письма только взглянулъ, не вскрывая ихъ. Онъ по почеркамъ зналъ, отъ кого письма и не торопился читать, зная заранѣе, что въ нихъ написано. Одно было отъ пріятеля съ приглашеніемъ на винтъ, другое отъ племянника съ просьбой о деньгахъ, третье онъ не зналъ, навѣрное, отъ кого, но былъ убѣжденъ почему-то, что тамъ одна ерунда, и ничего болѣе.

– Погода какая? спросилъ онъ у Лаврентія.

— Дождь льетъ, какъ изъ ведра, отвѣчалъ камердинеръ.

— Какая мерзоть!

Ивану Антоновичу, въ сущности, было все равно, какова погода. Ѣхать было некуда, а еслибы и пришлось, то къ услугамъ его была карета. Но онъ былъ не въ духѣ и еслибы Лаврентій доложилъ ему, что солнце ярко свѣтитъ и небо голубое, безъ облачка, онъ все-таки воскликнулъ бы:

— Какая мерзость!

Цвиленевъ былъ человѣкъ уже пожилой, небольшого роста, толстенькій, плѣшивый и со вставными зубами, которые лежали тутъ же, въ стаканѣ воды, на ночномъ столикѣ. Онъ былъ часто не въ духѣ и озабоченъ, хотя заботиться ему рѣшительно было не о чемъ: жизнь его текла, какъ по маслу, и всѣ заботы заключались только въ томъ, какъ бы убить время, и что скажетъ докторъ Карлъ Ивановичъ, когда пріѣдетъ навѣстить его въ обыденное время, пощупаетъ пульсъ, посмотритъ языкъ и скажетъ „гмъ“!

Это „гмъ“ и составляло главнѣйшую злобу дня для Ивана Антоновича, и смотря по тому, какъ оно произносилось, онъ бывалъ въ духѣ, или угрюмъ до нельзя. Онъ былъ, какъ всѣ холостяки, очень мнителенъ и боялся пуще всего смерти, хотя не зналъ самъ—для чего и для кого онъ жилъ на свѣтѣ.

Онъ былъ одинокъ и помѣщался въ большой, просторной квартирѣ, со своимъ вѣрнымъ, старымъ слугою Лаврентіемъ, которому была подчинена вся остальная при-

слуга въ домѣ. Баринъ былъ вполнѣ безпомощенъ безъ своего слуги, знавшаго всѣ его привычки и причуды, и отними у него Лаврентія, онъ бы погибъ, какъ щедринскій генералъ на необитаемомъ островѣ. Онъ не могъ самъ ни умыться, ни одѣться, ни найти своихъ сапогъ и надлежащаго платья въ шкафу, а что касалось до бѣлья, то одинъ только камердинеръ зналъ ему счетъ, заботился, чтобы оно было всегда въ исправности и подавалъ его своевременно перемѣнять барину.

Крахмальныя рубашки составляли въ особенности, его гордость и малѣйшее пятнышко, или дырочка въ нихъ, поднимали цѣлую бурю и угрозы прогнать прачку Арину, женщину почтенную и жившую много лѣтъ въ домѣ. Облаченіе въ чистую рубашку своего барина, расправленіе ее широко надъ его главою, застегиваніе золотыхъ пуговицъ и запонокъ, составляли своего рода священно-дѣйствіе, которое совершалъ вѣрный слуга, какъ жрецъ въ храмѣ своего Фетиша, и въ этотъ храмъ, т. е. въ спальню Ивана Антоновича, не допускались не посвященные; туда никто, кромѣ жреца, не имѣлъ доступа.

Цвиленевъ и Лаврентій были старые друзья, на сколько могутъ быть друзьями лакей и русскій баринъ; они выросли вмѣстѣ и вмѣстѣ состарились. Иванъ Антоновичъ безъ Лаврентія былъ также немыслимъ, какъ Лаврентій безъ Ивана Антоновича; разлучи ихъ,—и они бы умерли съ тоски. Несмотря на это, они часто ссорились, т. е. Лаврентій ворчалъ, а Иванъ Антоновичъ брюзжалъ и бранился.

Лаврентій былъ дворовымъ помѣщиковъ Цвиленевыхъ, но послѣ смерти стараго барина и освобожденія изъ крѣ-

постной зависимости, остался служить у молодого барина, съ которымъ связывала его вся жизнь и все прошедшее: они вмѣстѣ бѣгали и играли, еще мальчиками, вмѣстѣ катались на лодкѣ по широкому озеру, удили рыбу и ходили на охту, когда стали постарше,—а юношами вмѣстѣ баловались съ бабами и дворовыми дѣвками, причемъ Лаврентію, высокому и красивому парню, иногда попадали колотушки отъ барина; но по волѣ судьбы, оба они не женились и остались холостяками.

Когда Ивана Антоновича спрашивали пріятели, отчего онъ не женился?—то онъ отвѣчалъ, холостому:—а ты самъ отчего? а женатому:—что-жъ тебѣ лучше что-ли теперь? На что женатый обыкновенно отвѣчалъ: „гмъ"! или высказывался уклончиво, какъ Пифія, отвѣтъ которой можно было, но желанію, истолковать и въ ту, и въ другую сторону. Были, впрочемъ, и такіе, которые просто ругались, восклицая: „Чорта съ два, ты бы попробовалъ пожить съ моей Марьей Антоновной или съ Марьей Федоровной",—словомъ, тутъ варьировали только имена, а не описанія супружескаго счастья.

Баринъ и слуга, какъ видите, были закоснѣлые холостяки, что не мѣшало имъ имѣть свои воспоминанія.

Лаврентій, напримѣръ, вспоминалъ какую-то Грушу, на которой чуть было не женился, а Цвиленевъ хорошенькую Надиньку, въ которую былъ влюбленъ до зарѣза въ молодости и считался почти ея женихомъ, но свадьба почему-то не состоялась, и Иванъ Антоновичъ, вспоминая прошлое въ безсонныя ночи, разсуждалъ о томъ, что произошло бы, еслибы въ одинъ достопамятный вечеръ, сидя на скамейкѣ подъ липами, въ саду у озера, съ милой На-

динькой, онъ увлекся любовью къ ней и произнесъ роковыя слова, связавшія его съ нею на всю жизнь? Но онъ не сказалъ этихъ словъ, а только обнялъ и поцѣловалъ Надиньку. И вотъ *теперь?*—но къ чему жалѣть о томъ, чего не вернешь назадъ, какъ не вернешь назадъ силъ и молодости, и не родишься во второй разъ на свѣтъ, чтобы исправить старыя ошибки?

А Надинька, проплакавъ всю ночь и прогоревавъ цѣлый годъ, вышла замужъ за гвардейца, прижила съ нимъ полдюжины дѣтей, и недавно зимою въ Петербургѣ, встрѣтившись какъ-то на балу съ Иваномъ Антоновичемъ, улыбнулась ему и протянула руку. Она представила ему двухъ взрослыхъ дочерей, изъ коихъ одна была ни дать, ни взять прежней Надинькой, такъ что Иванъ Антоновичъ, при видѣ ея, даже сердцемъ умилился. Маменька же, увы, обратилась въ толстую старуху, которую Цвиленевъ едва узналъ! Съ тѣхъ поръ тѣнистый садъ и луна, и скамейка подъ липами, утонули въ озерѣ и перестали смущать старческій сонъ Ивана Антоновича.

Въ то утро, которое мы описываемъ, баринъ и слуга были оба какъ-то особенно не въ духѣ; петербургская-ли осень, или что другое ихъ безпокоило, но только все не клеилось и падало изъ рукъ; баринъ за все бранился, слуга на все ворчалъ.

— Кофе холодный, брюзжалъ Иванъ Антоновичъ:—пить нельзя,—и онъ отодвинулъ чашку.

— Помилуйте, съ пылу, отвѣчалъ Лаврентій:—только что вскипѣлъ, сами видѣли.

— Вскипѣлъ, вскипѣлъ, кипятился Цвиленевъ:—мо-

жетъ быть, кофе и кипѣлъ, да сливки холодныя, пить нельзя, гадость.

— И сливки только что вскипятили въ кухнѣ, самъ видѣлъ, какъ кухарка упустила ихъ на плиту.

— Ну, вотъ оттого и воняетъ; слышу чадъ какой-то въ домѣ, не понимаю откуда, а оно изъ кухни. Злодѣи вы, варвары, уморить меня хотите!

— Изъ кухни никогда чаду въ комнаты не доходитъ, даже жаркое когда жарятъ и то не слышно.

— Врешь, врешь, чадите каждый день, хоть изъ дому вонъ бѣги.

Лаврентій только пожалъ плечами и налилъ барину другую чашку кофе.

Это происходило въ столовой, куда Иванъ Антоновичъ перебрался по окончаніи своего туалета, который тоже не обошелся безъ приключеній.

Баринъ былъ въ шелковомъ халатѣ, бархатныхъ туфляхъ и ермолкѣ на головѣ, а слуга въ сѣромъ полуфракѣ, со свѣтлыми пуговицами, гладко выбритый, причесанный и въ такомъ же безукоризненномъ бѣльѣ, какъ и самъ баринъ. Волосы у него были съ сильною просѣдью, но еще густые. Баринъ же былъ плѣшивый, сѣдой, какъ лунь, и втайнѣ завидовалъ кудрямъ своего слуги.

— Ишь старый чортъ, ворчалъ онъ, но такъ, что Лаврентій не слышалъ:—сѣдой совсѣмъ, а туда же завивается.

Но это была сознательная клевета. Лаврентій никогда не завивался и былъ кудрявъ съ молоду, что вмѣстѣ съ его красивымъ лицомъ и стройною фигурою доставляло ему несомнѣнные успѣхи у женщинъ.

— Курьеръ пришелъ, доложилъ Лаврентій.

— Что ему надо?

— Бумаги принесъ.

— Ахъ, чортъ его дери!

Иванъ Антоновичъ всегда сердился, когда ему приносили бумаги, хотя его вовсе не обременяли по службѣ. Онъ былъ штатскій генералъ и занималъ блаженное мѣсто—члена одного изъ общихъ присутствій, которыхъ такъ много въ нашемъ отечествѣ. Засѣдалъ онъ одинъ разъ въ недѣлю, а иногда и рѣже; тѣмъ не менѣе, онъ все толковалъ, что ему пора на покой—„довольно, молъ, потрудился на своемъ вѣку".

— Вотъ возьму, да и выйду въ отставку.

Но въ отставку онъ не выходилъ, такъ какъ и безъ того скучалъ бездѣйствіемъ. Въ присутствіи же все-таки увидишь кой-кого и услышишь что нибудь новое. Къ тому же—жалованье.

Но жалованьемъ онъ не стѣснялся, такъ какъ былъ богатъ и безъ того, и не зналъ куда дѣвать деньги.

Лаврентій тоже былъ съ капитальцемъ, прикопленнымъ во время долголѣтней службы у барина. Онъ имѣлъ свои доходы сверхъ жалованья, но считалъ ихъ вполнѣ безгрѣшными, такъ какъ оберегалъ за симъ ревниво интересы барина отъ всякихъ другихъ хищеній и самъ пользовался на столько, чтобы скопить копѣйку про черный день.

— У меня, братъ, комаръ носа не подточитъ! хвалился онъ пріютелю буфетчику въ сосѣднемъ домѣ:—ни кухарка, ни кучеръ, ни кухонный мужикъ ни, ни!—ни

гроша въ карманъ не положатъ, шалишь, хозяйское добро бережемъ.

Но въ домѣ шло обычное воровство, и Лаврентія самого крупно надували, также какъ и онъ маленько поднадувалъ своего барина.

Порядокъ, впрочемъ, былъ въ домѣ безукоризненный, благодаря стараніямъ преданнаго слуги. Все было какъ съ иголочки и выглядѣло точно новое изъ магазина.

Въ описываемый нами день, Иванъ Антоновичъ никуда не выходилъ изъ дому, чувствуя себя нездоровымъ, и не велѣлъ никого принимать къ себѣ.

Но одинъ изъ пріятелей его все-таки прорвался и остался даже обѣдать незваннымъ, на что Цвиленевъ и Лаврентій оба очень сердились и назвали непрошеннаго гостя нахаломъ. По отъѣздѣ его, у нихъ произошла даже размолвка: Иванъ Антонычъ, продолжая брюзжать, нашелъ все сквернымъ и обѣдъ, и вино, и сервировку.

— Рыбу недоварили, жаркое пережарили, а вино, воскликнулъ онъ, отодвигая отъ себя недопитый стаканъ,— просто гадость, кислятина!

— Гдѣ ты берешь его?

— Не я беру, отвѣтилъ угрюмо Лаврентій, а вы сами изволите покупать у Елисѣева.

— Я беру у Елисѣева хорошій лафитъ, а это чортъ знаетъ что такое.

— Не могу знать-съ, какой сами выбираете.

— Врешь, врешь, я беру хорошій, а ты кислятину подаешь.

Но тутъ уже и Лаврентій обидѣлся.

— Значитъ, я подмѣниваю ваше вино, краду хорошее,

а вамъ дурное подаю, кислое,—благодарю покорно, за мою-то значить службу, меня же воромъ обзываете. Нѣтъ, ужъ лучше увольте, коли я до сихъ поръ угодить вамъ не съумѣлъ.

Угроза эта подѣйствовала магически. Баринъ тотчасъ же смирился, а слуга, почувствовавъ, въ непріятельскомъ лагерѣ отступленіе, усилилъ нападеніе.

— Нѣтъ, ужъ воля ваша,—разсчитайте и одинъ конецъ, чтожъ, коль я воръ, господское добро краду.

Но Цвиленевъ хорошо понималъ, что уволить стараго слугу нельзя, потому безъ него онъ совсѣмъ пасъ. Да и какъ уволить, вѣдь онъ привыкъ къ нему, да и любилъ его совсѣмъ особою любовью, какъ баринъ любитъ лакея.

Признать въ немъ равнаго себѣ человѣка, онъ не могъ, подать ему руку, посадить съ собою за столъ, не рѣшался, но обойтись безъ его услугъ, тоже не могъ.

— Какъ же это такъ, привыкать къ другому,—нѣтъ этого нельзя? да и самъ Лаврентій знаетъ, что нельзя, онъ только такъ, пустое болтаетъ.

При этомъ Иванъ Антонычъ проникся жалостію къ самому себѣ и вздохнувъ тяжело, рѣшилъ, что онъ самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ, всѣ мучаютъ его и не даютъ покоя. Вотъ хотя бы этотъ Лаврентій,—вѣдь самъ знаетъ, что уйти ему изъ дому невозможно, а болтаетъ пустое и только сердитъ его, своего старика барина, и безъ того больного.

Вечеромъ Цвиленевъ совсѣмъ раскисъ и послалъ за докторомъ.

Пріѣхалъ Карлъ Ивановичъ, тощій, высокій нѣмецъ въ золотыхъ очкахъ на носу и, осмотрѣвъ больного, ска-

залъ „гмъ!“, но такимъ тономъ, что паціентъ его поблѣднѣлъ, какъ полотно.

Докторъ приказалъ напиться чаю съ коньякомъ и лечь въ постель, чтобы вспотѣть хорошенько.

Подали самоваръ и отличный коньякъ, но Иванъ Антоновичъ не дотронулся до коньяку, а докторъ усердно сталъ пить его самъ, съ чаемъ и безъ чаю.

Пилъ и похваливалъ.

— Эхъ, хорошъ коньякъ! Гдѣ вы его берете?

— У Елисѣева, отвѣчалъ хозяинъ.

Докторъ еще разъ похвалилъ коньякъ и уѣхалъ, прописавъ лавровишневыхъ капель и поручивъ своего паціента Лаврентію.

Послѣдній совѣтовалъ напиться бузины, но Цвиленевъ и отъ бузины отказался, причемъ вздохнулъ такъ глубоко, будто хотѣлъ сказать этимъ, что никакія лекарства ему не помогутъ, болѣзнь, молъ, не физическая, а чисто нравственная; но въ чемъ состояли его нравственныя страданія—не объяснилъ и еслибы его спросили объ этомъ, то онъ сталъ бы въ совершенный тупикъ.

Къ счастью, не кому было спрашивать, такъ какъ кромѣ Лаврентія никого не было въ комнатѣ, а Лаврентій ни о чемъ не спрашивалъ, зная заранѣе, что баринъ вовсе не боленъ, а только привередничаетъ.

Тѣмъ не менѣе онъ отнесся къ его болѣзни почтительно и, не упоминая болѣе о возникшемъ недоразумѣніи, уложилъ Ивана Антоновича въ постель, со всѣми подлежащими сему священно-дѣйствію обрядами.

Онъ бережно раздѣлъ его, поправилъ подушки, укуталъ одѣяломъ, заткнувъ его со всѣхъ сторонъ, подъ

спину и подъ ноги, затѣмъ прикрылъ сверху еще другимъ одѣяломъ, ватнымъ, поставилъ на ночной столикъ стаканъ съ водою и другой съ холоднымъ чаемъ, засвѣтилъ ночникъ и, пожелавъ барину спокойной ночи, вышелъ на цыпочкахъ изъ спальни.

Иванъ Антоновичъ, во время этой процедуры, тяжело вздыхавшій и охавшій, замолкъ, какъ только дверь за Лаврентіемъ затворилась, и мирно заснулъ, слегка подхрапывая и посвистывая носомъ.

II.

На другое утро баринъ еще спалъ глубокимъ сномъ, когда Лаврентій вошелъ въ его кабинетъ, чтобы убрать и привести все въ порядокъ. Онъ одинъ только зналъ, какъ нужно прибрать завѣтную комнату и положить все по мѣстамъ на столѣ и столикахъ, придвинуть кресла и стулья къ стѣнѣ и дивану, что было нелегкою задачею, такъ какъ малѣйшее отступленіе отъ разъ принятаго порядка составляло crime de lèse-majesté и возбуждало цѣлую бурю негодованія.

Семенъ, кухонный мужикъ, топилъ барскій кабинетъ и раздувалъ дрова въ каминѣ.

Въ передней послышался слабый звонокъ.

— Это кто? спросилъ Лаврентій:—для газетъ и писемъ еще рано; сходи-ка Семенушка, отвори.

Семенъ пошелъ въ переднюю, но тотчасъ-же вернулся.

— Госпожа какая-то барина спрашиваетъ.

— Барина? Да онъ еще спитъ; что-жъ ты не сказалъ ей?

— Сказывалъ, да она говоритъ—„подожду“; корзину какую-то принесла, большущую.

— Какую корзину? что въ ней? Поди, спроси.

Семенъ ушелъ и опять тотчасъ-же вернулся.

— Нѣтъ никого, ушла.

— А корзина?

— Осталась въ передней.

— Вотъ тебѣ и на! И какого чорта намъ корзина? Поди-ка, погляди, что въ ней.

Семенъ опять вышелъ, но въ этотъ разъ назадъ не вернулся, а изъ передней послышался его встревоженный голосъ:

— Аѳанасьичъ, Аѳанасьичъ! кричалъ онъ, — подите сюда, да скорѣй!

— Ну, чего тамъ? проворчалъ камердинеръ, грузно вставая и направляясь въ переднюю.

Тамъ онъ увидѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, большую корзину и кухоннаго мужика, стоявшаго передъ нею въ полномъ изумленіи.

Въ раскрытой Семеномъ корзинѣ лежалъ ребенокъ на подушечкѣ, прикрытый розовымъ одѣяльцемъ.

— Подкинули! воскликнулъ Лаврентій: — подкинули! Бѣги скорѣй за ней, бѣги, лови!

И онъ самъ бросился вмѣстѣ съ Семеномъ внизъ по парадной лѣстницѣ черезъ растворенную настежь дверь.

Но барыни, принесшей корзину, и слѣдъ простылъ. Швейцаръ даже не видалъ ее. Она проскользнула мимо, незамѣтно, въ то время, когда онъ отлучился на нѣсколько минутъ изъ швейцарской.

Догонять было напрасно—улица оказалась пустою.

Лаврентій и Семенъ вернулись въ переднюю въ сопровожденіи швейцара, и всѣ трое стали въ недоумѣніи разсматривать корзину и все въ ней содержимое.

— Бѣги, Сеня, за прачкой Ариной, приказалъ Лаврентій, — она баба и лучше насъ придумаетъ, что тутъ дѣлать.

Явилась Арина и только всплеснула руками.

— Ангелъ Божій, кажись, дѣвочка, спитъ какъ сладко! И она заплакала.

— Чего ревешь, слазалъ Швейцаръ, отличавшійся жестокосердіемъ.—Тутъ дѣло не женское, надо въ полицію дать знать.

— Постой, объявилъ Лаврентій:—надо прежде барину доложить, вотъ ужо проснется.

— А до того что-жъ съ ребенкомъ дѣлать? И Арина предложила взять его на кухню.

— Ни, ни, не тронь! глубокомысленно сказалъ швейцаръ:—ужо полиція нагрянетъ, тутъ, братъ, хлопотъ не оберешься.

Арина продолжала хныкать и причитать, а младенецъ спалъ безмятежно въ своей корзинкѣ и улыбался во снѣ.

— Барину доложить надо, повторилъ Лаврентій,— безъ барина тутъ ничего не подѣлаешь; такое дѣло вышло! всѣмъ намъ на орѣхи попадетъ, а все Семенъ— зачѣмъ корзинку принялъ?

— Нѣшто я принималъ! она въ переднюю внесла и убѣгла.

— Корзинка, что ли, убѣгла?

— Ни, барыня.

— Барыня, барыня, ахъ, ты, разиня!

— Семенушка, обратилась къ нему Арина:—сбѣгай-ка, голубчикъ, за молочкомъ въ сливочную лавку: дитя проснется, я его напою.

Она уже смотрѣла любовно на ребенка и предвкушала сладость возни съ нимъ.

— И то дѣло, поддакнулъ Лаврентій:—закричитъ еще этотъ пострѣлъ, барина разбудитъ.

Лаврентій тревожился, главнымъ образомъ о своемъ ребенкѣ, баринѣ и боялся испугать его.

Какъ ни охали, ни ахали, а пришлось, наконецъ, разбудить Ивана Антоновича.

— А, ахъ, что? промычалъ онъ, когда Лаврентій бережно дотронулся до его одѣяла.

— Вставайте, сударь, у насъ бѣда случилась.

— А, ахъ, что? какая бѣда? И Цвиленевъ сѣлъ на постели.

— Да не тревожтесь, ничего особеннаго, бѣда небольшая, а только распорядится надо.

— Да говори же, что случилось? Пожаръ, что ли?

— Не пожаръ, а ребенка намъ подкинули.

Цвиленевъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ постели и, какъ былъ, босикомъ, сталъ бѣгать по ковру черезъ всю комнату.

— Ребенка, ребенка! кричалъ онъ.—Да вы уморить меня хотите! Какой ребенокъ, чей, откуда?

— Да подкинули, докладываю я вамъ: барыня какая-то въ переднюю въ корзинкѣ принесла, а сама убѣжала; ну, а въ корзинкѣ-то ребенокъ, грудной еще.

— Грудной, грудной! горячился Иванъ Антоновичъ,

продолжая бѣгать по спальной.—Злодѣи вы, смерти моей хотите!

— Да вы успокойтесь, сударь! тутъ ничего нѣтъ такого: въ полицію дадимъ знать, ну, и въ воспитательный отвеземъ.

— А какъ ребеночекъ умретъ пока?

— Что вы, онъ здоровенькій, хорошенькій такой, посмотрѣть любо.

— Да покажи же мнѣ его, покажи, гдѣ онъ?

— Въ корзинкѣ, въ передней; тамъ Арина съ нимъ возится.

— Арина, Арина! она дура, еще уронитъ.

— Помилуйте-съ, у ней свои дѣти были.

Черезъ полчаса во всемъ домѣ уже знали, что генералу Цвиленеву подкинули ребенка, и пошли толки и пересуды о томъ—чей онъ, откуда, не его ли собственный, примутъ или отошлютъ въ воспитательный и проч. Кухню осадила вся сосѣдняя прислуга, и ей Семенъ торжественно разсказывалъ, какъ все это случилось: позвонила барыня и спросила барина, а, онъ Семенъ, только побѣжалъ доложить, а она убѣгла и корзину оставила, а въ корзинѣ-то ребенокъ, грудной еще!

— Ахъ ты, сердечный! причитали сосѣднія кумушки и кухарки, горѣвшія нетерпѣніемъ поглядѣть на подкидыша, но пуще всѣхъ горячилась цвиленевская кухарка, негодовавшая на то, что не ее позвали на совѣтъ, а прачку Арину.

— А кто-жъ ребенка кормить будетъ? съострилъ кто-то.—Семенъ, что-ли?

Всѣ засмѣялись, но порѣшили, что если подкидышу

счастье и его примутъ, то и почище Семена мамку найдутъ.

Въ то же утро, послѣ того, какъ баринъ умылся, одѣлся и вышелъ въ столовую кушать кофе, между нимъ и Лаврентіемъ происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Ну, въ воспитательный, такъ въ воспитательный, говорилъ Иванъ Антоновичъ:—вези его, куда-жъ намъ съ нимъ.

— Такъ-съ, отвѣчалъ Лаврентій почтительно; — только-съ!..

— Что еще? набѣдокурили, такъ и расхлебывайте сами, какъ знаете!

— Въ полицію бы надо сообщить, Иванъ Антонычъ, протоколъ составятъ, вещи всѣ опишутъ.

— Какія вещи?

— А что въ корзинкѣ; тамъ и письмо есть.

— Подай сюда!

Письмо заключало въ себѣ нѣсколько словъ:

„Не покиньте ребенка! Богъ воздастъ вамъ сторицею. Дѣвочка не крещена еще, но имя наречено ей: „Наталья“.

Почеркъ былъ женскій, но твердый. Вещи на ребенкѣ и нѣсколько перемѣнъ дѣтскаго бѣлья въ корзинкѣ всѣ простыя, но видимо сшитыя заботливой рукой, и только одѣяльце подшито розовой шелковой матеріей, да подушечка подъ головкой узкимъ кружевомъ.

Иванъ Антоновичъ пожелалъ видѣть ребенка.

Его принесла на рукахъ въ столовую Арина.

— Дѣвочка? спросилъ онъ.

— Дѣвочка, отвѣчала Арина и глубоко вздохнула.

— Ну что-жъ мы съ ней дѣлать будемъ?

— Не могу знать-съ, какъ ваша милость.

— Спитъ она?

— Спитъ, сударь, все время; глазки два раза открывала, темненькіе, да опять уснула. Христосъ съ ней. Должно быть дурманомъ ее опоили.

— Дурманомъ? развѣ дѣтямъ дурману даютъ?

— Всяко бываетъ: безбожная мать на все рѣшится, лишь бы избавиться отъ младенца.

— Да вѣдь это ядъ, она умреть пожалуй?

— Дастъ Богъ молочкомъ отпоимъ; да вотъ бы рожокъ купить надо, сударь.

— Какой рожокъ?

— Соску значитъ, съ ложечки, пожалуй, не возьметъ.

— Ну купи соску, молочка и еще что тамъ понадобится. Вотъ тебѣ на расходы. И Иванъ Антоновичъ сунулъ ей 10-ти рублевую бумажку въ руку.

— Покорнѣйше благодаримъ, дай Богъ вамъ здоровья. И сердобольная баба прослезилась.

— Ну, ступай! объявилъ Иванъ Антонычъ: — тамъ увидимъ, а ты пока побереги ее.

— Слушаю-съ.

Арина унесла ребенка. Цвиленевъ остался одинъ съ Лаврентіемъ, стоявшимъ передъ нимъ въ почтительномъ разстояніи.

— Дурманомъ, повторилъ Иванъ Антоновичъ, закуривая ароматную гаванскую сигару и пуская дымъ изъ нея.—Вѣдь это опасно, какъ ты думаешь, Лаврентій? дурманъ вѣдь ядъ!

— Оно точно, сударь, младенцу много ли нужно!

— Такъ вотъ что. Ты пошли за Карломъ Иванычемъ,

пускай онъ дѣвочку поосмотритъ, а мы ее пока у насъ оставимъ.

— Слушаю-съ.

— А тамъ завтра распорядимся.

Лаврентій молчалъ, недоумѣвая, какъ все обошлось благополучно, и какъ баринъ былъ милостивъ.

— Дурманомъ, опять сказалъ Иванъ Антонычъ:— нѣтъ, этого нельзя. Карлъ Иванычъ ей что нибудь пускай пропишетъ, противоядіе какое-нибудь; ты поскорѣй пошли за нимъ.

— Слушаю-съ.

— А вѣдь съ молокомъ лекарство дать можно?

— Можно-съ, помилуйте. Арина съумѣетъ — у ней свои дѣти были.

* * *

Прошло три дня, а подкинутый ребенокъ все еще оставался въ домѣ у Цвиленева. Арина усердно поила его молочкомъ. Докторъ научилъ ее, какъ приготовлять это молоко, съ теплой сахарной водой и тщательно смотрѣть, чтобы оно не скисло.

Иванъ Антоновичъ съ любопытствомъ разсматривалъ маленькую дѣвочку и все тревожился, какъ бы дурманъ не отравилъ ее. Но дурманъ видимо прошелъ: ребеночекъ очнулся, пищалъ, жадно сосалъ съ рожка и даже улыбался. Арина въ немъ души не чаяла, и Лаврентій распорядился, чтобы избавить ее отъ стирки, покуда дѣвочку не отвезутъ въ воспитательный.

Вопросъ этотъ оказался роковымъ не только для

Арины и самого подкидыша, но и для нѣкоторыхъ другихъ въ домѣ.

Семенъ, напримѣръ, часто заходилъ въ комнату къ прачкѣ и подолгу любовался дѣвочкой; онъ вспоминалъ, что и у него въ деревнѣ есть тоже дѣвочка, которую онъ давно не видалъ и которая ужъ подросла теперь и пожалуй ходитъ.

Кухарка, какъ ни злобствовала на прачку, называя ее пройдохой и аспидомъ, но сама не утерпѣла и тайкомъ поцѣловала подкидыша, когда онъ спалъ въ своей корзинкѣ, перенесенной изъ передней въ людскіе аппартаменты.

Барскій камердинеръ держалъ себя сдержанно, какъ и подлежало его высокому сану, но и онъ освѣдомлялся часто у Арины, о ея питомицѣ. Онъ былъ съ Ариной старыми пріятелями, изъ прежнихъ крѣпостныхъ цвиленевскихъ, и не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, не заботиться о младенцѣ, порученномъ бариномъ Аринѣ, которая къ тому же была кумой ему, Лаврентію.

Что касается до самого барина, то онъ точно преобразился — и вѣрный слуга просто недоумѣвалъ, что такое съ нимъ приключилось: онъ пересталъ брюзжать и сердиться, по нѣсколько разъ въ день заговаривалъ съ нимъ и все о дѣвочкѣ, крикъ которой не только не безпокоилъ его, но, напротивъ, казался ему пріятнымъ; а утромъ, когда пилъ кофе, призывалъ прачку и приказывалъ ей приносить съ собою ребеночка.

— Что жъ она здорова, ничего? — допрашивалъ онъ Арину.

— Ничего, сударь, здоровенькая, Христосъ съ ней.

— И кушаетъ молочко?

— Кушаетъ, сударь.

Но на третій день у дѣвочки заболѣлъ животикъ, и призванный Карлъ Ивановичъ объявилъ, что это отъ перемѣны питанія.

— У груди она была два — три мѣсяца, навѣрное, а теперь на коровье молоко посадили, вотъ животъ и болитъ. Мамку бы ей взять здоровую, какъ рукой все сниметъ.

— Мамку!—и Иванъ Антоновичъ крѣпко задумался. Онъ, очевидно, боролся самъ съ собою и не зналъ — на что рѣшиться.

— Свезти въ воспитательный? Дѣло не хитрое, мало ли ихъ тамъ помираетъ!

Но оно почему-то претило его чистой душѣ и нравственному чувству. Ему ввѣрили беззащитное, безпомощное дитя, а онъ броситъ его на произволъ судьбы. Его свезутъ куда-нибудь въ деревню, гдѣ глупая, безсердечная баба загубитъ его.

Вѣдь это грѣхъ великій, и если Господь судилъ иначе, то неужели онъ, Иванъ Антоновичъ, который въ жизни своей мухи не обидѣлъ, обидитъ маленькую дѣвочку, это крошечное, ни въ чемъ неповинное, существо, и пойдетъ явно противъ воли Божіей?

Все это кончилось, какъ и слѣдовало ожидать, новымъ совѣщаніемъ съ Лаврентіемъ.

— Какъ ты думаешь?—допрашивалъ онъ его.

— Т. е. насчетъ чего-съ?

— Да насчетъ мамки!

— Какъ прикажете?

— Докторъ говоритъ, что вредно коровье молоко для такого маленькаго ребенка, и Арина то же думаетъ. Вонъ она какъ кричитъ, бѣдняжка, слышишь?

— Слышу-съ, сударь.

— Такъ какъ же ты думаешь?

— Насчетъ кормилицы?

— Да, вѣдь достать можно?

— Отчего не достать, помилуйте.

— Такъ достань, да чтобы хорошая была; ну, выздоровѣетъ дѣвочка, немного поправится, мы тамъ увидимъ; вѣдь отправить въ воспитательный всегда можно.

— Конечно-съ.

Плодомъ всѣхъ этихъ совѣщаній была кормилица, здоровенная, деревенская баба, которую водворили въ особой комнатѣ, вмѣстѣ съ ребенкомъ и туда же переселили Арину, переименовавъ ее изъ прачекъ въ няни.

Такимъ образомъ, совершилось событіе, котораго никто не ожидалъ и которое крайне удивило всѣхъ друзей и пріятелей Ивана Антоновича.

Ему подкинули ребенка и онъ принялъ его.

Многіе недоброжелательные люди намекали на то, будто ребенокъ его собственный, незаконнорожденный, но это была чистѣйшая клевета.

Иванъ Антоновичъ былъ чистъ и непороченъ въ этомъ дѣлѣ, какъ голубь и принятіе имъ на воспитаніе младенца явилось поступкомъ чисто безкорыстнымъ и даже, можно сказать, великодушнымъ въ его годы и при его общественномъ положеніи.

— Дядюшка совсѣмъ одурѣлъ,—кричали племянники Цвиленева и родственники его, чаявшіе послѣ его смерти

получить богатое наслѣдство, но были и болѣе справедливые, въ томъ числѣ одна дальняя родственница Цвиленева, княгиня, еще молодая и красивая, которая пріѣхавъ къ нему и увидѣвъ дѣвочку на рукахъ у нарядной мамки, воскликнула.

— Charmante! и расцѣловала сперва ребенка, а потомъ и Ивана Антоновича въ обѣ щеки.

III.

Новый членъ семьи Цвиленева произвелъ въ домѣ полный переворотъ и принесъ съ собою много радостей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много заботъ.

Лаврентій, напримѣръ, комната котораго была возлѣ дѣтской, вставалъ нѣсколько разъ въ теченіе ночи и ходилъ провѣдать, что дѣлается по сосѣдству: все ли тамъ благополучно, и о чемъ плачетъ ребенокъ?

— О чемъ! — восклицала Арина: — кушать проситъ. Ты, Афонасьичъ, этихъ дѣловъ совсѣмъ не смыслишь: „дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ“.

— Такъ-то такъ, кума, да только ты гляди въ оба за мамкой, потому она деревенская дура и съ просонья, пожалуй, ребенка уронитъ.

— Не бось, не уронитъ, — отвѣчала Арина: — ступай-ка съ Богомъ спать и безъ тебя тутъ управимся. Но Лаврентій не уходилъ, или, уйдя, опять появлялся.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ наткнулся въ дѣтской на барина, который топтался тамъ въ халатѣ и туфляхъ на босую ногу.

Зачѣмъ онъ пришелъ—было неизвѣстно; не спалось ли ему, или дѣтскій крикъ дошелъ до его слуха, но только Иванъ Антоновичъ стоялъ около ребенка и глядѣлъ во всѣ глаза, какъ его пеленали. Онъ былъ такъ погруженъ въ это зрѣлище, доселѣ имъ невиданное, что не замѣтилъ, какъ вошелъ въ комнату его камердинеръ,

— Вы бы, сударь, лучше спать пошли, — сказалъ съ досадой Лаврентій: — неужели безъ васъ тутъ не доглядятъ?

Цвиленевъ, застигнутый врасплохъ, сильно сконфузился, и, не сказавъ ни слова, поспѣшилъ удалиться, шлепая туфлями. Но, придя къ себѣ, онъ долго не могъ заснуть, ворочался, кряхтѣлъ, кутался въ одѣяло и притомъ все думалъ:

— Зачѣмъ это Лавреній всюду свой носъ суетъ,—ну его ли дѣло, ночью, въ дѣтскую ходить, ужели Арина глупѣе его и за ребенкомъ не усмотритъ? Женщина она, кажется, осмотрительная, своихъ дѣтей имѣла.

Сцены эти повторялись все чаще и Иванъ Антоновичъ и его вѣрный слуга начали, наконецъ, ревновать другъ друга къ маленькой дѣвочкѣ, еще мало ихъ отличавшей, и косились одинъ на другого, когда сталкивались въ дѣтской.

А дѣвочка росла между тѣмъ и хорошѣла; она начала гулить и улыбаться.

Старики не чаяли въ ней души и не могли понять, какъ они жили до сихъ поръ безъ такого сокровища, и что это была за жизнь?

Иванъ Антоновичъ, напримѣръ, ѣлъ, пилъ, игралъ въ карты, на службу ѣздилъ, а дома брюзжалъ и бранился.

Лавреній убиралъ комнаты, ворчалъ, ходилъ за бариномъ, какъ за ребенкомъ. Но, Боже, какъ жизнь ихъ была пуста и безцвѣтна прежде, и какъ она теперь полна и радостна.

Дѣвочку окрестили именемъ Натальи, причемъ Цвиленевъ былъ, конечно, воспріемникомъ, а крестною матерью Арина, которая, такимъ образомъ, покумилась съ бариномъ, къ великой зависти кухарки и отчасти самого Лаврентія, который обидѣлся, зачѣмъ и его не позвали въ крестные отцы.

Цвиленевъ выѣзжая изъ дому, накупалъ множество игрушекъ: побрякушекъ разныхъ, кричащихъ козликовъ, осликовъ, собачекъ и проч., но крестница его была еще слишкомъ мала, чтобы оцѣнить эти подарки, она швыряла ихъ на полъ и разбивала.

Кромѣ игрушекъ Иванъ Антоновичъ накупилъ въ лучшемъ бѣлевомъ магазинѣ цѣлое дѣтское приданое: пеленокъ, свивальниковъ, кофточекъ и рубашечекъ самыхъ тонкихъ, чепчиковъ и одѣяльцевъ; все было самое дорогое и лучшее; онъ разсматривалъ все это и любовался крошечными вещичками. Кофточки, напримѣръ, въ особенности его интересовали, онѣ были до того миніатюрны, точно сшиты на куклу, и старикъ недоумѣвалъ, какъ такая маленькая вещь могла налѣзать на тѣльце хотя и крошечнаго существа, но все-таки человѣка, а не куклы?

Дѣтскую онъ разубралъ такъ, что она стала наряднѣе гостиной, а кабинетъ отнынѣ былъ просто неузнаваемъ. Завѣтный письменный столъ, представлялъ изъ себя какой-то хаосъ, который въ былое время привелъ бы въ ужасъ Ивана Антоновича, но теперь все измѣнилось: на столѣ валялись игрушки, даже пеленки, по-

рою не совсѣмъ чистыя; карандаши, перья, бумаги были разбросаны, и Лаврентій напрасно ворчалъ и приводилъ все въ порядокъ; гости изъ дѣтской опять все разбрасывали, а баринъ только смѣялся и радовался. Онъ перестилъ даже въ винтъ играть, къ себѣ никого не принималъ и самъ никуда не ѣздилъ. Друзья и пріятели не могли надивиться происшедшей въ немъ перемѣнѣ и общимъ голосомъ рѣшили, что онъ рехнулся. Дѣвчонку ему подкинули, а онъ и раскисъ совсѣмъ, возится съ нею и скоро пеленки самъ стирать станетъ.

Лаврентій былъ благоразумнѣе и старался сохранить хотя сколько-нибудь декорумъ въ домѣ и свое собственное достоинство. Онъ все-таки считалъ главнымъ своимъ дѣтищемъ барина и не могъ помириться съ тѣмъ, чтобы дѣтище это стало смѣшнымъ въ глазахъ людей,

— Вчера заѣзжалъ къ вамъ Семенъ Петровичъ,—докладывалъ онъ барину:—приглашали на завтра откушать, да отъ Одинцовыхъ человѣкъ приходилъ, зовутъ васъ сегодня на винтъ, безпремѣнно.

— А ну ихъ къ чорту, очень мнѣ нужно, чего я тамъ не видалъ?

— Не хорошо, сударь, совсѣмъ отъ людей отбились; вотъ бы поѣхали сегодня въ карты поиграть и къ намъ бы пригласили кого-нибудь?

— Надоѣли они мнѣ всѣ, какъ горькая рѣдька, мало я съ ними возился? А на карты и глядѣть тошно,

Лаврентій только пожималъ плечами и начиналъ думать, что они сдѣлали промахъ, не отправивъ подкидыша въ воспитательный? Но когда онъ глядѣлъ на дѣвочку, начинавшую лепетать, когда она протягивала къ нему

ручонки, аукала и смѣялась, онъ забывалъ все, хваталъ ее на руки и бѣгалъ съ ней по комнатамъ, забывъ свой *рюматизмъ*, какъ онъ называлъ эту болѣзнь и свои больныя ноги.

— Афонасьичъ у насъ никакъ рехнулся, — говорила Арина, качая головой: — и что это будетъ ужо, какъ ребеночекъ еще подростетъ. Старики наши совсѣмъ одурѣютъ. Вотъ женились бы во время, съ молоду, свои бы дѣти были, а то что толку теперь, чужихъ ребятъ нянчить приходится. Добрая баба, впрочемъ, сама всею душою привязалась къ ребенку и гордилась своимъ кумовствомъ съ бариномъ и новымъ почетнымъ положеніемъ въ домѣ.

* * *

Прошла зима, настало лѣто, и Цвиленевы переѣхали на дачу.

Прежде этого никогда не бывало; Иванъ Антоновичъ терпѣть не могъ петербургскихъ дачъ, но въ этомъ году нанялъ великолѣпную дачу, такъ какъ воздухъ былъ необходимъ для Талечки — уменьшительное имя отъ Натальи, какъ прозвали дѣвочку.

И чего только не творилось на этой дачѣ?

Талечка начинала ходить, а къ концу лѣта и бѣгать; мамку отпустили, и старики стали еще болѣе возиться съ ребенкомъ; они бѣгали съ нимъ по саду, запыхавшись, и Арина, женщина уже не молодая, не всегда носпѣвала за ними.

— Господи, ты Боже мой! уморили меня совсѣмъ, — жаловалась она новой кухаркѣ, — старую прогнали, такъ какъ она не ладила съ нянькой.

— Силъ моихъ нѣтъ, ноги отказываются.

Но Иванъ Антоновичъ точно ожилъ и помолодѣлъ, онъ бѣгалъ, держа за руку ребенка, а Лаврентій прихрамывалъ сзади, забывъ про свой *рюматизмъ*. Только между стариками стало появляться все болѣе и болѣе соперничества по отношенію къ ребенку: Иванъ Антоновичъ сердился, когда Талечка шла на руки къ Лаврентію, а Лаврентій былъ угрюмъ до нельзя, когда баринъ, приказавъ заложить коляску, усаживалъ въ нее Арину съ дѣвочкой и катался съ ними по парку, оставляя камердинера въ полномъ одиночествѣ.

Къ исходу лѣта, впрочемъ, случилось большое горе. Дѣвочку простудили и она сильно захворала.

Полетѣли гонцы во всѣ концы за докторами. Явился Карлъ Ивановичъ и еще какой-то важный врачъ, спеціалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ. Карлъ Ивановичъ произнесъ свое знаменательное „Гмъ!“, а другой докторъ ничего не сказалъ, а только пожевалъ губами и плотно позавтракалъ на дачѣ.

Оба они прописали нѣсколько рецептовъ и велѣли держать ребенка въ постели.

Дѣвочка металась и стонала; на нее было такъ жалко смотрѣть, что старики плакали въ тихомолку, скрывая свои слезы другъ отъ друга. Иванъ Антоновичъ не ѣлъ, не пилъ и не выходилъ изъ дѣтской, а Лаврентій слеталъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ, въ городъ и отслужилъ молебенъ, въ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, за здравіе и исцѣленіе младенца Натальи.

Болѣзнь длилась долго, но, наконецъ, наступилъ кри-

зисъ, послѣ котораго доктора объявили, что дѣвочка внѣ опасности.

Лаврентій заревѣлъ благимъ матомъ, а Иванъ Антоновичъ подошелъ къ нему, обнялъ его и поцѣловалъ, въ первый разъ въ жизни поцѣловалъ и крѣпко пожалъ ему руку, но не какъ лакею, а какъ человѣку, равному ему по праву и достоинству, какъ старому другу и пріятелю.

Арина тоже ревѣла и ее тоже обнялъ Иванъ Антоновичъ и подарилъ ей денегъ на шелковое платье, которое она, конечно, не купила.

Ребенокъ поправлялся, но медленно; его перевезли въ городъ и не давали воздуху пахнуть на него. Талечка продолжала прихварывать, похудѣла, поблѣднѣла и стала капризничать. Цвиленевъ по прежнему не отходилъ отъ нея, самъ бралъ на руки и носилъ по комнатамъ.

Разъ какъ-то, оставшись одинъ съ дѣвочкой и замѣтивъ, что она начинаетъ дремать, но не можетъ уснуть и мечется, онъ поднялъ ее изъ кроватки вмѣстѣ съ одѣяломъ и подушечкой и сталъ укачивать, тихо припѣвая:

Чи, чи, чи, чи!
Талечка моя, душечка моя!

Онъ ходилъ по комнатѣ мѣрными шагами, слегка покачиваясь, а дѣвочка прижалась къ его груди своей головкой и, закрывая глазки,—тихо проговорила:—„папа“.

Иванъ Антоновичъ сомлѣлъ отъ жалости и восторга.

„Чи, чи, чи, чи!
„Милочка моя!

Повторялъ онъ свою пѣсню, съ небольшими варіантами, и такъ былъ увлеченъ этимъ дѣломъ, что не замѣтилъ, какъ двери изъ сосѣдней комнаты отворились и на порогѣ появился одинъ изъ старыхъ его пріятелей, только что вернувшійся въ Петербургъ и давно его не видавшій. Пріятель не приказалъ докладывать о себѣ барину, и обойдя всѣ комнаты, добрался до дѣтской.

— Иванъ Антоновичъ, — воскликнулъ онъ, увидя неожиданное для себя зрѣлище и, не выдержавъ, прыснулъ со смѣха. Онъ выбѣжалъ въ кабинетъ, куда сконфуженный Цвиленевъ послѣдовалъ за-нимъ, передавъ ребенка Аринѣ.

Въ кабинетѣ пріятель засталъ новую гостью, княгиню, родственницу Ивана Антоновича, о которой мы уже говорили.

Пріятель, давно знакомый съ нею, — началъ тотчасъ же разсказывать ей и представлять воочію, все видѣнное имъ и слышанное въ дѣтской.

„Чи, чи, чи, чи!“

Пѣлъ онъ, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ и изображая няньку съ ребенкомъ, но не выдержалъ и снова покатился со смѣху, упавъ на стулъ въ изнеможеніи.

Княгиня тоже разсмѣялась, а бѣдный Иванъ Антоновичъ, вошедшій въ эту минуту въ кабинетъ, стоялъ между ними, какъ въ воду опущенный и не могъ понять, чему они смѣются.

— Ой, уморилъ, уморилъ!—стоналъ пріятель, хватаясь за животъ, но княгиня поспѣшила положить конецъ этой сценѣ, заговоривъ съ Цвиленевымъ о дѣлѣ, по которому она къ нему пріѣхала.

IV.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Молодые выросли, старики еще состарились. Ребенокъ, принятый на воспитаніе Цвиленевымъ, обратился въ стройную дѣвочку съ большими черными глазами и густыми волнистыми волосами.

Ихъ перестали уже подстригать и начали отпускать въ косу, обѣщавшую быть длинною и густою.

— Коса—дѣвичья краса, говорилъ Иванъ Антоновичъ, гладя Талечку по головкѣ. Онъ находилъ ее красавицей, да и не онъ одинъ, а и всѣ другіе. Онъ объявилъ ее своею дочерью и наслѣдницею, усыновивъ легальнымъ порядкомъ, и не могъ нарадоваться, налюбоваться на Богомъ ниспосланное ему дитя.

Но любоваться было недостаточно, пришлось воспитывать подросшее дитя.

И тутъ оба старика стали совсѣмъ въ тупикъ.

Къ счастью, на помощь явилась та же родственница Цвиленева, княгиня Анна Михайловна.

— Отдайте ее въ институтъ, совѣтовала она,—или въ гимназію.

— Благодарю покорно! восклицалъ Иванъ Антоновичъ:—тамъ ее изуродуютъ нравственно.

— Почему же? Вотъ я въ институтѣ воспитывалась, развѣ я уродъ?

— Вы другое дѣло. Но почему другое—Цвиленевъ не зналъ, и вся суть заключалась въ томъ, что онъ пуще всего боялся разстаться со своей ненаглядной Талечкой.

— Ну, возьмите ей гувернантку, да только умную,

толковую, чтобы съумѣла не только наукамъ учить, но и воспитать въ дѣвочкѣ характеръ, волю, а именно этого вы, со своимъ баловствомъ, и не съумѣете.

— Гдѣ найти такую гувернантку? возражалъ Иванъ Антоновичъ.

— Вы, Богъ знаетъ, чего для своей Талечки хотите, отвѣчала княгиня,—и воображаете ее какимъ-то особымъ существомъ, а она просто дѣвочка какъ и другія, да еще избалованная и капризная.

Разговоръ о гувернанткѣ, неоднократно повторявшійся, даже въ присутствіи самой Талечки, назрѣлъ, наконецъ, до своего осуществленія. Княгиня рекомендовала одну свою знакомую, дѣвушку еще молодую, но очень умную у получившую хорошее образованіе. Ее всѣ полюбили въ домѣ и въ особенности ея воспитанница, Талечка.

— Что, тетка Арина, говорили люди:—небось тебя за штатомъ оставили. И Арина горько плакала.

Но гувернантка съумѣла ее успокоить.

— Все останется попрежнему, говорила она нянѣ,— только дѣвочка должна учиться и слишкомъ уже велика, чтобы спать въ дѣтской; она будетъ спать со мною, въ моей комнатѣ. Вообще, новая гувернантка съумѣла всѣмъ угодить. Даже Лаврентій похвалилъ ее.

— Барышня что ни на есть самая настоящая, повторялъ онъ; а Иванъ Антоновичъ не могъ ею нахвалиться и горячо благодарилъ Анну Михайловну за рекомендацію.

— У ней одинъ только недостатокъ, замѣтила улыбнувшись княгиня.

— Какой же? спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Слишкомъ хороша собой и молода; для васъ нужно бы постарше и похуже, а то вы влюбитесь пожалуй.

— Ну вотъ еще что выдумали, гдѣ мнѣ влюбляться въ мои годы?

— „Любви всѣ возрасты покорны“! продекламировала, засмѣявшись, княгиня и уѣхала, оставивъ своего собесѣдника въ большемъ недоумѣніи.

Елизавета Николаевна Звигинцева, гувернантка Талечки, была, дѣйствительно, особа очень привлекательная, и не только дѣвочка, не знавшая, какъ мы видѣли, матери, привязалась къ ней всею душою, но и самъ Иванъ Антоновичъ находилъ удовольствіе въ ея обществѣ.

Она была очень начитана, хорошая музыкантша, читала прекрасно вслухъ и даже играла въ пикетъ, чѣмъ услаждала вечерніе досуги папеньки послѣ того, какъ дочка уходила спать. Словомъ, Иванъ Антоновичъ не могъ нарадоваться на новаго члена своей семьи и считалъ счастливымъ днемъ въ жизни появленіе Елизаветы Николаевны въ домѣ.

„Вотъ я жилъ всю жизнь бобылемъ“, разсуждалъ онъ самъ съ собою, „черствымъ эгоистомъ, не зналъ для чего жить и кого любить, а теперь“?

Въ жизни Ивана Антоновича происходилъ, очевидно, новый кризисъ. До сихъ поръ онъ любилъ только Талечку и мечты о ней, о ея счастьи наполняли всю его душу. Теперь онъ сталъ замѣчать, что мысли его принимаютъ другое направленіе, и останавливаются и на другомъ существѣ, столь плѣнительномъ, что оно снилось ему во снѣ и образъ *тети Лизы*, какъ называла свою гувернантку Талечка, все чаще и чаще сталъ смущать

его старческій сонъ. Прекрасные глаза ея, съ опущенными длинными рѣсницами, глядѣли на него изъ ночной темноты и чудесный голосъ ея, когда она пѣла романсы Глинки, звучалъ неотступно въ его ушахъ; разъ ему померещилось даже, что Елизавета Николаевна вошла въ его спальню, склонилась надъ нимъ своимъ гибкимъ, плѣнительнымъ станомъ и прошептала ему слова любви. Онъ проснулся и вскочилъ съ постели, какъ ужаленный.

— Господи Боже мой, да что же это такое, наважденіе дьявольское, или новая милость Божія? Старикъ перекрестился, но заснуть долго не могъ и упорно все думалъ объ одномъ и томъ же.

— У всѣхъ есть мать, даже у послѣдней нищенки,— у одной моей бѣдной Талечки нѣтъ мамы и не было никогда. Она не знала материнской ласки, не слышала материнскаго голоса и я старикъ отжившій, замѣнилъ ей все,—отца и мать.

— Недавно она спрашивала меня, вспоминалъ Иванъ Антоновичъ, ворочаясь въ своей одинокой постели,—отчего она никогда не видала своей мамы, гдѣ она, какія у ней были волосики, какой голосъ и глазки? Съ такими же вопросами она обращалась къ своей гувернанткѣ, къ старому Лаврентію, но что они могли отвѣтить ей?—что мать ея умерла черезъ нѣсколько дней послѣ ея рожденія,—но отчего же о ней не говоритъ никто, какъ будто у ней не было мамы?

— Бѣдная, бѣдная моя дѣвочка, вздыхалъ Иванъ Антоновичъ,—а что если тетю Лизу превратить въ маму? вдругъ произнесъ онъ громко и самъ испугался своихъ словъ, прозвучавшихъ какъ-то гулко въ ночной тишинѣ.

Долѣе онъ спать не могъ и всталъ съ постели. Заря только что занималась, но было уже свѣтло въ комнатѣ. Цвиленевъ поднялъ штору и въ зеркалѣ, когда онъ проходилъ мимо него, отразилась вся его фигура, въ халатѣ, въ туфляхъ, съ плешивой головой и лицемъ покрытымъ морщинами.

— Старикъ, вздохнулъ онъ тяжко; — а, она еще молода, въ цвѣтѣ лѣтъ и какая красавица!—Ну чтожъ, возразилъ онъ самъ себѣ,—женятся и старше меня, и я вѣдь не для себя, а все для моей же ненаглядной Талечки,— пускай и у ней будетъ мама, какъ у другихъ дѣтей.

Умывшись, одѣвшись и строго обдумавъ все, Цвиленевъ нашелъ, что онъ и Елизавету Николаевну долженъ чѣмъ нибудь обезпечить. Она совсѣмъ бѣдная дѣвушка; ну какъ онъ умретъ, долго-ли умереть старику, что съ ней будетъ тогда? По крайней мѣрѣ, онъ ей пенсію оставитъ и по завѣщанію что нибудь, вѣдь на всѣхъ хватитъ, даже еслибы и еще были дѣти.

Отъ послѣдней мысли Ивана Антоновича бросило въ жаръ и въ холодъ, но онъ успокоилъ себя тѣмъ, что это мало вѣроятно и въ его годы нельзя, конечно, надѣяться на потомство.

Въ такихъ размышленіяхъ, разгуливая по столовой, куда перешелъ пить чай, онъ вспомнилъ куплетъ изъ романса Глинки, который пѣла наканунѣ вечеромъ Елизавета Николаевна и какъ пѣла, что даже слезы у него исторгла.

Цвиленевъ былъ въ столовой одинъ, а потому попробовалъ тихонько самъ замурлыкать любимый романсъ, надѣясь, что его никто не услышитъ:

„И сердце бьется въ упоенья“, запѣлъ онъ, фальшиво, предварительно откашлявшись,

„И для него воскресли вновь
„И Божество и вдохновенье,
„И жизнь, и слезы, и любовь“.

Дальнѣйшее пѣніе было прервано входомъ въ комнату Лаврентія, услышавшаго своимъ привычнымъ ухомъ барскій голосъ и подумавшаго, что барину понадобилось что нибудь.

— Что прикажете? спросилъ онъ, недоумѣвая чего недостаетъ на подносѣ, гдѣ все было приготовлено заботливою рукою.

— Ничего, отвѣтилъ, сконфуженно, Цвиленевъ и поспѣшно принялся за чай, причемъ обжегся, такъ какъ чай былъ горячій.

* * *

Черезъ полгода Иванъ Антоновичъ женился на гувернанткѣ своей дочери, и всѣ говорили о немъ:

— Вотъ молодецъ! былъ закоснѣлымъ холостякомъ, а подъ старость семью завелъ, да какимъ-то страннымъ манеромъ: сначала дочку Богъ далъ ему, а потомъ и маменьку!

Какъ бы то ни было, но онъ былъ необычайно счастливъ и отпраздновалъ свадьбу на славу, чтобы зажать ротъ злымъ языкамъ и чтобы знали всѣ, какую честь ему сдѣлала Елизавета Николаевна, выйдя за него замужъ и какое благодѣяніе его Талечкѣ, замѣнивъ ей мать.

Сама Талечка хлопала въ ладоши, обнимала свою нареченную маменьку, цѣловала у ней руки и повторяла, смѣясь:

— Вотъ и я нашла себѣ маму, теперь не отпущу ее никуда!

Свадьба была парадная, съ генералами въ звѣздахъ и въ лентахъ, съ нарядными дамами, изъ коихъ первое мѣсто занимала княгиня Анна Михайловна, посаженая мать жениха.

— Ишь, старый шутъ, говорили пріятели и сослуживцы Цвиленева,—на гувернанточкѣ женился, да какую хорошенькую подцѣпилъ; ну что-жъ, дай ему Богъ счастья—онъ хорошій человѣкъ!

Елизавета Николаевна сіяла въ этотъ день счастьемъ, красотою и крупными брилліантами, подаренными ей женихомъ. Она пережила въ своей жизни много тяжелаго горя, много труда и нужды выпало на ея долю, но въ этотъ день она, казалось, забыла все прошедшее и вздохнула свободно.

Пора и ей было, наконецъ, порадоваться и отдохнуть.

Темнымъ пятномъ на общемъ свѣтломъ фонѣ свадьбы были племянники и наслѣдники Ивана Антоновича, но о нихъ никто не думалъ, и они скоро стушевались, проклиная свою судьбу и *стараго „дурня* дядю“, какъ они его называли, задумавшаго жениться на старости лѣтъ—ихъ бѣдныхъ обидѣть и людей насмѣшить.

V.

Наташѣ Цвиленевой минуло 17 лѣтъ. Тѣломъ она была уже женщина, но душою все тѣмъ же ребенкомъ, милымъ, любящимъ, но немного избалованнымъ и капризнымъ.

На свѣтѣ у ней было три фаворита, которыхъ она любила больше всѣхъ людей на свѣтѣ: отецъ, нареченная мать и старый Лаврентій, въ шутку называемый ея дядькой.

Старикъ по своему любилъ ее и въ душѣ считалъ тоже своей дочкой, хотя называлъ барышней и обращался съ нею почтительно.

Былъ веселый праздникъ въ домѣ Цвиленевыхъ по случаю именинъ Наташи. Такъ какъ это было на дачѣ, то приглашенныхъ было немного, все больше свои близкіе люди, въ числѣ которыхъ былъ и я, какъ старый пріятель Цвиленева.

Вся дача, весь садъ были ярко иллюминованы, пускали фейерверкъ и танцовали до упаду, всѣ—и старый и малый, даже я съ Иваномъ Антоновичемъ.

Старикъ былъ веселъ и еще бодръ сравнительно. Супруга его Елизавета Николаевна все еще хороша, хотя немного пополнѣла, а дочка ихъ просто цвѣточекъ, только что распустившійся, ароматный и прелестный.

За ней ухаживало уже много кавалеровъ и даже набивались женихи.

Но выдавать ее замужъ не торопились: „молода еще“, говорили родители.

Дитя еще совсѣмъ, ворчалъ Лаврентій, когда до него доходили слухи о женихахъ Наташи:—пущай порѣзвится, успѣетъ еще замужъ выйти и горя натерпѣться.

Послушать стариковъ, такъ Наташѣ никогда замужъ не пришлось бы выходить, такъ не хотѣлось имъ съ нею разставаться.

Послѣ кадрили монстръ пошли ужинать, а за ужиномъ пили за здоровье именинницы шампанское, которое

наливалъ въ бокалы старый Лаврентій, произведенный уже давно изъ камердинеровъ въ чинъ буфетчика. Онъ былъ одѣтъ въ черный фракъ и бѣлый галстухъ съ рубашкой ослѣпительной бѣлизны и имѣлъ видъ настоящаго мажоръ дома, былъ представительнѣе многихъ гостей на праздникѣ. Подходя къ именинницѣ, чтобы подлить ей вина въ бокалъ, онъ, наклонившись, сказалъ ей что-то на ухо, при этомъ хотѣлъ было приложиться къ ея ручкѣ, но Наташа отдернула руку, быстро вскочила и, обвивъ шею старика своими обнаженными по локоть руками, звонко чмокнула его въ обѣ щеки.

Произошелъ нѣкоторый переполохъ среди гостей, не ожидавшихъ такого пассажа и считавшихъ Наташу уже взрослой дѣвушкой; при этомъ одна худая англичанка, пріѣхавшая на праздникъ со своей питомицей, произнесла даже слово *chooking*, пожавъ своими костлявыми плечами.

Но Иванъ Антоновичъ тотчасъ же поправилъ дѣло. Онъ всталъ и потребовалъ слова:

— Господа, сказалъ онъ: — Не удивляйтесь тому, что моя дочь поцѣловала нашего стараго слугу, онъ не слуга, а надежный, испытанный другъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ выросли и состарились, дѣлили вмѣстѣ радость и горе, взростили и любили вмѣстѣ нашу Наташу. Господа, я предлагаю тостъ за Лаврентія, моего стараго друга! И онъ залпомъ осушилъ бокалъ.

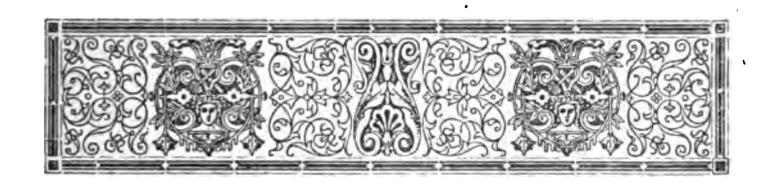
Взрывъ рукоплесканій и громкіе крики: „браво, браво!“ были отвѣтомъ на его теплое слово.

Двѣ ракеты взвились съ трескомъ на воздухъ изъ за темнаго края сада и разсыпались сотней огней, а бѣд-

ный Лаврентій, совершенно переконфуженный и растерянный, хотѣлъ было сказать что-то, но губы его затряслись, слезы брызнули изъ глазъ, и онъ уронилъ на полъ бутылку съ шампанскимъ, поспѣшивъ выйти изъ павильона, гдѣ ужинало все общество.

Осколки разбитаго стекла, съ остатками пѣнистаго вина, были подобраны съ полу и сочтены гостями и хозяевами за счастливую примѣту для хорошенькой именинницы, щечки которой зардѣлись яркимъ румянцемъ отъ сознанія своей вины. Она поняла, что нарушила свѣтскія приличія въ порывѣ молодого, пылкаго сердца.

Послѣ ужина опять танцовали, гуляли по саду, и утренняя заря, загорѣвшись на небѣ, загасила померкнувшіе фонари и всю иллюминацію сада. Широкое озеро красиво выплыло изъ-за тьмы ночной, и заря привѣтствовала день Божій.

Дача въ усадьбѣ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Лѣтомъ у меня въ деревнѣ земной рай,—такъ хорошо, что уѣзжать не хочется. Да и уѣзжаю я рѣдко, развѣ въ глухую пору, зимою, въ Петербургъ, гдѣ у меня много родныхъ и знакомыхъ.

Я одинокій вдовецъ; жена и дѣти умерли, и я остался одинъ на свѣтѣ доживать свой вѣкъ въ старой усадьбѣ, доставшейся мнѣ въ наслѣдіе отъ предковъ.

Въ полуверстѣ отъ меня и даже ближе, живетъ сосѣдъ, отставной морякъ Чулковъ, съ которымъ мы большіе пріятели.

Виссаріонъ Павловичъ Чулковъ и супруга его Марья Кузьминишна оба люди уже немолодые и бездѣтные. Долго они ждали дѣтей, но, не дождавшись, обратили всю привязанность и всю любовь, къ которой были способны, другъ на друга. Самъ Чулковъ, поплававъ въ своей

жизни досыта по морямъ и океанамъ, кончилъ тѣмъ, что водворился на сухомъ пути, купилъ имѣньице и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана, съ мундиромъ и полной пенсіей. Усадьбы наши были почти смежны, сады и огороды граничили другъ съ другомъ, и, выйдя на балконъ, я видѣлъ своихъ сосѣдей, а они меня. Но мы никогда не ссорились и разныя хозяйственныя распри улаживали миролюбиво. Перелетитъ, напримѣръ, курица изъ сада сосѣда ко мнѣ, я отшикиваю ее и прогоню платочкомъ или прутикомъ, не швыряя въ нее ни палками, ни каменьями, забѣжитъ теленокъ съ моего двора къ сосѣдямъ, они учтиво выпроводятъ его во-свояси и т. д. Кухарки наши только ссорились и разъ даже подрались, но мы ихъ помирили, и онѣ продолжали пить кофе вмѣстѣ.

Капитанъ былъ золотой человѣкъ, въ особенности какъ сосѣдъ, и врядъ ли безъ его общества я свыкся бы такъ со своей одинокой жизнью въ деревнѣ. Супруга его Марья Кузьминишна была тоже дама прекрасная, хотя сильно ворчливая и не терпѣвшая никакихъ противорѣчій, но эти недостатки, она выкупала съ избыткомъ другими качествами своими и добродѣтелями. Я такъ привыкъ къ своимъ сосѣдямъ и они ко мнѣ, что мы видѣлись каждый день, а два раза въ недѣлю обѣдали то они у меня, то я у нихъ. Изъ за этихъ обѣдовъ и происходили главнымъ образомъ распри между кухарками, желавшими сохранить каждая за собою пальму первенства въ кулинарномъ искусствѣ.

Лѣто въ особенности сближало насъ.

Сады наши спускались къ большому живописному

озеру, противоположный берегъ котораго едва виднѣлся, а по серединѣ озера и въ особенности съ лѣвой его стороны выплывали изъ воды острова и островки, покрытые густою зеленью. По этому озеру мы любили кататься на лодкѣ, для чего капитанъ держалъ цѣлую флотилію парусныхъ и весельныхъ судовъ, которыя имѣли свой флагъ, и приставленнаго къ нимъ отставного матроса Галкина, бывшаго подчиненнаго и товарища капитана по дальнимъ его плаваніямъ.

Во время этихъ прогулокъ, часто дальнихъ, капитанъ держалъ руль, а мы съ Галкинымъ садились на весла и гребли до тѣхъ поръ, покуда измученные и вспотѣвшіе не приставали куда-нибудь къ берегу или къ острову, гдѣ отдыхали и пили чай, такъ какъ самоваръ, всегда сопровождалъ насъ въ этихъ прогулкахъ. Корзинка же, которую при этомъ брала съ собою Марья Кузьминишна обильно снабжала насъ провизіей; иногда мы затѣвали рыбную ловлю и варили свѣжую уху, которую мастеръ былъ приготовлять Галкинъ. Накушавшись, а часто и выспавшись, мы садились на травку и любовались вечернимъ закатомъ, очень красивымъ на озерѣ; при этомъ Виссаріонъ Павловичъ большой любитель природы и очень набожный человѣкъ, снималъ шапку, крестился и говорилъ:

— Чудо предъ нами свершается каждый день: солнышко заходитъ и опять взойдетъ по утру, а мы грѣшные въ чудо это не вѣримъ, привыкли къ нему и не благодаримъ за него Господа Бога, не возносимъ хвалы Ему.

И онъ опять крестился, а съ нимъ вмѣстѣ вздыхала и крестилась его супруга.

— Галкинъ! отчаливать! командовалъ вслѣдъ за этимъ капитанъ, переходя изъ минорнаго тона въ бравурный.— Живо! И Галкинъ, мигомъ убравши все въ лодку, отпихивалъ ее отъ берега, измокнувъ при этомъ до пояса; затѣмъ, вскочивъ въ лодку на ходу, принимался усердно отмахивать въ тактъ веслами съ обычною матросамъ ловкостью и умѣньемъ.

На озерѣ нашемъ, очень глубокомъ и широкомъ, случались иногда бури, и тогда нашъ смѣлый морякъ подымалъ парусъ и уѣзжалъ съ Галкинымъ вдвоемъ кататься. Мы съ Марьей Кузьминишной, конечно, не сопровождали ихъ, и она, оставаясь на берегу, со страхомъ слѣдила за нырявшей лодкой и бѣлымъ парусомъ, покуда все это не скрывалось за изгибомъ озера. Тогда она уходила въ свою спальню, зажигала всѣ лампады передъ образами и начинала молиться какому-то особому святому, покровителю мореплавателей; я же старался утѣшить ее, говоря, что мужъ ея и не такія бури переживалъ въ океанахъ.

— То, батюшка, въ океанѣ,—возражала она крестясь и вздыхая,—а на сухомъ пути, коли Богъ не убережетъ, и въ лужѣ потонешь.

Но отважный капитанъ всегда возвращался цѣлъ и невредимъ, смѣялся надъ нашими страхами и только казался бодрѣй и румянѣй послѣ продувшаго его вѣтра.

„Будетъ буря;
Мы поспоримъ,
И поборемся мы съ ней“.

Мурлыкалъ онъ себѣ подъ носъ, убирая съ помощью

Галкина измокшій парусъ и относя его, въ видѣ трофея, подъ навѣсъ для лодокъ.

Въ хорошую погоду мы ходили въ лѣсъ за ягодами или по грибы въ сопровожденіи Галкина, который, снимая для этого морскую куртку, облекался въ сухопутный костюмъ. А по воскреснымъ днямъ все тотъ же Галкинъ преображался въ кучера и возилъ насъ въ церковь въ старомодной крытой линейкѣ, хорошо знакомой въ окрестности.

Послѣ обѣдни мы ѣли пирогъ у батюшки и часто увозили его, вмѣстѣ съ попадьей, къ намъ обѣдать. Мы ходили и на охоту съ Виссаріономъ Павловичемъ въ сопровожденіи стараго лягаша, слегка глухого; но такъ какъ собака и охотники были стары, то возвращались домой большею частью съ пустыми ягдташами, за что Марья Кузьминишна укоряла насъ, называя *горе-охотниками*.

Она была дама весьма почтенная, одѣвшаяся по старомодному, въ чепцы, съ сѣдыми букольками на лбу. Мужъ же ея былъ еще бравый молодецъ, хотя сгорбившійся немного и съ лысиной на головѣ, но бодрый, веселый и казавшійся моложе своей жены, хотя былъ на десять лѣтъ ея старше. Онъ носилъ обыкновенно въ жаркую погоду старый нанковый пиджакъ и соломенную шляпу съ широчайшими полями, называемую *панамою*; но когда ѣздилъ въ церковь или въ гости, то облекался въ черный морской сюртукъ и въ военную бѣлую фуражку съ кокардой.

Такъ жили мы мирно и спокойно и вѣроятно прожили бы еще долго, еслибы одно случайное происшествіе не смутило насъ.

Въ нашемъ краю давно строили желѣзную дорогу и наконецъ построили, причемъ станцію открыли верстахъ въ шести отъ насъ. Оно бы ничего, удобно, хотя мы не долюбливали шума и свиста машины, но Марья Кузьминишна, какъ истинная дочь Евы, не удовольствовалась лицезрѣніемъ издали, а захотѣла вкусить запрещеннаго плода. Она слетала на станцію, завела тамъ знакомства и взяла подрядъ—поставлять въ буфетъ молоко, масло, яйца и разную другую провизію. Къ сожалѣнію она этимъ не ограничилась. Разъ какъ-то за кофе, послѣ обѣда, она объявила намъ, что вывѣсила на станціи аншлагъ, т. е. объявленіе о томъ, что у нихъ въ деревнѣ отдается на лѣто дача за 300 рублей съ мебелью, посудой и всѣми удобствами. Мы только рты разинули, а Виссаріонъ Павловичъ пришелъ въ негодованіе.

— Помилуй, матушка, что ты надѣлала! Куда-жъ мы ихъ денемъ, твоихъ жильцовъ.

— Какъ куда? въ домъ.

— А сами гдѣ жить будемъ?

— Во флигель переберемся—тамъ просторно.

— Ну, ужъ ты перебирайся одна, а я уѣду.

— Куда?

— Все равно куда, а только здѣсь не останусь.

— Да помилуй! вѣдь 300 рублей! подумай, на эти деньги крышу новую поставить можно и весь домъ выкрасить и, такъ давно собираемся.

— Ну, ты крась, а я уѣду.

— Хорошъ мужъ, нечего сказать, добро бы женѣ помочь, а онъ—уѣду.

Виссаріонъ Павловичъ сильно задумался, но вдругъ расхохотался:

— Ха, ха! и я-то хорошъ, спорю съ бабой, будто въ серьезъ и не подумаю, что все это одни бредни.

— Какъ бредни?

— Да такъ, какой дуракъ тебѣ 300 рублей дастъ за дачу въ нашемъ захолустьѣ?

— 300 рублей и меньше ни копѣйки!—горячилась Марья Кузьминишна:—ты подумай, цѣлый домъ съ мебелью, посудой, садомъ; тюфяки и кровати даже дамъ жильцамъ.

— Не наймутъ и съ тюфяками.

— Наймутъ.

— Не наймутъ!

Супруги продолжали спорить и горячиться; наконецъ обратились ко мнѣ, какъ къ посреднику.

Я сказалъ, что это дѣло случая, но что за 300 рублей можно подъ Москвою и даже подъ Петербургомъ нанять дачу.

— Дырявую! воскликнула Марья Кузьминишна:—два стула сломанные вмѣсто мебели, вездѣ течетъ, дуетъ; слыхали мы про эти дачи.

— Ну, хорошо, заключилъ Виссаріонъ Павловичъ:—положимъ, дачу у тебя наймутъ, да денегъ не заплатятъ, или попадутся такіе нахалы, что жизни не рада будешь, пьяницы, буяны!

— А можетъ и хорошіе люди.

Споръ продолжался, но Марья Кузьминишна настояла на своемъ и ни за что не согласилась снять аншлага со станціи.

Между тѣмъ время проходило, но нанимателей не яв-

лялось; капитанъ хихикалъ, потирая себѣ руки, и, повидимому, торжествовалъ.

Марья Кузьминишна была въ уныніи. Но насталъ и на ея улицѣ праздникъ. Разъ какъ-то мы сидѣли на балконѣ и распивали чай. Вдругъ послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа, и Галкинъ, выбѣжавъ встрѣтить гостей, тотчасъ вернулся и объявилъ съ испуганнымъ видомъ, что пріѣхалъ какой-то баринъ съ барыней и спрашиваютъ о дачѣ.

Марья Кузьминишна вся вспыхнула и, бросивъ торжествующій взглядъ на мужа, выбѣжала къ пріѣзжимъ. Мы же съ капитаномъ, какъ люди солидные и не увлекающіеся фантазіями, остались на балконѣ допивать спокойно свой чай. Мы слышали голоса въ нижнемъ этажѣ, за симъ шаги наверху, обратное шествіе по лѣстницѣ, и, наконецъ, хозяйка, предшествуя двумъ чужимъ—мужчинѣ и дамѣ, ввела ихъ торжественно на балконъ.

— Вотъ и садикъ у насъ, а вотъ и озеро,—показывала она свои владѣнія пріѣзжимъ.

— Ахъ, какая прелесть, какъ хорошо у васъ!—проговорилъ женскій мягкій голосъ, и мы увидѣли молодую даму до того прелестную, что мы съ Виссаріономъ Павловичемъ повскакали со своихъ мѣстъ и глядѣли на нее въ невольномъ восхищеніи. Капитанъ въ особенности былъ точно гипнотизированъ ея красотою и, казалось, забылъ всѣ свои возраженія противъ дачниковъ. Онъ расшаркался пододвинулъ дамѣ покойное кресло, предложилъ чаю, ягодъ, стоявшихъ на столѣ, и, улучивъ минуту, сбѣгалъ въ кабинетъ, откуда появился уже облаченный въ свой морской сюртукъ и бѣлую фуражку.

Кавалеръ былъ тоже весьма благообразный, одѣтъ франтомъ, съ прекрасными голубыми глазами и русой бородкой. Вообще, парочка была замѣчательная и казалась какой-то картинкой, вдругъ выставленной на нашемъ балконѣ.

Красота, въ особенности женская, дѣйствуетъ обаятельно, и не прошло четверти часа, какъ мы всѣ были, очарованы, и не только мы, мужчины, но и Марья Кузьминишна,попросившая позволенія расцѣловать свою гостью, которая сама обняла ее и поцѣловала; даже матросъ Галкинъ, позванный на балконъ взять и подогрѣть самоваръ, такъ и остался съ самоваромъ въ рукахъ у дверей, глядя во всѣ глаза на пріѣзжую барыню.

— Что-жъ ты, болванъ, съ самоваромъ стоишь?—крикнулъ на него Виссаріонъ Павловичъ:—углей подложить.

Я не стану описывать появившейся у насъ точно волшебствомъ красавицы: она была до того прекрасна, что передъ нею блѣднѣли всѣ описанія, и Виссаріонъ Павловичъ уже не возражалъ болѣе ни слова, когда жена его сразу покончила съ нанимателями. Онъ началъ суетиться, таскать разную мебель, вещи и тотчасъ же распорядился послать на станцію за чемоданами пріѣзжихъ, а экипажъ ихъ отпустилъ.

Оказалось, что люди эти были весьма покладливые и удовольствовались однимъ верхнимъ этажомъ, чрезвычайно имъ понравившимся, такъ что хозяевамъ не пришлось перебираться во флигель.

Имъ сбавили за это сто рублей съ цѣны дачи, а дамы тотчасъ же условились между собою насчетъ обѣда и вообще продовольствія. Къ ночи все было готово — вещи

привезены съ желѣзной дороги и новые жильцы окончательно водворены въ своемъ жилищѣ.

Жильцы были очень милы и не только не тяготили насъ, но напротивъ доставляли намъ развлеченіе. Фамилія ихъ была Ардищевы, мужъ съ женой, какъ мы думали, новобрачные и назывались: онъ Дмитріемъ Николаевичемъ, а она Катериной Васильевной; впрочемъ, мы паспортовъ ихъ, по деревенскому обычаю, не спрашивали и удовольствовались тѣмъ, что объявили уряднику о ихъ пріѣздѣ.

Катерина Васильевна съ первыхъ же дней особенно подружилась со мной, говоря, что я напоминаю ей стараго ея дядю, котораго она очень любила и который ее воспитывалъ.

Съ капитаномъ же была нѣсколько осторожнѣе, такъ какъ онъ былъ помоложе меня и тотчасъ же сталъ за нею ухаживать. По его просьбамъ она каждое утро прикалывала ему цвѣтокъ въ бутоньерку, а онъ цѣловалъ у ней ручку; потомъ берегъ и нюхалъ цвѣтокъ цѣлый день. Я замѣтилъ сверхъ того, что онъ пересталъ носить свою панамскую шляпу, очень его старившую, надѣвалъ бѣлые галстучки и фабрилъ усы, чего прежде не дѣлалъ.

Марья Кузьминишна называла его старымъ дурнемъ, подсмѣивалась надъ нимъ, но повидимому еще не ревновала.

Катанья наши по озеру, конечно, продолжались и особенно нравились Катеринѣ Васильевнѣ. Она нѣсколько разъ отваживалась даже кататься на парусѣ съ капитаномъ, когда было не слишкомъ вѣтрено, и онъ возвращался съ этихъ прогулокъ въ полномъ восторгѣ.

Обыкновенно женщины очень красивыя бываютъ глу-

ными, но Катерина Васильевна составляла исключеніе. Она была развита и умна, а, что было еще важнѣе, не занималась собою, несмотря на свою красоту; въ ней не было вовсе кокетства; она горячо и всѣмъ сердцемъ была предана своему мужу, видѣла въ немъ какое-то божество, которому покланялась. Онъ тоже любилъ ее, но въ немъ проявлялась, очевидно, натура низшая, болѣе мелкая, не способная на жертвы и на истинную любовь. Вообще, онъ мнѣ не нравился, и его защищала только одна Марья Кузьминишна, но не потому, чтобы признавала въ немъ какія либо особыя достоинства, а потому, что видѣла въ немъ піонера, откликнувшагося на ея воззваніе и перваго проложившаго путь въ ея пустыни.

— Да и какія пустыни, ворчала она:—шесть верстъ до чугунки, а тамъ кати, куда хочешь.

— И никуда не докатишь, острилъ Виссаріонъ Павловичъ.—300 верстъ до ближайшаго губернскаго города.

Впрочемъ, это все было въ прошедшемъ, а въ настоящемъ его жена придумала, по мнѣнію его, такую штуку, которая, которая... онъ не договаривалъ и только махалъ рукой. Посему оставалось неизвѣстнымъ, что онъ разумѣлъ подъ словомъ штука: дачу ли на лѣто въ ихъ скромномъ деревенскомъ домѣ или красивую дачницу, гулявшую въ саду.

Мнѣ одно казалось страннымъ въ нашихъ новыхъ друзьяхъ: они никогда не говорили о своемъ прошедшемъ и ни словомъ не упоминали о своихъ родныхъ, знакомыхъ и друзьяхъ, которыхъ у нихъ, вѣроятно, было много. Они точно съ неба свалились къ намъ изъ какой-то невѣдомой страны, и мы не знали даже—откуда они: изъ

Москвы, Петербурга или изъ какого другого города. Писемъ они тоже не получали; разъ пришло одно на имя самого Ардищева, но онъ видимо былъ огорченъ его содержаніемъ.

Точно ли они мужъ съ женою? приходило мнѣ въ голову, и нѣтъ ли тутъ какого романа въ подкладкѣ. Но я никому не высказывалъ своихъ подозрѣній. Если они мужъ съ женою и справляютъ у насъ въ деревнѣ свой медовый мѣсяцъ, то почему они выбрали наше захолустье и скрываются, повидимому, ото всѣхъ? Багажъ ихъ былъ довольно тощій, и кошелекъ оказался такимъ же. Марья Кузьминишна не видѣла еще, какъ она мнѣ сама признавалась, цвѣта ихъ денегъ, несмотря на то, что они жили у ней болѣе недѣли, не отдавъ ни копѣйки за дачу и не заплативъ за обѣдъ. Все это, повторяю, казалось мнѣ страннымъ, хотя я и не спѣшилъ осуждать милыхъ людей, которыхъ мы всѣ полюбили.

Разъ какъ-то, въ очень жаркій день, я забрался въ свой садъ, въ самую глушь его, и залегъ тамъ на травѣ читать какую-то книгу. Я заснулъ, кажется, за книгой, но былъ разбуженъ разговоромъ вблизи меня. Это были наши дачники, часто ходившіе гулять въ мой садъ, по моему приглашенію. Но они меня не видѣли за густою зеленью и продолжали разговаривать, сидя на скамейкѣ.

— Что-жъ это будетъ? говорилъ женскій голосъ.

— Ничего не будетъ, отвѣчалъ мужской:—чего тебѣ надо?

— Долго ли мы здѣсь жить будемъ?

— Покуда-не уѣдемъ.

— Куда-жъ мы уѣдемъ?

— Мало ли куда. Были бы деньги.

— Но ихъ нѣтъ.

— Василій Петровичъ пришлетъ; я ему писалъ.

— А если не пришлетъ?

— Ну, тогда я не знаю.

— Мы за дачу еще не заплатили и за столъ должны хозяевамъ.

— Вѣдь они не спрашиваютъ, они добрые.

— Это правда, но все-жъ заплатить надо.

— Конечно.

Послѣдовалъ вздохъ и минута молчанія, во время которой я боялся шевельнуться, чтобы не обнаружить себя.

— Я боюсь, Митя, заговорилъ опять женскій голосъ

— Чего-жъ ты боишься?

— Насъ разыщутъ.

— Кто?

— Онъ разыщетъ.

— Такъ что-жъ? Не увезетъ же онъ тебя силой, чрезъ полицію. Мужъ твой не такой человѣкъ.

— Я все-таки боюсь; мысль разстаться съ тобою для меня невыносима, да и я не разстанусь ни за что, не вернусь къ нему, чтобы онъ ни сдѣлалъ; я такъ люблю тебя, Дмитрій!

Послѣдовалъ горячій, долгій поцѣлуй, и за симъ влюбленная парочка встала, и шаги ихъ удалились. Но я слышалъ довольно. Для меня было ясно, что они не мужъ съ женою и что Дамокловъ мечъ виситъ надъ ихъ головами. Кто это онъ? Грозный мужъ, конечно, отыскивающій убѣжавшую жену.

Мнѣ было жаль ее, но только ее одну. Его мнѣ не

было жаль нисколько; я былъ увѣренъ, что онъ виноватъ во всемъ, и что онъ, а ни кто другой, загубилъ эту несчастную женщину.

Я хотѣлъ разсказать обо всемъ Виссаріону Павловичу, но побоялся. Я сталъ замѣчать, что капитанъ нашъ теряетъ голову и, несмотря на свои уже немолодыя лѣта, влюбился по уши въ пріѣзжую красавицу.

Конечно, онъ былъ влюбленъ платонически, но все-таки, влюбленъ, и Марья Кузьминишна начала уже замѣчать это.

— Старый дуракъ, обмолвилась она однажды, оставшись со мною наединѣ.

— Про кого это вы говорите?

— Про кого? да про него, моего благовѣрнаго.

Я посмотрѣлъ на нее вопросительно, сдѣлавъ видъ будто не понимаю.

— Всѣ вы хороши, продолжала она:—заведись только юбка, вы и пошли глаза пялить.

— Да я-то тутъ причемъ?—воскликнулъ я, расхохотавшись.

— И вы тоже. Она хвостомъ вертитъ, а вы таете.

— Помилуйте, Марья Кузьминишна! если вы говорите про Катерину Васильевну, то жестоко ошибаетесь. До насъ ли ей, до стариковъ; у ней свой мужъ молодецъ, и она влюблена въ него по уши.

— Мужъ, какъ же! А отчего у него кольца обручальнаго на пальцѣ нѣтъ, а у пей есть? значитъ не въ законѣ.

Она замѣтила такую бездѣлицу и со свойственнымъ женщинѣ чутьемъ построила на ней цѣлое зданіе.

— Взять бы ихъ да помеломъ отсюда, развратники!

Марья Кузьминишна, ослѣпленная вспыхнувшею ревностью, уже становилась на дыбы и, отстаивая свои законныя права, втаптывала въ грязь всѣ человѣческія слабости и сердечныя увлеченія.

Но я былъ на сторонѣ влюбленныхъ и рѣшился покровительствовать имъ, во что бы то ни стало. Случай представился очень скоро.

Чулковы уѣхали куда-то въ гости, Ардищевъ на станцію желѣзной дороги. Я остался одинъ съ Катериной Васильевной и пришелъ навѣстить ее, такъ какъ она жаловалась наканунѣ на нездоровье.

Она была печальна, и глаза ея распухли отъ слезъ.

— Что съ вами?—спросилъ я, взявъ ее за руку.

— Ахъ! Отвѣтила она:—вы не знаете, какъ мнѣ тяжело и какъ я несчастна!

Я молчалъ, не желая напрашиваться на откровенность. Но она сама продолжала:

— Я вамъ вѣрю вполнѣ. Николай Ивановичъ, не даромъ же вы такъ похожи на моего покойнаго дядю.

— Такъ вашъ дядюшка умеръ?

— Да, и мать тоже, а отца я совсѣмъ не помню. Я круглая сирота и разскажу вамъ все, но вы меня не выдадите?

— Конечно, нѣтъ.

— Такъ слушайте: я не жена Дмитрія Ардищева, я жена другого. Но мужъ мой ни въ чемъ не виноватъ передо мною, я должна сказать это по совѣсти. Я одна виновата во всемъ. Мужъ облагодѣтельствовалъ меня, спасъ отъ нужды и позора. Онъ боготворилъ меня, а я,

грѣшница, измѣнила ему, бросила его и ушла съ другимъ.

Она остановилась и глядѣла мнѣ прямо въ глаза.

— Вы осудите меня, конечно, но я скажу вамъ одно въ свое оправданіе—я любила Дмитрія, всю жизнь любила его одного.

— Зачѣмъ же вы вышли замужъ за другого? сорвалось у меня съ языка.

— Ахъ, не спрашивайте!—воскликнула она, закрывая лицо руками:—вы не знаете, что я пережила. Мы были въ нуждѣ, мать умирала, меня преслѣдовалъ одинъ богатый старикъ, мать умоляла меня выйти замужъ за честнаго, хорошаго человѣка, покуда она еще жива, и я вышла. Что разсказывать далѣе? Мать умерла. Ласки нелюбимаго мужа стали мнѣ невыносимы—я любила другого, и я пала, не бывъ въ силахъ бороться.

Она горько заплакала и опустилась на колѣни, не предо мной, конечно, а передъ какимъ-то воображаемымъ праведнымъ, но грознымъ судьею.

Я былъ глубоко тронутъ, поднялъ ее, старался утѣшить и успокоить.

— Я великая грѣшница,—повторяла она,—и Богъ покараетъ меня.

— Какъ можно такъ говорить!—воскликнулъ я,—Богъ милосердъ, вѣруйте въ него и вамъ будетъ легче.

Но она все плакала.

— Послушайте,—спросилъ я:—гдѣ вашъ мужъ?

— О, далеко отсюда.

— Вы должны ему написать и просить развода.

— Онъ не проститъ.

— Почемъ вы знаете; если онъ любитъ, то проститъ навѣрно; кто любитъ, тотъ не своего счастья ищетъ, а живетъ счастьемъ другого, того, кого онъ любитъ. Напишите мужу, послушайтесь меня.

— Я боюсь.

— Чего вы боитесь?

— Онъ пріѣдетъ сюда и убьетъ Дмитрія.

Противъ такихъ аргументовъ нечего было возражать.

Но я старался все-таки ее утѣшить. Говорилъ, что она молода, прекрасна, и что вся жизнь ея впереди.

— Да, отвѣтила она: — если бы я была не такъ прекрасна, какъ это всѣ твердятъ мнѣ, можетъ быть я была бы счастливѣе.

— Не стыдно ли вамъ, Катерина Васильевна, Бога гнѣвить. Онъ послалъ вамъ даръ чудесный—красоту, а вы ропщете на него. Красота великая сила!

Она улыбнулась, и разговоръ нашъ продолжался въ болѣе спокойномъ тонѣ.

Она разсказала мнѣ, что ея Дмитрій бѣдный человѣкъ, но избалованный жизнью и воспитаніемъ, что родители его стариннаго дворянскаго рода и были прежде очень богаты, но раззорились и доживаютъ свой вѣкъ въ деревнѣ, предоставивъ сыну пробиваться въ жизни, какъ знаетъ.

Славно пробивается, подумалъ я, чужихъ женъ увозитъ, а тамъ броситъ, пожалуй, и поминай какъ звали.

Я почувствовалъ ненависть къ этому человѣку и считалъ его пустымъ, ничтожнымъ. Какъ много у насъ та-

кихъ людей на свѣтѣ, не способныхъ ни на какое дѣло, ни на какой серьезный трудъ и созданныхъ только для того, чтобы дѣлать другихъ несчастными. А имъ самимъ и горя мало — все сходитъ съ рукъ, точно они заколдованы.

Цѣлый романъ разыгрывался передо мной и не писанный, а настоящій, съ живыми героями и героинями, съ жертвами, можетъ быть, человѣческими. И какъ сильно билась жизнь въ этомъ романѣ, какъ чувствовался усиленный пульсъ ея въ этой заплаканной красавицѣ, сидѣвшей передо мною на балконѣ. А тамъ въ открытыя окна, глядѣла на насъ равнодушная природа, вливался свѣжій ароматный воздухъ, бѣжали облака по небу, съ озера слышалась и замирала заунывная пѣсня.

Я всталъ и сталъ прощаться.

— Voyons du courage! говорилъ я, пожимая ей руку,— Le diable n'est pas si noir, какъ его малюютъ.

Въ это время послышался шумъ подъѣзжавшаго экипажа, и мы увидѣли достопочтенную чету Чулковыхъ, возвращавшихся домой въ своей старой линейкѣ.

— Вотъ и комики къ вашему роману, сказалъ я, чтобы развлечь чѣмъ-нибудь мою мрачно настроенную собесѣдницу. Она опять улыбнулась и сказала, что они хорошіе, добрые люди.

— И вы тоже, Николай Ивановичъ, благодарю васъ, но не долго мнѣ жить со всѣми вами: что нибудь да случится, я это предчувствую.

— И полноте, еще поживемъ вмѣстѣ, я не вѣрю въ предчувствія.

II.

Виссаріонъ Павловичъ Чулковъ былъ человѣкъ очень увлекающійся, несмотря на свои немолодые годы. По крайней мѣрѣ такимъ его считали всѣ тѣ, которые знали его съ юности. Сначала онъ увлекался морскими плаваніями, потомъ супругой своей Марьей Кузьминишной, по которой много лѣтъ вздыхалъ, прежде чѣмъ женился на ней, потомъ имѣніемъ, купленнымъ главное ради мѣстоположенія, но которое давало мало дохода и стоило дорого. Наконецъ—увы!—жилицей своей, Катериной Васильевной, показавшейся ему идеаломъ всѣхъ совершенствъ физическихъ и нравственныхъ, и въ которую онъ влюбился сразу, какъ пылкій юноша, съ первой же минуты, какъ только увидѣлъ ее.

Къ чести капитана надо, впрочемъ, сказать, что любовь его была чисто платоническая и что онъ даже въ помыслахъ не измѣнялъ Марьѣ Кузьминишнѣ. Мало того, еслибы ему предложили развестись съ нею и замѣнить свою состарившуюся и поблекшую супругу молодой, цвѣтущей красавицей, то онъ бы наотрѣзъ отказался, замахалъ руками и сказалъ бы въ негодованіи:

— Что вы, что вы, да развѣ это возможно! за кого вы меня принимаете?

Съ своей стороны Марья Кузьминишна, хотя ревновала своего законнаго супруга, на котораго вдругъ напала какая-то непонятная блажь, и обзывала его старымъ дурнемъ и болваномъ, но не переставала любить его, растирать ему спину на ночь муравьинымъ спиртомъ, и за-

хворай онъ, чего Боже сохрани, она забыла бы всѣ свои обиды и ухаживала бы за нимъ самоотверженно.

При такомъ положеніи дѣла, нѣсколько трагическомъ, на мою долю выпала не совсѣмъ легкая обязанность, быть повѣреннымъ обѣихъ сторонъ.

Приходитъ ко мнѣ Марья Кузьминишна и говоритъ:— посудите сами, что онъ продѣлываетъ, рехнулся совсѣмъ, старый, скоро по миру пойдемъ, онъ деньги мотаетъ и все изъ-за нея.

Оказывалось, что Виссаріонъ Павловичъ, уѣхавъ за 10 верстъ, въ уѣздный городъ, подъ предлогомъ покупки разныхъ сельскихъ орудій, никакихъ орудій не пріобрѣлъ, а, отправившись въ лавку купца Черепенникова, купилъ тамъ три фунта петербургскихъ конфектъ самыхъ лучшихъ и приподнесъ ихъ Катеринѣ Васильевнѣ.

— Вотъ видите, какъ онъ деньги мотаетъ! повторяла Марья Кузьминишна:—а спроси я что нибудь? Куда ты, накричитъ только и на-отрѣзъ откажетъ. Намедни я у попадьи теленочка пѣгонькаго сторговала, хорошенькій такой, мордочка бѣленькая, племянной бычекъ будетъ. Какъ увидалъ онъ и давай кричать: „на что ты эту дрянь покупаешь? и своихъ дѣвать некуда“.

— Но вѣдь вы все-таки теленочка купили, замѣтилъ я:—видѣлъ я его на лужкѣ, какъ онъ брыкается.

— Конечно, купила, а все-таки обидно.

Съ своей стороны является ко мнѣ Виссаріонъ Павловичъ, разстроенный, сердитый и говоритъ:

— Дай волю бабамъ, съ ними и сладу не будетъ.

Оказалось, что онъ хотѣлъ купить у сосѣдняго помѣ-

щика четвероместный высокій шарабанъ на большихъ колесахъ, съ шорною упряжью и кучерскимъ платьемъ.

— Наша линейка, говорилъ онъ,—совсѣмъ разхлябалась и такъ трясетъ, что даже колотья въ боку дѣлаются; такъ нѣтъ же, Марья Кузьминишна, какъ на зло, заартачилась; деньги-то вѣдь у ней хранятся. „Какъ же“, говоритъ, „очень нужно! Галкина дуракомъ въ ливрею вырядить, съ круглой шляпой, да и лошади наши въ шорахъ не пойдутъ, да и сама я въ твой шарабанъ, точно на чердакъ, не полѣзу“. Такъ и не дала денегъ, а шарабанъ по случаю продавали, дешево, да и дамы наши въ немъ бы отлично катались.

Такія горести трудно было облегчить, и я только тѣмъ утѣшилъ Виссаріона Павловича, что предложилъ ему брать мой шарабанъ всякій разъ, какъ Катерина Васильевна захочетъ покататься. Между тѣмъ дѣла все ухудшались. Ардищевъ, проживъ у Чулковыхъ уже болѣе мѣсяца, заплатилъ всего только 25 руб. въ видѣ задатка за дачу, а болѣе денегъ отъ него не видали.

Марья Кузьминишна пришла наконецъ въ отчаяніе. Она совѣтовалась со мною, но что я могъ сказать ей?

— И угораздило же меня, пѣняла она на себя,— отдавать эту дачу въ наймы, не было печали, а теперь убытокъ одинъ и хлопотъ сколько.

— Вы бы поговорили съ Виссаріономъ Павловичемъ.

— Очень нужно, развѣ онъ поможетъ, развѣ онъ можетъ что сдѣлать? И безъ того по ночамъ не спитъ, все охаетъ. Я ему и спину потру, и капелекъ дамъ, нѣтъ не спитъ да и только.

Марья Кузьминишна была, что называется, бой-баба,

хворай онъ, чего Боже сохрани, она забыла бы всѣ свои обиды и ухаживала бы за нимъ самоотверженно.

При такомъ положеніи дѣла, нѣсколько трагическомъ, на мою долю выпала не совсѣмъ легкая обязанность, быть повѣреннымъ обѣихъ сторонъ.

Приходитъ ко мнѣ Марья Кузьминишна и говоритъ:— посудите сами, что онъ продѣлываетъ, рехнулся совсѣмъ, старый, скоро по миру пойдемъ, онъ деньги мотаетъ и все изъ-за нея.

Оказывалось, что Виссаріонъ Павловичъ, уѣхавъ за 10 верстъ, въ уѣздный городъ, подъ предлогомъ покупки разныхъ сельскихъ орудій, никакихъ орудій не пріобрѣлъ, а, отправившись въ лавку купца Черепенникова, купилъ тамъ три фунта петербургскихъ конфектъ самыхъ лучшихъ и приподнесъ ихъ Катеринѣ Васильевнѣ.

— Вотъ видите, какъ онъ деньги мотаетъ! повторяла Марья Кузьминишна:—а спроси я что нибудь? Куда ты, накричитъ только и на-отрѣзъ откажетъ. Намедни я у попадьи теленочка пѣгонькаго сторговала, хорошеньк такой, мордочка бѣленькая, племянной бычекъ буд Какъ увидалъ онъ и давай кричать: „на что т дрянь покупаешь? и своихъ дѣвать некуда“.

— Но вѣдь вы все-таки теленочка купили, я:—видѣлъ я его на лужкѣ, какъ онъ брыкает

— Конечно, купила, а все-таки обидно.

Съ своей стороны является ко мнѣ Ви ловичъ, разстроенный, сердитый и говорит

— Дай волю бабамъ, съ ними и сладу

Оказалось, что онъ хотѣлъ купить у со

II.

Виссаріонъ Павловичъ Чулковъ былъ человѣкъ очень увлекающійся, несмотря на свои немолодые годы. По крайней мѣрѣ такимъ его считали всѣ тѣ, которые знали его съ юности. Сначала онъ увлекался морскими плаваніями, потомъ супругой своей Марьей Кузьминишной, по которой много лѣтъ вздыхалъ, прежде чѣмъ женился на ней, потомъ имѣніемъ, купленнымъ главное ради мѣстоположенія, но которое давало мало дохода и стоило дорого. Наконецъ—увы!—жилицей своей, Катериной Васильевной, показавшейся ему идеаломъ всѣхъ совершенствъ физическихъ и нравственныхъ, и въ которую онъ влюбился сразу, какъ пылкій юноша, съ первой же минуты, какъ только увидѣлъ ее.

Къ чести капитана надо, впрочемъ, сказать, что любовь его была чисто платоническая и что онъ даже въ помыслахъ не измѣнялъ Марьѣ Кузьминишнѣ. Мало того, еслибы ему предложили развестись съ нею и замѣнить свою состарившуюся и поблекшую супругу молодой, цвѣтущей красавицей, то онъ бы наотрѣзъ отказался, замахалъ руками и сказалъ бы въ негодованіи:

— Что вы, что вы, да развѣ это возможно! за кого вы меня принимаете?

Съ своей стороны Марья Кузьминишна, хотя ревновала своего законнаго супруга, на котораго вдругъ напала какая-то непонятная блажь, и обзывала его старымъ дурнемъ и болваномъ, но не переставала любить его, растирать ему спину на ночь муравьинымъ спиртомъ, и за-

хворай онъ, чего Боже сохрани, она забыла бы всѣ свои обиды и ухаживала бы за нимъ самоотверженно.

При такомъ положеніи дѣла, нѣсколько трагическомъ, на мою долю выпала не совсѣмъ легкая обязанность, быть повѣреннымъ обѣихъ сторонъ.

Приходитъ ко мнѣ Марья Кузьминишна и говоритъ:— посудите сами, что онъ продѣлываетъ, рехнулся совсѣмъ, старый, скоро по миру пойдемъ, онъ деньги мотаетъ и все изъ-за нея.

Оказывалось, что Виссаріонъ Павловичъ, уѣхавъ за 10 верстъ, въ уѣздный городъ, подъ предлогомъ покупки разныхъ сельскихъ орудій, никакихъ орудій не пріобрѣлъ, а, отправившись въ лавку купца Черепенникова, купилъ тамъ три фунта петербургскихъ конфектъ самыхъ лучшихъ и приподнесъ ихъ Катеринѣ Васильевнѣ.

— Вотъ видите, какъ онъ деньги мотаетъ! повторяла Марья Кузьминишна:—а спроси я что нибудь? Куда ты, накричитъ только и на-отрѣзъ откажетъ. Намедни я у попадьи теленочка пѣгонькаго сторговала, хорошенькій такой, мордочка бѣленькая, племянной бычекъ будетъ. Какъ увидалъ онъ и давай кричать: „на что ты эту дрянь покупаешь? и своихъ дѣвать некуда“.

— Но вѣдь вы все-таки теленочка купили, замѣтилъ я:—видѣлъ я его на лужкѣ, какъ онъ брыкается.

— Конечно, купила, а все-таки обидно.

Съ своей стороны является ко мнѣ Виссаріонъ Павловичъ, разстроенный, сердитый и говоритъ:

— Дай волю бабамъ, съ ними и сладу не будетъ.

Оказалось, что онъ хотѣлъ купить у сосѣдняго помѣ-

щика четвероместный высокій шарабанъ на большихъ колесахъ, съ шорною упряжью и кучерскимъ платьемъ.

— Наша линейка, говорилъ онъ,—совсѣмъ разхлябалась и такъ трясетъ, что даже колотья въ боку дѣлаются; такъ нѣтъ же, Марья Кузьминишна, какъ на зло, заартачилась; деньги-то вѣдь у ней хранятся. „Какъ же“, говоритъ, „очень нужно! Галкина дуракомъ въ ливрею вырядить, съ круглой шляпой, да и лошади наши въ шорахъ не пойдутъ, да и сама я въ твой шарабанъ, точно на чердакъ, не полѣзу“. Такъ и не дала денегъ, а шарабанъ по случаю продавали, дешево, да и дамы наши въ немъ бы отлично катались.

Такія горести трудно было облегчить, и я только тѣмъ утѣшилъ Виссаріона Павловича, что предложилъ ему брать мой шарабанъ всякій разъ, какъ Катерина Васильевна захочетъ покататься. Между тѣмъ дѣла все ухудшались. Ардищевъ, проживъ у Чулковыхъ уже болѣе мѣсяца, заплатилъ всего только 25 руб. въ видѣ задатка за дачу, а болѣе денегъ отъ него не видали.

Марья Кузьминишна пришла наконецъ въ отчаяніе. Она совѣтовалась со мною, но что я могъ сказать ей?

— И угораздило же меня, пѣняла она на себя,— отдавать эту дачу въ наймы, не было печали, а теперь убытокъ одинъ и хлопотъ сколько.

— Вы бы поговорили съ Виссаріономъ Павловичемъ.

— Очень нужно, развѣ онъ поможетъ, развѣ онъ можетъ что сдѣлать? И безъ того по ночамъ не спитъ, все охаетъ. Я ему и спину потру, и капелекъ дамъ, нѣтъ не спитъ да и только.

Марья Кузьминишна была, что называется, бой-баба,

хворай онъ, чего Боже сохрани, она забыла бы всѣ свои обиды и ухаживала бы за нимъ самоотверженно.

При такомъ положенiи дѣла, нѣсколько трагическомъ, на мою долю выпала не совсѣмъ легкая обязанность, быть повѣреннымъ обѣихъ сторонъ.

Приходитъ ко мнѣ Марья Кузьминишна и говоритъ:—посудите сами, что онъ продѣлываетъ, рехнулся совсѣмъ, старый, скоро по миру пойдемъ, онъ деньги мотаетъ и все изъ-за нея.

Оказывалось, что Виссарiонъ Павловичъ, уѣхавъ за 10 верстъ, въ уѣздный городъ, подъ предлогомъ покупки разныхъ сельскихъ орудiй, никакихъ орудiй не прiобрѣлъ, а, отправившись въ лавку купца Черепенникова, купилъ тамъ три фунта петербургскихъ конфектъ самыхъ лучшихъ и приподнесъ ихъ Катеринѣ Васильевнѣ.

— Вотъ видите, какъ онъ деньги мотаетъ! повторяла Марья Кузьминишна:—а спроси я что нибудь? Куда ты, накричитъ только и на-отрѣзъ откажетъ. Намедни я у попадьи теленочка пѣгонькаго сторговала, хорошенькiй такой, мордочка бѣленькая, племянной бычекъ будетъ. Какъ увидалъ онъ и давай кричать: „на что ты эту дрянь покупаешь? и своихъ дѣвать некуда“.

— Но вѣдь вы все-таки теленочка купили, замѣтилъ я:—видѣлъ я его на лужкѣ, какъ онъ брыкается.

— Конечно, купила, а все-таки обидно.

Съ своей стороны является ко мнѣ Виссарiонъ Павловичъ, разстроенный, сердитый и говоритъ:

— Дай волю бабамъ, съ ними и сладу не будетъ.

Оказалось, что онъ хотѣлъ купить у сосѣдняго помѣ-

и сижу, что называется, „à sec“. Тѣ деньги, которыя я успѣлъ собрать передъ нашимъ бѣгствомъ и которыми ты великодушно снабдилъ меня, ушли всѣ на наши странствія съ Катей и на отысканіе тихаго пріюта, гдѣ мы могли бы считать себя безопасными. Этотъ пріютъ найденъ, и мы живемъ въ немъ уже болѣе мѣсяца, но финансовый вопросъ становится все настоятельнѣе, и если ты не пришлешь мнѣ нѣкоторой субсидіи, то мы пропали. Если у тебя нѣтъ своихъ, то займи гдѣ-нибудь даже на большіе проценты и вышли по крайней мѣрѣ 400 рублей; я возвращу все разомъ. Намъ необходимо расплатиться съ хозяевами и мнѣ сверхъ того катнуть къ родителямъ, оставивъ Катю здѣсь на время. Отецъ и мать живутъ, какъ тебѣ извѣстно, въ деревнѣ и, конечно, помогутъ мнѣ выпутаться изъ бѣды, но я долженъ явиться лично, писать же имъ нельзя: они не знаютъ ничего о моихъ отношеніяхъ къ Катѣ и забьютъ тревогу. Сверхъ того у меня есть и другіе планы. Mes bons parents сватаютъ мнѣ очень богатую невѣсту и объ этомъ также не мѣшаетъ подумать. Конечно, я Катю не оставлю на произволъ судьбы, но мнѣ жить нечѣмъ, буквально нечѣмъ и надо принять какія-либо мѣры. 80 рублей въ мѣсяцъ жалованья, которые я кстати не получаю, такъ какъ числюсь въ отпуску, развѣ это деньги, развѣ на нихъ жить можно? Не осуждай меня, другъ милый, а лучше помоги. Мы съ Катей увлеклись немножко, а теперь приходится отрезвиться. Какъ и что изъ всего этого выйдетъ—не знаю... а пока приходится туго.

Если родители узнаютъ о моемъ романѣ съ Катей,—все пропало!

Обнимаю тебя и жду немедленнаго отвѣта“.

хворай онъ, чего Боже сохрани, она забыла бы всѣ свои обиды и ухаживала бы за нимъ самоотверженно.

При такомъ положеніи дѣла, нѣсколько трагическомъ, на мою долю выпала не совсѣмъ легкая обязанность, быть повѣреннымъ обѣихъ сторонъ.

Приходитъ ко мнѣ Марья Кузьминишна и говоритъ:— посудите сами, что онъ продѣлываетъ, рехнулся совсѣмъ, старый, скоро по миру пойдемъ, онъ деньги мотаетъ и все изъ-за нея.

Оказывалось, что Виссаріонъ Павловичъ, уѣхавъ за 10 верстъ, въ уѣздный городъ, подъ предлогомъ покупки разныхъ сельскихъ орудій, никакихъ орудій не пріобрѣлъ, а, отправившись въ лавку купца Черепенникова, купилъ тамъ три фунта петербургскихъ конфектъ самыхъ лучшихъ и приподнесъ ихъ Катеринѣ Васильевнѣ.

— Вотъ видите, какъ онъ деньги мотаетъ! повторяла Марья Кузьминишна:—а спроси я что нибудь? Куда ты, накричитъ только и на-отрѣзъ откажетъ. Намедни я у попадьи теленочка пѣгонькаго сторговала, хорошенькій такой, мордочка бѣленькая, племянной бычекъ будетъ. Какъ увидалъ онъ и давай кричать: „на что ты эту дрянь покупаешь? и своихъ дѣвать некуда“.

— Но вѣдь вы все-таки теленочка купили, замѣтилъ я:—видѣлъ я его на лужкѣ, какъ онъ брыкается.

— Конечно, купила, а все-таки обидно.

Съ своей стороны является ко мнѣ Виссаріонъ Павловичъ, разстроенный, сердитый и говоритъ:

— Дай волю бабамъ, съ ними и сладу не будетъ.

Оказалось, что онъ хотѣлъ купить у сосѣдняго помѣ-

щика четвероместный высокій шарабанъ на большихъ колесахъ, съ шорною упряжью и кучерскимъ платьемъ.

— Наша линейка, говорилъ онъ,—совсѣмъ разхлябалась и такъ трясетъ, что даже колотья въ боку дѣлаются; такъ нѣтъ же, Марья Кузьминишна, какъ на зло, заартачилась; деньги-то вѣдь у ней хранятся. „Какъ же", говоритъ, „очень нужно! Галкина дуракомъ въ ливрею вырядить, съ круглой шляпой, да и лошади наши въ шорахъ не пойдутъ, да и сама я въ твой шарабанъ, точно на чердакъ, не полѣзу". Такъ и не дала денегъ, а шарабанъ по случаю продавали, дешево, да и дамы наши въ немъ бы отлично катались.

Такія горести трудно было облегчить, и я только тѣмъ утѣшилъ Виссаріона Павловича, что предложилъ ему брать мой шарабанъ всякій разъ, какъ Катерина Васильевна захочетъ покататься. Между тѣмъ дѣла все ухудшались. Ардищевъ, проживъ у Чулковыхъ уже болѣе мѣсяца, заплатилъ всего только 25 руб. въ видѣ задатка за дачу, а болѣе денегъ отъ него не видали.

Марья Кузьминишна пришла наконецъ въ отчаяніе. Она совѣтовалась со мною, но что я могъ сказать ей?

— И угораздило же меня, пѣняла она на себя,— отдавать эту дачу въ наймы, не было печали, а теперь убытокъ одинъ и хлопотъ сколько.

— Вы бы поговорили съ Виссаріономъ Павловичемъ.

— Очень нужно, развѣ онъ поможетъ, развѣ онъ можетъ что сдѣлать? И безъ того по ночамъ не спитъ, все охаетъ. Я ему и спину потру, и капелекъ дамъ, нѣтъ не спитъ да и только.

Марья Кузьминишна была, что называется, бой-баба,

Москвы, Петербурга или изъ какого другого города. Писемъ они тоже не получали; разъ пришло одно на имя самого Ардищева, но онъ видимо былъ огорченъ его содержаніемъ.

Точно ли они мужъ съ женою? приходило мнѣ въ голову, и нѣтъ ли тутъ какого романа въ подкладкѣ. Но я никому не высказывалъ своихъ подозрѣній. Если они мужъ съ женою и справляютъ у насъ въ деревнѣ свой медовый мѣсяцъ, то почему они выбрали наше захолустье и скрываются, повидимому, ото всѣхъ? Багажъ ихъ былъ довольно тощій, и кошелекъ оказался такимъ же. Марья Кузьминишна не видѣла еще, какъ она мнѣ сама признавалась, цвѣта ихъ денегъ, несмотря на то, что они жили у ней болѣе недѣли, не отдавъ ни копѣйки за дачу и не заплативъ за обѣдъ. Все это, повторяю, казалось мнѣ страннымъ, хотя я и не спѣшилъ осуждать милыхъ людей, которыхъ мы всѣ полюбили.

Разъ какъ-то, въ очень жаркій день, я забрался въ свой садъ, въ самую глушь его, и залегъ тамъ на травѣ читать какую-то книгу. Я заснулъ, кажется, за книгой, но былъ разбуженъ разговоромъ вблизи меня. Это были наши дачники, часто ходившіе гулять въ мой садъ, по моему приглашенію. Но они меня не видѣли за густою зеленью и продолжали разговаривать, сидя на скамейкѣ.

— Что-жъ это будетъ? говорилъ женскій голосъ.

— Ничего не будетъ, отвѣчалъ мужской:—чего тебѣ надо?

— Долго ли мы здѣсь жить будемъ?

— Покуда-не уѣдемъ.

— Куда-жъ мы уѣдемъ?

— Мало ли куда. Были бы деньги.

— Но ихъ нѣтъ.

— Василій Петровичъ пришлетъ; я ему писалъ.

— А если не пришлетъ?

— Ну, тогда я не знаю.

— Мы за дачу еще не заплатили и за столъ должны хозяевамъ.

— Вѣдь они не спрашиваютъ, они добрые.

— Это правда, но все-жъ заплатить надо.

— Конечно.

Послѣдовалъ вздохъ и минута молчанія, во время которой я боялся шевельнуться, чтобы не обнаружить себя.

— Я боюсь, Митя, заговорилъ опять женскій голосъ

— Чего-жъ ты боишься?

— Насъ разыщутъ.

— Кто?

— Онъ разыщетъ.

— Такъ что-жъ? Не увезетъ же онъ тебя силой, чрезъ полицію. Мужъ твой не такой человѣкъ.

— Я все-таки боюсь; мысль разстаться съ тобою для меня невыносима, да и я не разстанусь ни за что, не вернусь къ нему, чтобы онъ ни сдѣлалъ; я такъ люблю тебя, Дмитрій!

Послѣдовалъ горячій, долгій поцѣлуй, и за симъ влюбленная парочка встала, и шаги ихъ удалились. Но я слышалъ довольно. Для меня было ясно, что они не мужъ съ женою и что Дамокловъ мечъ виситъ надъ ихъ головами. Кто это онъ? Грозный мужъ, конечно, отыскивающій убѣжавшую жену.

Мнѣ было жаль ее, но только ее одну. Его мнѣ не

Въ концѣ письма слѣдовали воспоминанія о какихъ-то общихъ кутежахъ, поклоны друзьямъ и товарищамъ и упоминалось даже имя Мордовцева (добраго Яши), какъ говорилось въ письмѣ. Но изъ тона письма видно было, что авторъ его нобаивался Яши, хотя и отзывался о немъ нѣсколько иронически.

Письмо производило отвратительное впечатлѣніе и могло быть написано только отъявленнымъ негодяемъ и самымъ черствымъ эгоистомъ. Я пожелалъ отъ души, чтобы оскорбленный мужъ проучилъ хорошенько этого негодяя, и, признаться, удивлялся, какъ могла его полюбить женщина съ душою и сердцемъ.

III.

На другой день утро было чудесное. Я всталъ рано и поджидалъ свою спутницу, поуговору съ ней, на дорогѣ къ мельницѣ. Я ничего не сказалъ ей ни о пріѣздѣ Мордовцева, ни о предстоящемъ свиданіи съ нимъ. Я боялся испугать ее, да и разговаривать при другихъ съ вечера было невозможно. Я рѣшился предупредить Екатерину Васильевну дорогою и предложить ей идти далѣе или вернуться домой, не повидавшись съ мужемъ. Съ первыхъ же словъ я увидѣлъ, какъ поразили ее мои извѣстія. Она поблѣднѣла, вся затряслась и, остановившись, схватила меня за руку.

— Ради Бога, вернемся скорѣе! я не хочу, не могу его видѣть.

— Какъ хотите,—отвѣтилъ я,—но врядъ ли это будетъ справедливо. Онъ пріѣхалъ съ самыми миролюби-

Она не отодвинулась ни на шагъ назадъ и, взглянувъ ему прямо въ глаза, твердо сказала:

— Убей!

Но уже онъ швырнулъ дубину въ сторону, и она, крутясь и прыгая по камнямъ, понеслась по водѣ.

Все это произошло въ одно мгновеніе и такъ быстро, что я не успѣлъ заслонить ее. Онъ стоялъ съ поникшею головою и не глядѣлъ на насъ.

Вдругъ его поразила какая-то мысль: онъ ударилъ себя по лбу и закричалъ на меня:

— Письмо, письмо!

Я вынулъ изъ кармана и подалъ ему вчерашнее письмо. Онъ схватилъ этотъ кусокъ бумаги и близко поднесъ къ ея глазамъ.

— Чей это почеркъ? говори!

— Но она молчала, врядъ ли понимая, о чемъ ее спрашиваютъ.

— Его почеркъ, ты видишь, его?

— Его, повторила она машинально.

— Онъ пишетъ, что хочетъ бросить тебя и жениться на другой, богатой, вотъ тутъ пишетъ, вотъ, вотъ, смотри!

Но въ глазахъ у него рябило, руки тряслись, и онъ не могъ найти того мѣста въ письмѣ, которое искалъ. Онъ скомкалъ письмо, швырнулъ его на мостъ и затопталъ ногами.

— Вотъ онъ читалъ,—закричалъ онъ, указывая на меня:—вчера читалъ, спроси его.

Но я молчалъ, боясь проронить слово.

— Правда ли? говори! И онъ сталъ трясти меня за плечи.

до конца, твердо сказалъ ей:—ну, о томъ, что вы связали себя съ человѣкомъ, недостойнымъ вашей любви.

Она посмотрѣла на меня такъ, какъ будто хотѣла спросить: зачѣмъ ты меня мучаешь?.. я и такъ страдаю.

Но я былъ неумолимъ и продолжалъ:

— Катерина Васильевна, всѣ люди дѣлаютъ ошибки, но, сознавши свою ошибку, имѣютъ твердость ее исправить. Неужели разъ допущенный самообманъ долженъ длиться всю жизнь и загубить вашу молодость и силы?

Все это были, конечно, фразы, не дѣйствовавшія на ея истерзанное сердце, но не могъ же я въ самомъ дѣлѣ сказать ей: вашъ Дмитрій негодяй, эгоистъ самый черствый и никогда не любилъ васъ. Да еслибы я и сказалъ, все равно она бы не повѣрила.

Мы шли лѣсной дорогой. Выпавшая за ночь сильная роса еще не обсохла, деревья и трава были мокры, воздухъ пропитанъ лѣснымъ ароматомъ, но спутница моя тяжело дышала и казалась утомленной.

— Сядьте, отдохните,—сказалъ я ей.

Она сѣла на большой камень и опустила руки на колѣни.

— Вы вся измокли, продолжалъ я, взглянувъ на ея непокрытую голову и забрызганное росою платье,—смотрите, не простудитесь.

Она опять взглянула на меня тревожнымъ, вопрошающимъ взглядомъ, будто хотѣла упрекнуть меня въ чемъ-то. Я страдаю, выражалъ ея взглядъ, сейчасъ должна рѣшиться судьба моя, а вы говорите о простудѣ.

Птичка вспорхнула съ куста,—она вздрогнула. Шумъ колесъ послышался за нами по дорогѣ, она вскочила и,

какъ будто боясь погони, спряталась за кусты; но это оказался мужикъ Фролъ, ѣхавшій съ мѣшками на мельницу. Онъ снялъ шапку и поклонился мнѣ.

— На мельницу, Фролъ? спросилъ я его.

— На мельницу, Миколай Иванычъ, отвѣчалъ онъ и обогналъ насъ.

— Я боюсь, сказала Катерина Васильевна, выходя на дорогу:—меня увидятъ.

— Никого здѣсь нѣтъ, успокойтесь.

— Голова моя въ огнѣ,—отвѣчала она, приложивъ ко лбу руки:—я ничего сообразить не могу и боюсь, что упаду, не дойдя до мельницы.

— Теперь ужъ не далеко.

И дѣйствительно, до насъ долеталъ стукъ мельницы и слышался шумъ водопада, который стремился внизъ изъ-подъ широкой плотины.

— Не могу, проговорила она:—мнѣ кажется я иду на казнь и меня убьетъ сейчасъ что-то страшное, что тамъ грохочетъ.

Она пошатнулась и упала бы, еслибы я не поддержалъ ея.

— Николай Ивановичъ, я умираю, я не переживу этого страха и мученья!

Агонія ея сообщилась и мнѣ.

— Идемъ назадъ!—воскликнулъ я: — все равно изъ этого свиданья ничего не выйдетъ.

Я сдѣлалъ шагъ назадъ, но она схватила меня за руку и быстро повлекла впередъ. Лѣсъ уже кончался, и въ ста шагахъ отъ насъ виднѣлась мельница съ ея построй-

ками, рѣка, запруда и клокотавшій потокъ по другую сторону деревяннаго моста.

На мосту стоялъ онъ, безъ шапки, въ бархатной курткѣ, въ высокихъ сапогахъ.

Онъ бросился къ ней, какъ только ее завидѣлъ, упалъ передъ нею на колѣни, заплакалъ, зарыдалъ, сталъ цѣловать полы ея платья.

Я хотѣлъ отойти и оставить ихъ вдвоемъ, но она крѣпко схватилась за мою руку и повлекла меня по мосту.

— Катя, моя Катя! стоналъ онъ, слѣдуя за нею:— вернись ко мнѣ, я все прощу, я все забуду!

Она молча покачала головой, но не оттолкнула его отъ себя, когда онъ опять ухватился за ея платье.

— Я буду отцомъ твоимъ, а не мужемъ, вернись!

Страхъ, отчаяніе, упоеніе ея близостью, страстная любовь къ ней горѣли въ его глазахъ.

— О! прости меня, прости:—говорилъ онъ:—это я во всемъ виноватъ, я долженъ былъ понять, что ты любить меня не можешь.

— Прости и ты меня,—проговорила она, крѣпко держась за мою руку:—но вернуться я не въ силахъ.

— А если онъ броситъ тебя, оставитъ одну?

— Онъ этого не сдѣлаетъ.

— А если оставитъ когда нибудь?

— Никогда! это ложь, клевета на него! пусти меня!

Она вся вспыхнула и задрожала. Но и въ немъ проснулся звѣрь.

— Убью! убью!—вдругъ закричалъ онъ, замахнувшись надъ самой ея головой огромной дубиной, которая случайно попалась ему подъ руку.

Она не отодвинулась ни на шагъ назадъ и, взглянувъ ему прямо въ глаза, твердо сказала:

— Убей!

Но уже онъ швырнулъ дубину въ сторону, и она, крутясь и прыгая по камнямъ, понеслась по водѣ.

Все это произошло въ одно мгновеніе и такъ быстро, что я не успѣлъ заслонить ее. Онъ стоялъ съ поникшею головою и не глядѣлъ на насъ.

Вдругъ его поразила какая-то мысль: онъ ударилъ себя по лбу и закричалъ на меня:

— Письмо, письмо!

Я вынулъ изъ кармана и подалъ ему вчерашнее письмо. Онъ схватилъ этотъ кусокъ бумаги и близко поднесъ къ ея глазамъ.

— Чей это почеркъ? говори!

— Но она молчала, врядъ ли понимая, о чемъ ее спрашиваютъ.

— Его почеркъ, ты видишь, его?

— Его, повторила она машинально.

— Онъ пишетъ, что хочетъ бросить тебя и жениться на другой, богатой, вотъ тутъ пишетъ, вотъ, вотъ, смотри!

Но въ глазахъ у него рябило, руки тряслись, и онъ не могъ найти того мѣста въ письмѣ, которое искалъ. Онъ скомкалъ письмо, швырнулъ его на мостъ и затопталъ ногами.

— Вотъ онъ читалъ,—закричалъ онъ, указывая на меня:—вчера читалъ, спроси его.

Но я молчалъ, боясь проронить слово.

— Правда ли? говори! И онъ сталъ трясти меня за плечи.

Она глядѣла на меня, широко раскрывъ глаза.

— Правда, отвѣтилъ я, кивнувъ головою.

Но слово мое и движеніе головы имѣли роковыя послѣдствія.

Она застонала, точно кто нибудь ударилъ ее ножемъ въ сердце, вырвала свою руку изъ моей, вздохнула и въ одинъ мигъ прыгнула черезъ перила въ рѣку. Мужъ въ ту же минуту бросился за ней, и оба они закружились въ страшномъ водоворотѣ, ударяясь о большіе каменья, скрываясь подъ водою, вновь всплывая на поверхность и окрашивая кровью водяную пѣну.

— Лодку, лодку!—закричалъ кто-то. Двое рабочихъ съ мельницы бросились за лодкой. Но Мордовцевъ сильною рукою схватилъ утопавшую за длинную распустившуюся косу и притянулъ къ берегу, гдѣ мужики подхватили ее. Вслѣдъ за ней вытащили и его, но онъ тутъ же упалъ безъ чувствъ на мокрый песокъ.

— За докторомъ, за докторомъ!—кричали голоса изъ собравшейся толпы. Но доктора не нашли и привели фельдшера изъ сосѣдней деревни.

Наклонившись надъ барыней, онъ сталъ осматривать ей голову и слушать дыханіе. Увы! голова была пробита, изъ глубокой раны сочилась кровь. Она лежала у самаго берега съ изодраннымъ платьемъ, распущенною косою, съ обнаженною бѣлою грудью.

— Скончалась!—сказалъ фельдшеръ, отходя въ сторону.

Всѣ сняли шапки и перекрестились.

Я стоялъ возлѣ покойницы и рыдалъ какъ ребенокъ.

Мордовцева привели въ чувство; онъ открылъ глаза,

но не узнавалъ никого и очевидно не сознавалъ того, что случилось. Его унесли на носилкахъ въ ближайшую больницу; утопленницу накрыли бѣлой простыней и оставили на пескѣ у берега, до прибытія полиціи.

Что описывать далѣе?

Прискакали Чулковы и виновникъ всѣхъ бѣдъ, Дмитрій Ардищевъ. Бѣдный капитанъ ходилъ взадъ и впередъ какъ пришибленный, Марья Кузьминишна причитала и убивалась, обнимая покойницу:

— Загубили, загубили несчастную!—рыдала она:—это онъ, злодѣй, загубилъ!

Она разумѣла подъ этимъ мужа, и такъ же отнеслась къ нему и стоглавая молва, но настоящій виновникъ скрылся куда-то, испугавшись, должно быть, преслѣдованій.

Яковъ Александровичъ Мордовцевъ выздоровѣлъ къ несчастью, пролежавъ долго въ больницѣ. У него оказались только сильные ушибы, но ранъ и серьезныхъ поврежденій не было. Осталась рана въ сердцѣ, не зажившая, неизлечимая.

Онъ поселился въ нашихъ краяхъ, купивъ имѣніе у Чулковыхъ, которые не захотѣли болѣе жить въ немъ, срылъ злополучную мельницу, построивъ церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ погибла его Катя, и воздвигъ великолѣпный памятникъ на ея могилѣ.

Онъ посвятилъ свою дальнѣйшую дѣятельность облагодѣтельствованію нашихъ мѣстъ: выстроилъ больницу, школу и пріютъ для дѣтей во имя святой Екатерины, помогалъ крестьянамъ и кормилъ ихъ въ неурожайные

годы, словомъ сдѣлался общимъ благодѣтелемъ, а моимъ другомъ и ближайшимъ сосѣдомъ, взамѣнъ супруговъ Чулковыхъ, съ которыми мы изрѣдка переписываемся.

Изъ этихъ писемъ мы узнали, что Виссаріонъ Павловичъ вдругъ захирѣлъ и сталъ страдать ревматизмами и другими болѣзнями.

Бури, конечно, бывали и на новомъ озерѣ, на берегахъ котораго капитанъ поселился, но *онъ уже не споритъ* болѣе и *не борется съ ними*, руки его ослабѣли, и онъ не въ силахъ держать ни паруса, ни руля. Ему остается отнынѣ одно—сидѣть печально на берегу и любоваться, какъ другіе катаются по бурнымъ волнамъ, сознавая, что его время прошло и не вернется никогда болѣе. Марья Кузьминишна все еще бодра, ухаживаетъ за больнымъ мужемъ и распоряжается всѣмъ въ домѣ. О бывшей ихъ жилицѣ красавицѣ они оба часто вспоминаютъ и разъ въ годъ, въ день ея смерти, служатъ панихиду по грѣшной душѣ ея.

О Дмитріѣ Ардищевѣ мы долго не имѣли никакихъ извѣстій, но въ одинъ прекрасный день онъ неожиданно появился. Его узнать было нельзя, такъ онъ исхудалъ, осунулся и выцвѣлъ. Съ нимъ произошли большія перемѣны и случились разныя крушенія. Онъ женился на богатой наслѣдницѣ, которую сосватали ему его покойные родители, но жена бросила его, увезя съ собою и всѣ свои капиталы. Дмитрій опять сѣлъ на мель и, впутавшись въ какую-то некрасивую исторію, былъ уволенъ отъ службы. Онъ жилъ неизвѣстно чѣмъ и какъ, по разнымъ губернскимъ городамъ и столицамъ, покуда не надумалъ навѣдаться въ наши края, подъ предлогомъ по-

клоненія праху незабвенной Кати, а кстати и въ надеждѣ покредитоваться у бывшаго мужа ея, добраго Яши, своего товарища.

Онъ прикинулся несчастнымъ, вѣчно горюющимъ по покойницѣ, и такъ убивался, что Мордовцевъ сжалился надъ нимъ. Онъ пріѣхалъ лѣтомъ передъ обѣдомъ и вошелъ къ намъ въ домъ (мы жили тогда съ Яковомъ Александровичемъ вмѣстѣ) такимъ униженнымъ и пристыженнымъ, что даже мнѣ стало жаль его.

— Яша, сказалъ онъ, остановившись у дверей съ поникшей головой:—добрый Яша, примешь ли ты меня? я Дмитрій Ардищевъ.

Яша, у котораго сердце было доброе, смутился, поблѣднѣлъ, сталъ страшно заикаться и кончилъ тѣмъ, что, протянувъ руку старому товарищу, пригласилъ его обѣдать. Пріѣзжій должно быть сильно проголодался, потому что ѣлъ за двоихъ и выпилъ много вина. Послѣ обѣда онъ сталъ просить позволенія поклониться праху незабвенной Кати, и мы пошли вмѣстѣ съ нимъ на кладбище.

Тамъ онъ разыгралъ сцену, не знаю, притворную или настоящую: упалъ на колѣни передъ могилой, кланялся въ землю, билъ себя въ грудь, плакалъ и рыдалъ громко. Мордовцевъ, чуткій ко всякому горю и страданію, въ особенности же ко всему тому, что касалось памяти его Кати, тоже прослезился, а когда мы вернулись домой и Дмитрій сталъ собираться на станцію желѣзной дороги, то пригласилъ его переночевать у насъ.

Сраженіе было выиграно.

Дмитрій прогостилъ у насъ цѣлую недѣлю, а когда, наконецъ уѣхалъ, щедро снабженный Яшей русскими кре-

дитными билетами, то клялся и божился, что отнынѣ вся душа его останется на кладбищѣ, на тихой могилкѣ Кати, и вся жизнь его, всѣ помыслы будутъ посвящены памяти о ней.

Я удивлялся такому нахальству и когда выразилъ свое негодованіе Якову Александровичу, то онъ, вздохнувъ, отвѣтилъ мнѣ:

— Бѣдный! ему голову некуда преклонить. Конечно, онъ любилъ ее—кто-жъ не любилъ?

Съ тѣхъ поръ посѣщенія Ардищева стали повторяться. Ему видимо понравилось у насъ. Домъ былъ просторный, обѣдъ вкусный, и даже дорогія сигары хозяина онъ курилъ съ большимъ удовольствіемъ. Снабжалъ ли его Яковъ Александровичъ вновь деньгами—я не знаю, эти обороты дѣлались втайнѣ отъ меня, но должно быть снабжалъ, потому что Дмитрій пріодѣлся, выкупилъ золотые часы, которые были у него въ закладѣ, и вообще казался не такимъ жалкимъ, какъ въ первый разъ, какъ онъ появился у насъ. Занятій у него никакихъ не было, какъ онъ самъ признавался намъ, да и облѣнился онъ до того, что уже ни къ какой работѣ не былъ годенъ.

Когда онъ гостилъ у насъ, то большую часть дня лежалъ на диванѣ, не читалъ ничего кромѣ газетъ, да и тѣ съ трудомъ, а за обѣдомъ такъ напивался, что тотчасъ же засыпалъ и просыпался только къ ночи, когда ему не спалось и онъ бродилъ но дому и вздыхалъ, увѣряя, что тоскуетъ о нрошедшемъ. Но онъ тосковалъ о картахъ и о водочкѣ, которую втайнѣ потягивалъ.

Я намекалъ не разъ Мордовцеву, что онъ напрасно

кормить этого тунеядца, но онъ не внималъ моимъ протестамъ.

Меня удивляло одно: какъ онъ могъ выносить этого человѣка, такъ жестоко его оскорбившаго. Но безконечная доброта Якова Александровича мирилась со всѣмъ, даже съ Дмитріемъ Ардищевымъ. При этомъ онъ вѣрилъ въ искренность его чувствъ, находилъ въ нихъ что-то сродное со своимъ собственнымъ горемъ и, забывая бывшаго соперника, видѣлъ въ немъ только несчастнаго человѣка.

Я невольно начиналъ думать, что Яковъ Мордовцевъ просто святой, что онъ истинный христіанинъ, любящій своихъ враговъ, а можетъ быть и послѣдователь ученія о непротивленіи злу. Я сталъ его допрашивать и узналъ, что онъ много думалъ и читалъ о поученіяхъ этого философа и даже ѣздилъ къ нему въ имѣніе на паломничество.

Все видѣнное и слышанное имъ тамъ произвело на Мордовцева глубокое впечатлѣніе, и, вернувшись домой, онъ пробовалъ даже пахать землю, но толщина и усилившаяся одышка помѣшали ему продолжать эти упражненія.

Въ одно изъ посѣщеній своихъ Ардищевъ вдругъ захворалъ и слегъ въ постель. Нужно было видѣть, какъ встревожился Яша. Онъ сейчасъ же послалъ за докторами, самъ ходилъ за больнымъ и плакалъ, когда Ардищеву стоновилось хуже. Любящая мать не могла бы такъ ласкать и лелѣять своего сына. Онъ называлъ его самыми нѣжными именами: „Митя, Митюшка, мой голубчикъ“; а когда Дмитрій, благодаря тщательному уходу

за нимъ, поправился, то Яша объявилъ, что онъ будетъ отнынѣ жить у насъ, такъ какъ здоровье его еще плохо и ему нуженъ деревенскій воздухъ.

Я помню хорошо, какъ въ первый разъ, когда выздоравливающій вышелъ на балконъ, Мордовцевъ горячо обнялъ его и сталъ просить у него прощенія.

— Въ чемъ же? спросилъ удивленный Дмитрій, сознававшій, что кромѣ добра ему ничего не сдѣлали.

Но Яша продолжалъ просить прощенія, заикаясь и и увѣряя, что онъ все-таки питалъ къ нему затаенную злобу и ревновалъ къ покойницѣ, что великій грѣхъ; но что теперь онъ все простилъ, простилъ окончательно.

— Отнынѣ, заключилъ онъ вновь, обнимая Митю,— мы будемъ жить вмѣстѣ и любить всѣхъ людей, своихъ ближнихъ и братьевъ по Христу.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ въ заключеніе всей этой трагической исторіи.

Яковъ Александровичъ Мордовцевъ, этотъ образецъ мужей и христіанскаго смиренія, въ одинъ прекрасный день умеръ отъ удара, и его похоронили возлѣ жены его, въ могилѣ, имъ самимъ для себя уготованной.

Онъ былъ оплакиваемъ всѣми, отъ мала до велика, какъ общій благодѣтель. Состояніе свое онъ завѣщалъ какимъ-то бѣднымъ родственникамъ, обратившимся въ богатыхъ, но все-таки 20 тысячъ оставилъ Дмитрію Ардищеву, назначивъ меня душеприказчикомъ по духовному завѣщанію. Получивъ эти 20 тысячъ, Дмитрій исчезъ и болѣе не возвращался на поклоненіе могилѣ *незабвенной* Кати.

Къ чему?

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Мой старый знакомый, Николай Ивановичъ Ардальоновъ, принадлежалъ къ числу людей весьма извѣстныхъ въ Петербургѣ.

Занимая вліятельный постъ на службѣ, онъ выслужилъ высокій чинъ, приличную пенсію и вышелъ во-время въ отставку, перейдя на частную дѣятельность. Но и на этомъ поприщѣ онъ быстро пошелъ въ гору: попалъ въ директоры двухъ-трехъ правленій, въ совѣтъ одного частнаго банка, организовалъ новое страховое общество,—словомъ, ему повезло въ жизни, и не даромъ. Онъ былъ человѣкъ умный, практическій, и всякое дѣло спорилось и преуспѣвало у него въ рукахъ. Но онъ имѣлъ одинъ крупный недостатокъ: мастерски устраивая чужія дѣла, онъ плохо велъ свои собственныя; такъ напримѣръ:

поладивъ, какъ говорили, съ новымъ министромъ, и обратился къ частной дѣятельности. Николай Ивановичъ женился рано, по любви, чтó и считалъ величайшею ошибкой своей жизни, въ особенности когда пошли дѣти; но сдѣлавъ такой необдуманный шагъ, онъ примирился съ нимъ,—такъ какъ вернуть его назадъ было невозможно,—и обратился въ примѣрнаго мужа и отца. Такимъ, по крайней мѣрѣ, его считала собственная супруга, Марья Дмитріевна, смотрѣвшая сквозь пальцы на нѣкоторые его грѣшки.

Марья Дмитріевна была дама весьма представительная и красивая въ молодости, но съ годами она отучнѣла и ѣздила въ Карлсбадъ лѣчиться отъ печени. Дѣтей у нихъ было трое: двѣ дочери, Анна и Ольга, уже взрослыя, и сынъ Мишель, воспитанный въ пажескомъ корпусѣ и служившій въ гвардейской кавалеріи.

Вся эта семья жила на набережной Невы, въ большой роскошной квартирѣ, и мотала деньги на пропалую. Но изъ семьи составляла исключеніе старшая дочь Анна, которая была бережлива, угрюмаго нрава, и не любила ни выѣздовъ, ни общества.

Ардальоновы жили открыто; у нихъ всегда бывали гости, исключая тѣхъ дней, когда они сами выѣзжали. Съ утра домъ наполнялся разнымъ людомъ: гости завтракали, обѣдали, ужинали; въ домѣ было разливанное море и широкое гостепріимство. Сверхъ того, разъ въ недѣлю, собиралось большое общество; молодежь танцовала, старики играли въ карты.

Вотъ этого-то вѣчнаго праздника и не терпѣла Аня Ардальонова; она иногда не выходила въ пріемные дни,

запираясь у себя въ комнатѣ, подъ предлогомъ головной боли. Утромъ ей приходилось выслушивать за это строгіе выговоры отъ матери, но она стояла на своемъ и часто отказывалась не только выходить къ гостямъ, но и выѣзжать съ матерью и сестрою.

— Ты совсѣмъ одичаешь, — поучала ее Марья Дмитріевна:—скоро кусаться начнешь. И на что это похоже: молодая дѣвушка предпочитаетъ сидѣть дома затворницей, уткнувъ носъ въ книгу, вмѣсто того, чтобы танцовать и веселиться.

— Что же дѣлать, — отвѣчала Аня: — у всякаго свой вкусъ.

— Не вѣрю я твоимъ вкусамъ,—говорила мать, — не вѣрю; ты просто оригинальничаешь и думаешь выиграть этимъ. Ошибаешься, ma chère, жестоко ошибаешься. Бери примѣръ съ Ольги: она моложе тебя, но гораздо умнѣе и смотри—скорѣй тебя замужъ выдетъ.

— Ахъ, оставьте меня, maman, съ этимъ замужествомъ. Неужели я такъ ужъ надоѣла, что вамъ не терпится сбыть меня съ рукъ?

Бурныя сцены, происходившія по этому поводу между матерью и дочерью, были часто прерываемы отцомъ, который терпѣть не могъ шума и крика въ домѣ.

— Оставь ее, — успокоивалъ онъ жену: — не надо ничьихъ вкусовъ насиловать; пускай всякій живетъ, какъ ему нравится. Вотъ вы съ Олей любите танцовать, ну и танцуйте себѣ въ сласть, Анна любитъ книжки читать, и пусть ее читаетъ!

Николай Ивановичъ былъ человѣкъ миролюбивый и

желалъ, чтобы всѣ были счастливы и довольны въ его семьѣ.

— Да, тебѣ хорошо говорить, — отстаивала Марья Дмитріевна свои права: — я мать и должна заботиться о будущемъ своей дочери.

Но Николай Ивановичъ не возражалъ, зная по опыту, что супруги своей не переспоритъ. За исключеніемъ этихъ легкихъ бурь, жизнь въ семьѣ Ардальоновыхъ шла какъ по маслу. Николай Ивановичъ вставалъ обыкновенно поздно, засыпаясь послѣ ночныхъ своихъ подвиговъ въ карты, вскакивалъ съ постели, наскоро умывался, одѣвался и начиналъ метаться по городу; онъ цѣлый день куда-нибудь торопился, вездѣ опаздывалъ, но, тѣмъ не менѣе, успѣвалъ побывать всюду, гдѣ ему было нужно, и справлялъ отлично свои дѣла.

Супруга его вставала еще позже, очень долго занималась своимъ туалетомъ, пила кофе, завтракала и уѣзжала съ Ольгой по магазинамъ, къ портнихамъ, или съ визитами. Мишель вставалъ раньше другихъ, торопясь въ полкъ на ученье, но, отбывъ эту повинность, обыкновенно отправлялся завтракать въ ресторанъ съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, и производилъ эту операцію такъ долго и такъ основательно, что уже не ѣлъ ничего за обѣдомъ. Зачѣмъ онъ дѣлалъ это, имѣя прекраснаго повара и вкусный столъ дома? одинъ Богъ вѣдаетъ; вѣроятно, больше для компаніи и чтобы имѣть предлогъ выпить. Такимъ образомъ, Анна оставалась одна, предаваясь своимъ любимымъ занятіямъ: чтенію, музыкѣ и рисованію; въ хорошую же погоду она гуляла пѣшкомъ по улицамъ, чтó доставляло ей большое удовольствіе; но ей

также доставалось за это отъ матери, находившей неприличнымъ для молодой дѣвушки гулять одной по улицамъ.

Въ 6-ть часовъ вся семья собиралась къ обѣду, причемъ Марья Дмитріевна и Ольга болтали безъ умолку, Анна молчала, а Мишель только пыхтѣлъ и пилъ сельтерскую воду. Что касается Николая Ивановича, то онъ часто не обѣдалъ дома, но когда обѣдалъ, то былъ милъ до нельзя: смѣялся и шутилъ со всѣми, — съ гостями, если они присутствовали, съ женой, съ дѣтьми, разсказывалъ слышанныя имъ новости и обыкновенно, за десертомъ, угощалъ всѣхъ какими-нибудь деликатесами, которыя привозилъ съ собой изъ лавокъ, или дорогимъ виномъ изъ своего погреба. Онъ былъ идоломъ всей семьи, всѣхъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ, которымъ щедро помогалъ, и только съ сыномъ ссорился иногда за то, что онъ опустошалъ отцовскіе карманы; но и эти ссоры продолжались недолго, — во-первыхъ, потому что Ардальоновъ не могъ долго ни на кого сердиться, во-вторыхъ, потому что самъ онъ чувствовалъ за собой грѣшки. Изъ дѣтей онъ больше всѣхъ любилъ Анну, считая ее умницей, и въ часы досуга любилъ бесѣдовать съ нею.

Аня была нехороша собою, въ особенности по сравненію съ сестрой, пышной бѣлокурой красавицей; но глаза у нея были прекрасные и волосы роскошные, станъ гибкій, нѣсколько худощавый, и смуглое выразительное лицо. Отецъ любилъ ласкать ее и, цѣлуя въ глаза, говорилъ:— „Ахъ ты моя умница!“ Она обожала отца и сосредоточила на немъ всю потребность любви своего молодаго,

горячаго сердца. Съ матерью же и сестрой ея отношенія были холоднѣе; онѣ расходились во всемъ:—во вкусахъ, взглядахъ на жизнь, въ привычкахъ. Брата она любила, но съ примѣсью какой-то жалости къ нему; она знала его за добраго, сердечнаго малаго, но считала слабохарактернымъ и малодушнымъ, и давно махнула на него рукой, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ вразумленія.

Думая о своей жизни, Анна часто сожалѣла, что она такъ роскошно обставлена; ей казалось, что люди небогатые, живущіе своимъ трудомъ, счастливѣе; она мечтала о трудѣ, какъ о великомъ благѣ, искала его, но не находила. Ея занятія чтеніемъ, музыкой, рисованіемъ казались ей забавами, а не трудомъ, и она со слезами просила отца дать ей мѣсто въ правленіи, чтобы она не жила такъ праздно и была кому-нибудь полезна. Николай Ивановичъ только хохоталъ въ отвѣтъ на эти просьбы, ласкалъ ее и называлъ „дурашкой“. Но Анна не удовлетворялась такими шутками, не могла помириться съ жизнью для себя, и только для себя одной. Душа ея жаждала жертвы, и въ этой жертвѣ она думала найти свое счастье. Есть немало такихъ женщинъ на свѣтѣ во всѣхъ слояхъ общества: въ простой избѣ и въ барскихъ палатахъ, и чѣмъ болѣе онѣ жертвуютъ собою для другихъ людей, тѣмъ полнѣе и лучше кажется имъ собственное счастье.

Въ домѣ у Ардальоновыхъ готовился большой ежегодный балъ, по случаю именинъ хозяина. Николай Ивановичъ приглашалъ къ себѣ въ этотъ день всѣхъ своихъ сослуживцевъ отъ мала до велика и гордился тѣмъ, что никого не забывалъ; поэтому общество на этихъ празд-

никахъ было самое смѣшанное. Пріѣзжали финансовые тузы со своими женами и дочерьми, генералы въ звѣздахъ и блестящихъ мундирахъ, нарядныя дамы въ цвѣтахъ и брилліантахъ, но были и мелкіе служащіе, скромно ютящіеся у стѣнъ, испуганные всѣмъ этимъ блескомъ.

Радушный хозяинъ принималъ всѣхъ гостей одинаково, пожималъ всѣмъ руки, представлялъ дамамъ и водилъ въ буфетъ поить шампанскимъ. Въ числѣ гостей были молодыя дѣвушки, служащія конторщицами въ правленіи, и онѣ были поручаемы спеціальнымъ заботамъ Анны. Многихъ она знала по прежнимъ подобнымъ празднествамъ, съ другими быстро знакомилась, предпочитая этихъ гостей другимъ, болѣе нарядным. Она выбирала въ эти дни сама себѣ кавалеровъ для танцевъ и хвасталась этимъ передъ своими домашними, увѣряя, что ея кавалеры умнѣе и интереснѣе тѣхъ, съ которыми танцуетъ сестра.

Ольга только пожимала плечами, а Марья Дмитріевна презрительно относилась ко всей правленской публикѣ, уговаривая мужа отмѣнить эти плебейскіе балы, но Николай Ивановичъ стоялъ на своемъ и самъ послѣ ужина, развеселившись, пускался плясать съ какой-нибудь пожилой дамой или съ молоденькой конторщицей.

Въ тотъ вечеръ, который мы описываемъ, Аня была особенно весела, одѣта къ лицу и такъ привлекательна, что всѣ любовались ею. Она очень любила эти праздники, даваемые отцомъ въ день своихъ именинъ, и свято исполняла обязанности гостепріимной хозяйки относительно рѣдкихъ и мало знакомыхъ въ домѣ гостей. Она гнала отъ себя нарядныхъ кавалеровъ сестры, говоря, что ей не до нихъ, и тотчасъ же подводила какого-нибудь бле-

стящаго офицера къ простенькой конторщицѣ, заставляя ангажировать ее.

Въ числѣ кавалеровъ, пріѣхавшихъ изъ правленія, былъ одинъ молодой человѣкъ, котораго она прежде не видала; онъ имѣлъ умное, выразительное лицо, былъ безукоризненно одѣтъ и показался ей даже перебежчикомъ изъ другого лагеря; но, танцуя съ нимъ, она узнала, что онъ служитъ у отца и недавно въ Петербургѣ.

— Какъ вамъ здѣсь нравится?—спросила она, чтобы начать разговоръ.

— Право, затрудняюсь отвѣтить на вашъ вопросъ,—сказалъ онъ:—я не видалъ Петербурга, не смотря на то, что живу въ немъ болѣе полугода.

— Какъ такъ?

— Очень просто: въ Петербургѣ все дорого и нужны деньги, чтобы ознакомиться съ городомъ, а у меня ихъ нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, очень мало.

Такое откровенное признаніе понравилось Анѣ, и она еще съ бо́льшимъ вниманіемъ посмотрѣла на своего кавалера. „Какое у него хорошее лицо,— подумала она:— я рѣдко видывала такія“.

— Вы женаты, семейный? — вдругъ сорвалось у нея съ языка, и она покраснѣла до ушей, отъ сдѣланнаго ею вопроса.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, улыбнувшись,—но у меня есть мать и сестра, которыхъ я содержу.

Симпатіи Анны къ своему собесѣднику быстро росли, но въ эту минуту фигура кадрили разлучила ихъ и прервала разговоръ.

— Какъ смѣшны эти танцы, — сказала Анна, когда они вернулись на мѣсто:—говорить мѣшаютъ.

— А я, напротивъ, люблю танцы,—сознался ея кавалеръ:—въ особенности, когда они обставлены такъ, какъ у васъ: въ большой, свѣтлой залѣ, подъ звуки чудной музыки, и... и... — онъ хотѣлъ сказать: „съ такой милой дамой“, но замялся и договорилъ глазами. Анна опять покраснѣла, но продолжала разговоръ:

— Какъ счастливы тѣ, которые трудятся для другихъ и знаютъ, что ихъ жизнь нужна кому-нибудь.

Молодой человѣкъ взглянулъ на нее, недоумѣвая: говоритъ ли она банальную фразу, или то, чтó дѣйствительно думаетъ, — но онъ прочелъ въ ея глазахъ такую горячую симпатію къ себѣ и ко всѣмъ труженикамъ вообще, что сомнѣнія его исчезли.

— Да,—отвѣчалъ онъ:—я счастливъ тѣмъ, что могу быть полезнымъ своимъ близкимъ, иначе чѣмъ бы я могъ отплатить имъ за всю ихъ любовь ко мнѣ? Анна Николаевна, — прибавилъ онъ, начиная самъ увлекаться разговоромъ: — еслибы вы знали, чѣмъ я обязанъ своей матери и сестрѣ, вы бы повѣрили, что я готовъ посвятить имъ всю мою жизнь.

— Извините, — спросила она робко: — я не знаю вашего имени и отчества?

— Павелъ Михайловичъ.

— Павелъ Михайловичъ, — повторила она, — повѣрите ли вы мнѣ, если я скажу, что завидую вамъ, и что меня тяготитъ вся эта роскошь и праздная, безполезная жизнь.—„Что это я говорю,—подумала она,—чужому человѣку, котораго вижу въ первый разъ, и что бы сказали

мать или сестра, еслибы услышали меня?“ Но слова уже были сказаны и вернуть ихъ назадъ нельзя: — „что онъ подумаетъ обо мнѣ“?

А онъ думалъ:—„Какая милая дѣвушка; бываютъ же такія хорошія существа и въ этой раззолоченной средѣ“.

— Повѣрьте мнѣ, — сказалъ онъ, когда они опять протанцовали фигуру: — жизнь всегда можно наполнить и она остается праздною только для того, кто самъ не желаетъ трудиться.

— Ахъ, чѣмъ мнѣ наполнить мою жизнь?—воскликнула Анна, забывъ, что ее могутъ услышать: — научите меня.

— Для этого мнѣ нужно короче съ вами познакомиться, а то чтó же я могу сказать, не зная вашихъ вкусовъ и образа жизни?

— Такъ приходите почаще къ намъ, я попрошу папà, чтобы онъ приглашалъ васъ.

— Врядъ ли это такъ просто, какъ вы думаете, Анна Николаевна; вѣдь я мелкій служащій въ правленіи у вашего отца; нашего брата пускаютъ сюда, какъ мнѣ говорили, разъ въ годъ, въ именины добрѣйшаго Николая Ивановича; въ остальное же время двери ваши для насъ закрыты, и вы, можетъ быть, не поклонитесь на улицѣ, встрѣтивъ меня?

— Какой вздоръ; вы не можете такъ думать,—горячо отвѣтила она, и такъ какъ въ эту минуту кавалеръ подалъ ей руку, чтобы отвести къ ихъ визави, она невольно и не помня сама, что дѣлаетъ, пожала его руку.

Кадриль кончилась, но онъ пригласилъ ее на мазурку.

— Къ сожалѣнію, я ангажирована, — сказала она, выразивъ на лицѣ своемъ досаду,—а впрочемъ, позвольте, сегодня я на особомъ положеніи. — И она побѣжала въ другой конецъ залы, отыскала тамъ одного изъ товарищей брата и объявила ему, что не будетъ съ нимъ танцовать мазурки.

— Это отчего?—спросилъ молодой офицеръ, коротко знакомый въ домѣ Ардальоновыхъ.

— Оттого, что одинъ изъ папиныхъ кавалеровъ, — такъ она называла правленскихъ гостей, — не имѣетъ дамы и я буду танцовать съ нимъ.

— Позвольте, это не тотъ ли красивый молодой человѣкъ, съ которымъ вы танцовали кадриль?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, я вызову его на дуэль и убью.

— Хорошо,—засмѣялась Аня,—а пока я вамъ отыщу другую даму,

За мазуркой Анна была оживлена и танцовала съ увлеченіемъ. Ей показалось, что она давно знакома со своимъ кавалеромъ и что они бесѣдуютъ, какъ старые друзья. Она стала допрашивать его, какъ и чѣмъ ей наполнить свою жизнь, и онъ отвѣчалъ ей просто и толково, что трудиться и быть полезной можно вездѣ, во всякой средѣ; что серьезное отношеніе къ наукѣ или искусству есть тотъ же трудъ, только болѣе почетный, если онъ безкорыстный. Онъ указалъ ей на современное умственное движеніе, возникшее среди русскихъ женщинъ, на высокую дѣятельность, которую могутъ имѣть богатые люди, придя на помощь нуждающимся, и увѣрялъ ее, что на этомъ поприщѣ женщины, по своему теплому

сердцу, могутъ быть полезнѣе мужчинъ. Она слушала его съ увлеченіемъ и продолжала разговоръ за ужиномъ въ столовой, куда перешли танцующія пары изъ большой залы.

Ужинъ былъ веселый, шумный, и много шампанскаго гости выпили за здоровье именинника.

Послѣ ужина танцовали опять, и Анна очнулась только тогда, когда веселый балъ кончился, гости разъѣхались и она осталась одна среди нарядной гостинной, заставленной живыми цвѣтами.

— Papà,—спросила она у проходившаго мимо отца:— кто этотъ молодой человѣкъ изъ твоихъ правленскихъ, котораго зовутъ Павломъ Михайловичемъ? Онъ былъ у насъ сегодня въ первый разъ.

— Это тотъ, съ которымъ ты танцовала мазурку, плутовка?

— Да.

— Право, не знаю, моя душечка, хоть убей, забылъ его фамилію, онъ у насъ недавно; но, кажется, малый толковый.—Онъ поцѣловалъ ее и прошелъ въ кабинетъ.

„Малый толковый“, вотъ все, что она узнала о своемъ кавалерѣ, а между тѣмъ сердце ея билось и она испытывала радость, невѣданную ею доселѣ. Она поднялась въ свою спальню, раздѣлась и легла въ постель, но долго не могла заснуть. Ей грезился шумный балъ, звуки музыки, говоръ гостей, но между всѣми голосами слышался отчетливо одинъ, какъ будто давно ей знакомый. Но кто же онъ, этотъ новый знакомый, „толковый малый,“ какъ назвалъ его отецъ, мелкій служащій, какъ онъ самъ назвалъ себя? Она не знала даже его фамиліи и не

рѣшится ни у кого спросить. Что, ежели ее высмѣютъ и даже отецъ станетъ трунить надъ нею? О, ни за что она не спроситъ; но какъ же ей узнать, кто онъ, и ужели они болѣе не увидятся?

На этихъ трудныхъ вопросахъ она заснула и крѣпко проспала до поздняго утра. На другой день, спустившись въ столовую, она тотчасъ замѣтила, что мать крайне не въ духѣ; она едва отвѣтила на ея поцѣлуй, сердито пила кофе, но когда дочь, окончивъ утренній завтракъ хотѣла уйти, остановила ее.

— Я должна тебѣ сказать, Аня, что твое поведеніе крайне неприлично.

— Чѣмъ же, maman?

— Всѣмъ рѣшительно. Вчера, напримѣръ, ты привязала къ себѣ какого-то кавалера изъ этой правленской компаніи и цѣлый вечеръ не отставала отъ него.

— Papà поручилъ мнѣ своихъ гостей и просилъ заботиться, чтобы они не скучали.

— Да, но всему есть мѣра; къ тому же заботы твои должны были ограничиться однѣми дамами, этими мамзельками изъ правленія, а никакъ не распространяться на кавалеровъ.

— Отчего же?

— Оттого, что это неприлично.

Анна пожала плечами, и это окончательно взбѣсило мать.

— Ты знаешь ли, съ кѣмъ ты танцовала цѣлый вечеръ? былъ ли онъ тебѣ представленъ, по крайней мѣрѣ, и кто этотъ господинъ, какъ его фамилія?

— Не знаю.

— А я знаю, полюбопытствовала узнать. Это нѣкто конторщикъ Рыжовъ, служащій у papà въ правленіи; а ты знаешь ли, что такое конторщикъ, чтó это за птица?

Анна принуждена была сознаться, что она не имѣетъ объ этомъ яснаго понятія.

— Конторщикъ, моя милая, это все равно, что писарь, понимаешь ли ты,—писарь, который переписываетъ бумаги!

Анна начинала волноваться и не могла скрыть этого.

— Я не знаю, какія обязанности исполняетъ г. Рыжовъ, но знаю, что онъ очень порядочный человѣкъ и умнѣе многихъ франтовъ, которые вертятся у насъ въ гостинныхъ.

— Скажите пожалуйста! — воскликнула Марья Дмитріевна,—какого умника нашла, писаря!

— Papà представлялъ его мнѣ въ числѣ другихъ, какъ своего сослуживца и гостя.

— Papà всѣхъ представляетъ, всю эту дрянь, которую онъ наводитъ въ свои именины, но это не давало тебѣ права возиться съ нимъ цѣлый вечеръ и даже танцовать съ нимъ мазурку. A propos, — прибавила Марья Дмитріевна,—ты, кажется, отказала для этого кавалера въ мазуркѣ другому,—графу Алексѣю Павловичу? Vous êtes une sotte, ma chère, и совершенно слѣпая. Неужели ты не видишь, что нравишься графу?

— Можетъ быть, но онъ мнѣ не нравится.

— Ты дура!—воскликнула мать, потерявъ всякое терпѣніе и перейдя съ французскаго діалекта на русскій, по своей привычкѣ, когда входила въ азартъ.

Она порывисто встала и вышла изъ столовой, хлопнувъ дверью.

Анна заплакала. Она опустила голову на руки и сидѣла такъ, покуда кто-то, подойдя сзади, не тронулъ ее за плечи. Она обернулась и увидѣла отца.

— О чемъ ты плачешь Аня?—спросилъ онъ ласково.

Аня поспѣшила отереть глаза и попробовала улыбнуться, но опять заплакала.

— Я поссорилась съ матерью,—сказала она, сквозь слезы.

— Изъ-за чего?

— Не стоитъ разсказывать,—отвѣчала она, не желая жаловаться отцу.

— Ну, полно, голубка! мать—нервная, больная женщина; ей можно многое простить.

Анна вскочила, горячо обняла отца и поцѣловала у него руку.

— Налей мнѣ чайку лучше,—сказалъ Николай Ивановичъ, садясь къ столу,—я и такъ опоздалъ.

— Papà,—сказала Анна,—у меня къ тебѣ большая просьба.

— Говори, дружокъ мой, ты знаешь, у меня нѣтъ для тебя отказа.

— Позволь мнѣ поступить въ консерваторію.

— Въ консерваторію? — повторилъ Николай Ивановичъ, отодвинувъ отъ себя недопитый стаканъ.

— Да, я хочу серьезно учиться; говорятъ, у меня есть талантъ и хорошій голосъ; пора мнѣ наконецъ заняться дѣломъ.

— А что жъ твой учитель музыки—не хорошъ развѣ? ну, мы возьмемъ другого.

— Ахъ, нѣтъ! изъ этого ничего не будетъ,—одно дилетантство. Серьезно заниматься можно только въ консерваторіи и, можетъ быть, изъ меня выдетъ со временемъ оперная пѣвица?

Оперная пѣвица! часъ отъ часу не легче. Николай Ивановичъ удивлялся, откуда взялись у его дочери такія фантазіи, но, не желая огорчить ее, обѣщалъ подумать. Онъ позвонилъ и велѣлъ заложить парныя сани.

— Хочешь со мною прокатиться до правленія; день чудесный и дорога славная.

— Хочу, хочу!—воскликнула Аня, повеселѣвъ, и убѣжала одѣваться.

II.

Николай Ивановичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ глубокомъ раздумьѣ; отъ него только что уѣхали незванные гости: судебный приставъ съ кредиторомъ.

Приставъ въ цѣпи на шеѣ имѣлъ весьма приличный видъ, кредиторъ же былъ похожъ на мѣщанина не совсѣмъ опрятной наружности. Вексель перешелъ къ нему по бланковой надписи и Ардальоновъ не зналъ его. Гости пріѣзжали съ воинственнымъ намѣреніемъ описать всю движимость въ роскошной квартирѣ должника и наложить арестъ на все его имущество. Конечно, Николай Ивановичъ не допустилъ до такого скандала, но это стоило ему немалыхъ хлопотъ и 1000 рублей наличныхъ денегъ, для того только, чтобы добиться отсрочки на двѣ недѣли.

Кредиторъ, по обыкновенію, плакался и божился, что у него у самого петля на шеѣ, но, увидѣвъ радужныя, тотчасъ же согласился и ушелъ съ приставомъ.

Николай Ивановичъ не могъ придти въ себя отъ негодованія. Какъ его, важнаго генерала, украшеннаго высокими чинами и звѣздами, директора разныхъ „совѣтовъ“ и „правленій“, вздумали описывать? Нѣтъ, этому не бывать, мелко плаваете, господа. И кто же вздумалъ это сдѣлать? старый пріятель, у котораго онъ занялъ деньги и котораго самъ выручалъ много разъ изъ бѣды. Мѣщанинъ, очевидно, подставное лицо, пугало, чтобы заставить заплатить; а пріятель хорошъ, нечего сказать! Слава Богу, что у него нашлась еще тысяча рублей; теперь онъ остался безъ гроша, но это не бѣда, безъ наличныхъ жить можно, лишь бы по векселю заплатить. Николай Ивановичъ всталъ и прошелся по кабинету съ сигарой въ зубахъ.

„Однако,—разсуждалъ онъ самъ съ собою,—это мнѣ хорошій урокъ: не довѣряться пріятелямъ. Кредитъ, другъ любезный,—говорилъ онъ громко, какъ будто поучая кого-либо,—это такой инструментъ, на которомъ надо играть умѣючи, какъ на скрипкѣ, а то какъ разъ сфальшивишь и проиграешься. Главное же,—рѣшилъ онъ, послѣ нѣкотораго раздумья,—надо убавить расходъ: такъ жить невозможно“.

Вопросъ этотъ повелъ, конечно, къ другимъ: съ чего убавить и какъ? Онъ сѣлъ опять за письменный столъ и взялъ карандашъ въ руки.

— Запишемъ прежде всего приходъ: сорокъ пять тысячъ, ну, можетъ быть, пятьдесятъ набѣжитъ съ разными

онерами. Теперь расходъ: на домъ и семью—55 т. и на собственные карманные расходы 9,000, тутъ ничего не убавишь, и то не хватаетъ. Léonie — 20 тыс. Нельзя ли этотъ расходъ уменьшить?

Онъ откинулся на спинку кресла и зажегъ потухшую сигару. Онъ сталъ думать о Léonie, французской актрисѣ, съ которою жилъ уже нѣсколько лѣтъ, припоминалъ былые годы и все то счастье, которое дала ему эта женщина. Она не простая „содержанка", — нѣтъ, она ему другъ, самый искренній и вѣрный; она артистка, женщина съ поэтической душой, и ея успѣхи на сценѣ составляютъ его тріумфъ; Боже, какъ она играла вчера, какъ поняла свою роль! И съ такой женщиной разстаться? Нѣтъ, это невозможно.

— Безъ аромата этого цвѣтка въ моей бутоньеркѣ,— воскликнулъ онъ,—я задохнусь въ смрадѣ житейскомъ.

Очень довольный придуманной фразой и обращаясь къ Léonie, онъ нашелъ, что она вполнѣ безкорыстна: что значатъ какія-нибудь 20 тысячъ при ея образѣ жизни и потребностяхъ? Еслибы она не любила его, неужели бы не нашла другого, который далъ бы ей вдвое болѣе. При одной этой мысли онъ содрогнулся. Нѣтъ, онъ не уступитъ ее никому; лучше продастъ все, что имѣетъ, и заложитъ себя. Ардальоновъ стукнулъ кулакомъ по столу и рѣшилъ перейти къ другимъ статьямъ бюджета. Но оставалось уже немного,—одинъ только Мишель, на котораго онъ и обрушилъ весь свой гнѣвъ. „Это невозможно! онъ разоряетъ меня, — мысленно упрекалъ онъ сына, — каждый день у него новыя затѣи: то ему новую лошадь купи, то счетъ заплати въ ресторанѣ, а главное—

долги, долги, которымъ нѣтъ конца. Кажется, я довольно даю ему: 500 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, но и этого не хватаетъ. Нѣтъ, какъ онъ хочетъ, а его мотовству надо положить предѣлъ; пускай выходитъ изъ своего наряднаго полка и перейдетъ въ другой болѣе скромный, или совсѣмъ оставитъ военную службу. Я самъ заработывалъ въ его годы деньги, пускай и онъ потрудится, — не все же на папенькиныхъ плечахъ сидѣть". Николай Ивановичъ сильно разсердился на сына, припоминая его продѣлки, и порѣшилъ въ тотъ же день поговорить съ нимъ серьезно. Но изъ этого разговора ничего не вышло.

Мишель объявилъ, что онъ не можетъ оставить своего полка, что онъ слишкомъ сжился съ нимъ и полюбилъ товарищей, а если ему необходимо уѣхать временно изъ столицы, то онъ выхлопочетъ себѣ командировку въ Ташкентъ, или еще куда-нибудь подальше. Но въ Азію онъ не поѣхалъ, и все осталось по прежнему.

Двѣ недѣли пролетѣли, какъ одинъ мигъ, въ бурной жизни Николая Ивановича, и проклятый кредиторъ точно выросъ изъ земли въ назначенный день и часъ. Денегъ, конечно, не было и занять не у кого; послѣдняя продѣлка пріятеля, какъ ни хранили ее въ тайнѣ, все-таки выплыла наружу и попортила кредитъ. Пришлось прибѣгнуть къ крайнему средству,—увы, уже не разъ испытанному: просто на просто взять деньги изъ кассы правленія и уплатить ими вексель. Что же дѣлать? поступить иначе было невозможно; кредиторъ ждать не соглашался и угрожалъ скандаломъ; неужели допустить себя, изъ-за этакихъ пустяковъ, крушиться и потерять плоды трудовъ

всей жизни? Нѣтъ, это было бы слишкомъ глупо, а Николай Ивановичъ былъ умный человѣкъ и притомъ честный: взявъ деньги изъ кассы, онъ былъ твердо убѣжденъ, что дѣлаетъ только *временный финансовый оборотъ*, въ сущности довольно невинный, такъ какъ онъ пополнитъ кассу не сегодня-завтра и все приведетъ въ порядокъ. Къ тому же кассиръ былъ свой человѣкъ и служилъ въ двухъ правленіяхъ, изъ коихъ въ одномъ Ардальоновъ былъ предсѣдателемъ, а въ другомъ просто директоромъ. Поэтому, въ случаяхъ ревизіи кассъ, дѣло устраивалось очень просто: кассиръ бралъ недостающую сумму изъ одной кассы, перекладывалъ въ другую и наоборотъ, конечно, только на время повѣрки наличныхъ суммъ, а предсѣдатель заботился о томъ, чтобы эти повѣрки не назначались въ одинъ и тотъ же день. Засимъ все было шито и крыто, и никто даже не подозрѣвалъ о *финансовыхъ оборотахъ*.

Обороты эти, разъ допущенные, повторялись, конечно, и въ другія критическія минуты и, откровенно говоря, были нѣсколько рискованными, но Николай Ивановичъ жилъ въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что вотъ-вотъ выгоритъ хоть одно изъ тѣхъ многихъ дѣлъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, и, обратившись въ милліонера, онъ не только покроетъ вздорные дефициты въ кассахъ, но оставитъ богатое наслѣдство своимъ дѣтямъ.

Анна не могла забыть своего интереснаго кавалера на балу, въ день именинъ отца, и придумывала, гдѣ бы и какъ съ нимъ свидѣться. Теперь она знала его фа-

милію, благодаря откровенности матери: Рыжовъ, Павелъ Михайловичъ; но больше ничего не знала о немъ, кромѣ того, что онъ служитъ конторщикомъ въ правленіи у отца. Вдругъ она вспомнила, что въ этомъ же правленіи есть у нея тетка, Дарья Яковлевна Бернова, двоюродная сестра Николая Ивановича, опредѣленная имъ на службу въ видѣ помощи ея бѣдственному положенію. Родственница эта рѣдко бывала у Ардальоновыхъ, сами же они никогда къ ней не ѣздили, но Анна рѣшилась навѣстить ее, конечно, не сказавъ ни слова матери.

Мужъ Берновой былъ сосланъ въ Сибирь, за участіе въ одномъ большомъ процессѣ, надѣлавшемъ много шуму въ свое время, и жена его осталась одна въ Петербургѣ, съ двумя дѣтьми на рукахъ. Сначала она страшно отчаявалась, хотѣла бросить все и послѣдовать за мужемъ, но материнскія чувства побѣдили, и она осталась при дѣтяхъ, отдавъ имъ всю свою жизнь. Первое время она сильно бѣдствовала, но, поступивъ на службу въ правленіе, вздохнула свободнѣе. Конечно, жалованье ея было небольшое, но все-таки жить можно; награды же, получаемыя къ праздникамъ, и все то, что давалъ ей лично отъ себя Ардальоновъ, въ качествѣ добраго родственника, она отсылала къ мужу. Дарья Яковлевна была еще не старая женщина, но она такъ извелась отъ горя и нужды, что глядѣла старухой. Манеры и наружность ея были несимпатичныя и рѣзкія; она одѣвалась бѣдно и давно остригла свою когда-то роскошную косу. Посѣдѣвшіе волосы свои она украшала плохимъ шиньономъ, отправляясь на службу, но и то по настояніямъ Ардальонова, чтобы не прослыть за нигилистку; это, впрочемъ, мало помогало, такъ

какъ языкъ Берновой выдавалъ ее. Она была озлоблена на весь міръ, бранила всѣхъ и все наповалъ, и держалась на службѣ только потому, что приходилась родственницей предсѣдателю.

Вотъ къ этой-то родственницѣ и отправилась Аня въ одно изъ воскресеній, надѣясь узнать отъ нея что либо о Рыжовѣ, продолжавшемъ интересовать ее. Она легко отыскала квартиру Берновой въ Коломнѣ, предварительно узнавъ ея адресъ у швейцара правленія, и постучалась въ указанную ей дверь. Отвѣта не было; она вошла и остановилась у порога. Анна никогда прежде не бывала у тетки и хотя знала, что она бѣдна, но не ожидала найти ее въ такой обстановкѣ. Комната была довольно велика; но почти пустая: двѣ желѣзныя кровати, хромой комодъ, простой березовый столъ и нѣсколько плетеныхъ стульевъ составляли всю меблировку; окна были безъ шторъ, а вмѣсто нихъ висѣли ситцевыя старыя тряпки на веревочкахъ для задергиванія ночью. Сама Бернова была въ полиняломъ ситцевомъ капотѣ, сшитомъ въ видѣ балахона, съ обстриженными сѣдыми волосами и безъ малѣйшихъ признаковъ бѣлья на рукахъ и шеѣ. Она сидѣла, закинувъ ногу, за столомъ безъ скатерти, передъ нечищеннным самоваромъ, и дымила папиросою. Около нея сидѣлъ какой-то мужчина, оборванецъ, жадно глотавшій чай изъ стакана и пожиравшій ситный хлѣбъ, нарѣзанный большими кусками.

Онъ испуганно вскочилъ, увидѣвъ нарядную гостью, а Дарья Яковлевна пошла къ ней на встрѣчу.

— Какимъ вѣтромъ занесло? — спросила она удивленно:—по дѣлу что-ли, говори?

Но Аня такъ растерялась, что не могла выговорить

ни слова; ее пугали оборванецъ и сама Бернова, встрѣтившая ее недружелюбно. Замѣтивъ ея смущеніе, хозяйка спросила болѣе ласково о томъ, что у нихъ дѣлается дома, и пригласила сѣсть.

— Вотъ рекомендую, — прибавила она, указывая на своего гостя,—племянникъ мой по мужу, Василій Берновъ.— Ты куда? — воскликнула она, замѣтивъ, что племянникъ хватается за шапку,—сиди, не укусятъ.—Оборванецъ сѣлъ, но на другой конецъ стола, гдѣ стоялъ графинъ съ водкой, и сосредоточилъ на немъ все свое вниманіе.

— Тетя, — сказала Аня, нѣсколько оправившись,—я пришла къ вамъ по дѣлу.

— По какому?

— Вы помните, когда мы послѣдній разъ видѣлись съ вами, вы просили достать вамъ уроки, вотъ я и пришла поговорить съ вами по этому дѣлу.—Аня солгала: никакихъ уроковъ у нея не было въ виду, и она придумала этотъ предлогъ только для того, чтобы отвѣтить теткѣ, озадачившей ее рѣзкимъ вопросомъ: зачѣмъ она пришла?

— А, у тебя уроки,—сказала Дарья Яковлевна, уже совсѣмъ смягчившись,—ну, спасибо; чаю хочешь?

Анна сняла шубку и перчатки и, присѣвъ къ столу, взяла чашку чаю, не для того, чтобы пить, а чтобы выиграть время и придумать, какъ извернуться изъ сказанной ею лжи. Тѣмъ временемъ оборванецъ, не спускавшій глазъ съ водки, не вытерпѣлъ и, ухвативъ графинъ, налилъ себѣ верхомъ большую рюмку. Онъ только что хотѣлъ опрокинуть рюмку въ ротъ, какъ Дарья Яковлевна перехватила ее, расплескавъ частію на полъ, и вмѣстѣ съ графиномъ отставила на комодъ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь,—воскликнула она: — дамъ, когда заслужишь, а самъ не смѣй трогать.

— Вотъ онъ у насъ какой,—обратилась она къ Анѣ:— слабость такую имѣетъ, а кабы не пилъ, былъ бы человѣкомъ.

Василій Берновъ сконфуженно опустилъ голову и принялся жевать хлѣбъ въ сухомятку.

Аня съ удивленіемъ и даже со страхомъ смотрѣла на все окружающее и думала только о томъ, какъ бы улизнуть, но тетка стала разспрашивать ее объ урокахъ.

— Ну, гдѣ жъ твои уроки, у кого разсказывай.

— У однихъ знакомыхъ, — отвѣчала она рѣшительно, придумывая, что бы сказать,—да я несовсѣмъ тамъ сговорилась, хотѣла прежде узнать, какіе уроки вы можете давать и за какую плату?

— Да всякіе, другъ мой, изъ гимназическаго курса, недаромъ же я педагогичкой была, а насчетъ платы, ежели вечеромъ, такъ я на всякую плату согласна.

Аня поклялась, что она достанетъ уроки теткѣ, хотя бы ей пришлось самой брать ихъ.

Тѣмъ временемъ оборванецъ, видя, что насчетъ водочки плохо, улизнулъ въ дверь, улучивъ минуту, и Аня вздохнула свободнѣе, избавившись отъ его безпокойныхъ взглядовъ.

— Непутящій!—проворчала ему вслѣдъ Дарья Яковлевна:—вотъ бьюсь съ нимъ сколько лѣтъ, а жаль бросить,—пропадетъ.

„Боже мой,—думала Анна, оглядывая комнату,—неужели всѣ бѣдные люди такъ живутъ!“

— Тетя,—рѣшилась она спросить съ нѣкоторою ро-

бостью: — у васъ есть въ правленіи конторщикъ по фамиліи Рыжовъ?

— Есть, а тебѣ на что?

— Онъ былъ у насъ на балу, въ именины отца, и я съ нимъ познакомилась.

— Ахъ, да, именинника-то я и не поздравляла, а онъ звалъ меня, ну, да гдѣ мнѣ по именинамъ ходить.

— Такъ вы Рыжова знаете?—переспросила Аня.

— Еще бы не знать,—пріятели.

Сердце у Анны такъ и забилось.

— И онъ бываетъ у васъ?

— Бываетъ часто, съ сестрой своей, хорошіе люди.

— Вы и сестру знаете?

— Старые знакомые.

— А когда они у васъ бываютъ?

— Да тебѣ на что?

— Такъ, я бы хотѣла съ ними познакомиться.—Выразивъ это желаніе, Аня сама удивилась своей смѣлости, но Дарья Яковлевна ласково отвѣтила, что очень рада, причемъ высказала предположеніе, что племянница у себя дома мало видитъ хорошихъ людей.

— Сколькихъ я ни встрѣчала у васъ,—все обезьяны!

Анна засмѣялась и обѣщала пріити въ слѣдующее воскресенье.

— Хорошо, а я Рыжова позову съ сестрой; только ты приходи попозже,—прибраться намъ надо, видишь, какъ мы живемъ, въ какой тѣснотѣ.—Анна вспомнила о дѣтяхъ Берновой и спросила о нихъ.

— А вотъ и они, легки на помнинѣ.

Въ комнату вбѣжали мальчикъ и дѣвочка, и бросились

обнимать мать. Отъ нихъ вѣяло свѣжестью и здоровьемъ, и даже комната будто просвѣтлѣла отъ ихъ присутствія. Они бѣгали на конькахъ, пользуясь воскреснымъ досугомъ; лица ихъ раскраснѣлись отъ мороза и движенія.

Анна расцѣловала дѣтей и, не видя третьей кровати въ комнатѣ, спросила: гдѣ же живетъ Вася?

— А вотъ здѣсь,—отвѣчала мать, отворяя боковую дверь въ темный чуланчикъ, гдѣ стояла третья кроват.

— Не богато живемъ мы, какъ видишь, да что дѣлать, тамъ далеко у насъ есть жилецъ, которому еще хуже.—Дарья Яковлевна говорила о мужѣ и лицо ея омрачилось.

— Послушай Аня,—сказала она,—ты добрая, я знаю: попроси ты за насъ отца, пускай онъ похлопочетъ за моего бѣднаго изгнанника... все сердце мое изныло.—И она горько заплакала.

У Анны сердце было отзывчивое. Она вскочила и обняла Дарью Яковлевну.

— Клянусь вамъ, тетя, я сдѣлаю все, что могу.

— Да и объ урокахъ похлопочи,—прибавила Бернова:—деньги за уроки ему пошлемъ...

Аня ушла, волнуемая самыми разнородными чувствами: ей было крайне жалко бѣдной матери, съ ея дѣтьми, живущими въ такой бѣдности, о которой она прежде не подозрѣвала; съ другой стороны она радовалась при мысли, что увидится съ Рыжовымъ и познакомится съ его сестрой, невольно представляя себѣ этихъ людей въ радужномъ свѣтѣ. Но печальное настроеніе взяло верхъ, въ особенности, когда она вернулась домой и очутилась въ своей богатой квартирѣ.

„Боже мой,—думала она,—какая роскошь у насъ и какъ могутъ люди жить въ такихъ дворцахъ, когда рядомъ, въ томъ же городѣ, живутъ другіе, въ нуждѣ и бѣдности“? Она не пошла завтракать въ столовую, когда нарядный лакей доложилъ ей, что кушать подано. Ей казалось, что она не въ силахъ проглотить ни куска изъ тѣхъ изысканныхъ блюдъ, которыя будутъ подаваться внизу, въ столовой, и просила прислать ей чашку кофе на верхъ, въ свою комнату. Наивная дѣвушка не могла понять, что и кофе, какъ его подавали у нихъ въ домѣ, составлялъ непростительную роскошь по сравненію съ голодовкой большинства людей и что всей жизни и жертвъ одного не хватитъ для насыщенія милліонной доли нуждающагося человѣчества.

Ночью ей приснился оборванецъ, котораго она встрѣтила у тетки; ей казалось, что онъ идетъ за ней, въ темномъ переулкѣ, а она бѣжитъ отъ него, но онъ нагоняетъ ее и хватаетъ за плечи. Ей страшно, она рвется и громко кричитъ, проснувшись.

У изголовья стояла старая няня, вынянчившая всѣхъ ихъ, дѣтей, и крестила ее, читая молитву.

III.

Павелъ Михайловичъ Рыжовъ былъ „перломъ“ изъ числа служащихъ въ правленіи. Онъ занималъ должность конторщика, но всякій понималъ, что онъ человѣкъ образованный и что работа конторщика не по немъ; понимало это и начальство, давая ему работу интеллигент-

ную и считая кандидатомъ на болѣе высокія должности. Конторщикомъ на частную службу онъ вынужденъ былъ поступить потому, что не имѣлъ диплома высшаго образованія. Онъ былъ сыномъ учителя гимназіи въ одномъ губернскомъ городѣ и поступилъ еще при жизни отца въ университетъ, гдѣ дошелъ до четвертаго курса; но, незадолго до выпускныхъ экзаменовъ, попался въ студенческую „исторію“ и былъ исключенъ изъ университета, безъ права поступленія въ другой. Несчастіе это обрушилось на него какъ разъ вскорѣ послѣ смерти отца, оставившаго семью почти безъ средствъ къ существованію, причемъ уцѣлѣвшіе гроши ушли на лѣченіе матери, расхворавшейся отъ пережитаго ею горя. По счастію, у молодого человѣка была сестра, по имени Лариса, старше его годами и житейской опытностью, которая поддержала его нравственно и не дала упасть духомъ.

Пробившись въ губерніи около года, Рыжовы перебрались въ Петербургъ, гдѣ имѣли кой-какія связи и добились: братъ—поступленія на службу въ желѣзнодорожное правленіе, а сестра—мѣста учительницы въ городской школѣ. Вмѣстѣ они получали около полутораста рублей въ мѣсяцъ, и на эти деньги существовали и содержали свою больную мать. Братъ и сестра были связаны узами нѣжнѣйшей дружбы, съ примѣсью со стороны брата, высокаго уваженія къ старшей сестрѣ, а со стороны послѣдней — материнскихъ чувствъ къ дорогому Павлушѣ.

Рыжовъ, поступивъ въ правленіе, сошелся съ Берновой, по сочувствію убѣжденій и вкусовъ; сестра же его Лариса оказалась старой знакомой Дарьи Яковлевны, по

прежней ея жизни до замужества. Скоро эти двѣ семьи стали неразлучны въ Петербургѣ и, живя по близости, видѣлись почти каждый день.

Вотъ въ эту-то компанію, столь непохожую на ту, которую она видѣла у себя дома, попала Аня, когда пришла въ слѣдующее воскресенье въ Коломну.

Она встрѣтила Павла Михайловича, какъ стараго знакомаго, и дружески протянула ему руку; съ Ларисой же онѣ скоро сошлись, точно были знакомы много лѣтъ. Лариса была дѣвушка уже не первой молодости, но еще красивая и настолько симпатичная, что привлекала къ себѣ всякаго, кто видѣлъ ее. Аня сразу почувствовала себя счастливой среди этихъ новыхъ знакомыхъ, и утро, проведенное ею въ бѣдной квартирѣ Дарьи Яковлевны, показалось ей хорошимъ сномъ, отъ котораго она пробудилась только тогда, когда вернулась домой. Въ слѣдующее воскресенье она опять была въ Коломнѣ и еще ближе сошлась съ новыми друзьями.

Аня воспитывалась, вмѣстѣ съ сестрой, въ одномъ изъ самыхъ модныхъ пансіоновъ столицы, но врядъ ли, за все время существованія этого учебнаго заведенія, была въ немъ такая неудачная ученица, какъ она. Въ пансіонѣ учили обстоятельно танцамъ, музыкѣ, хорошимъ манерамъ и языкамъ; на науки же обращали мало вниманія и преподавали ихъ въ такомъ сокращенномъ видѣ, что въ юныхъ головкахъ ученицъ не оставалось отъ нихъ никакого слѣда.

— Вы не повѣрите, какъ насъ учили,—разсказывала Анна своему новому другу Ларисѣ Михайловнѣ Рыжовой,—держали на классикахъ французской литературы, на

Корнеляхъ и Расинахъ, русскихъ же авторовъ не давали и читать; намъ запрещали, безусловно, Гоголя и Островскаго и неохотно дозволяли Пушкина и Тургенева. Еслибы не одинъ старичокъ-учитель, жившій у насъ въ домѣ въ качествѣ бѣднаго родственника и репетировавшій съ нами уроки, я бы осталась совсѣмъ глупой и ничего бы не понимала. Этому старичку я многимъ обязана, онъ открылъ мнѣ глаза на то, чего я прежде не видѣла и не понимала. Но все-таки я ничего не знаю,— повторяла она, обнимая Ларису,—помогите мнѣ учиться.

— Не огорчайтесь,—утѣшала ее Лариса,—въ ваши годы еще всему можно научиться, была бы охота.

Но Аня не довольствовалась такими увѣреніями; въ ней жила жажда знанія и тревога, что она даромъ тратитъ время, въ лучшіе годы своей жизни. По предложенію Ларисы, онѣ принялись усердно за чтеніе вмѣстѣ, но какъ у Дарьи Яковлевны собираться было неудобно, то онѣ перенесли свои занятія въ квартиру Рыжовыхъ, болѣе просторную и удобную. Выборомъ книгъ руководила Лариса, начитанная и образованная дѣвушка, но и братъ давалъ свои совѣты, присутствуя нерѣдко при чтеніяхъ. Все это сблизило молодыхъ людей, и Павелъ Рыжовъ все болѣе и болѣе увекался Анной. Онъ считалъ ее выродкомъ изъ среды, въ которой она родилась, и не скрывалъ отъ сестры своего восхищенія. Но Лариса, легко разгадавшая его тайну, боялась, какъ бы романъ этотъ не увлекъ его слишкомъ далеко и не принесъ впереди много горя. Она видѣла что и Анна раздѣляетъ его чувства, и тѣмъ болѣе страшилась за нихъ обоихъ. Она стала осторожно разспрашивать Бернову о ея родственникахъ, объ

ихъ средствахъ къ жизни, о положенiи въ обществѣ и просила высказать ея личное мнѣніе о нихъ.

— Ардальоновы! — воскликнаға Дарья Яковлевна, — ты хочешь знать мое мнѣніе о нихъ? — Бернова имѣла привычку говорить всѣмъ, кого она любила: ты.

— Да,—отвѣчала Ларнса,—желала бы.

— Помѣшанные!—отрѣзала Дарья Яковлевна.

Лариса посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Да, — продолжала Бернова, — приди ты къ нимъ въ домъ, когда хочешь, тотчасъ же и убѣдишься въ этомъ.

Рыжова просила объяснить ея недоумѣніе.

— Да что тамъ объяснять; ну, приди къ нимъ утромъ, напримѣръ, въ двѣнадцатомъ часу—спятъ! приди ночью, въ третьемъ, въ четвертомъ часу — играютъ въ карты, ужинаютъ, жрутъ такъ, что даже смотрѣть тошно. Грабежъ у нихъ въ домѣ идетъ, просто страсть, только лѣнивый не грабитъ, а хозяйка — дура, ни за чѣмъ не смотритъ. Старуха до пятидесяти лѣтъ дожила, а все еще прихорашивается, мажетъ себѣ щеки передъ зеркаломъ, платьевъ, шляпокъ новыхъ каждый годъ столько заказываетъ, что хоть прудъ пруди; дочка тоже отъ маменьки не отстаетъ, а сынокъ пьянъ каждый день съ утра.

Столь нелестный отзывъ о своихъ родственникахъ заставилъ Рыжову улыбнуться, но Дарья Яковлевна стала божиться, что въ домѣ у Ардальоновыхъ сѣсть некуда: столько въ комнатахъ наставлено всякой дряни, куколъ разныхъ, того и гляди разобьешь; да и сами они куклы!

— Ну, а старикъ,—допрашивала ее Лариса,—почтенный нашъ Николай Ивановичъ, тоже помѣшанный?

— Помѣшанный! — воскликнула Дарья Яковлевна, — по истинѣ помѣшанный! вотъ ты представь себѣ, что онъ продѣлываетъ. Уйму денегъ зарабатываетъ, Бога благодарить надо да приберечь на черный день, а онъ француженку завелъ, намазанную дуру; ну, а она его конечно, высасываетъ, да еще смѣется надъ старымъ хрѣномъ съ другимъ помоложе.

— Неужели это правда?

— Какъ не правда, сама ее видѣла; на Михайловской площади живетъ, свою карету держитъ.

— А вѣдь онъ добрый человѣкъ?

— Добрый-то добрый, да только дуракъ! — Бернова продолжала бы еще ругаться, еслибы собесѣдница ея не завѣла рѣчь объ Аннѣ.

— Ну, эта поумнѣе другихъ, — сказала Дарья Яковлевна,—да только изъ того же гнѣзда птичка, толку не будетъ.

— Отчего вы такъ думаете?—у нея, кажется, много ума и характера.

— Какой тутъ характеръ устоитъ? Посади здороваго человѣка въ домъ умалишенныхъ и держи его тамъ безвыходно, онъ и кончитъ тѣмъ, что самъ сойдетъ съ ума.

— А если ее взять оттуда?—спросила Рыжова.

— Кто возьметъ, не ты ли съ братцемъ? Мелко плаваете, да и руки коротки. Ты думаешь, отецъ отдастъ ее за твоего Павлушу, какъ бы не такъ! Тамъ женишокъ припасенъ получше.

Лариса подумала съ тоской о бѣдномъ братѣ.

— А есть ли у нихъ, по крайней мѣрѣ, состояніе?— спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Какое состояніе? Какія средства устоятъ противъ такого мотовства.

— Это правда. Но Анна, кажется, умнѣе другихъ и вкусы у нея скромные.

— Это только кажется, душа моя, а посади ты ее на нашу діэту,—волкомъ завоетъ, вотъ что!

Лариса находила, что Дарья Яковлевна права и что Анна—брату не пара, но убѣдить его въ этомъ не надѣялась, зная по опыту какъ слова безсильны въ такихъ случаяхъ.

Аня, съ своей стороны, сознавала, что она любитъ Павла Рыжова, но не обманывала себя въ томъ, что ей предстоитъ тяжелая борьба за свое счастье. Мать уже неоднократно допрашивала ее, куда она такъ часто пропадаетъ изъ дому, и Аня, не желая лгать, созналась, что бываетъ у тетушки Берновой.

— Вотъ тетушку нашла, — воскликнула Марья Дмитріевна:—желала бы я знать, зачѣмъ ты туда ходишь? Полоумная старуха и двое дѣтей. Что тебя туда тянетъ?

— Тамъ бываютъ умные люди: Рыжовъ съ сестрой, знакомке Дарьи Яковлевны.

— Рыжовъ, это не тотъ ли конторщикъ, съ которымъ ты 6-го декабря танцовала мазурку?

— Тотъ самый.

— Прекрасно, превосходно! съ конторщиками компанію водитъ. А тетушка Бернова—злостная нигилистка и у нея только и бываютъ одни нигилисты. Славное общество, нечего сказать! Я тебѣ запрещаю туда ходить, слышишь ли, запрещаю!

Марья Дмитріевна страшно разгнѣвалась и объявила

дочери, что запретъ ее на замокъ, если она не будетъ слушаться.

— Извольте сейчасъ идти одѣваться, мы ѣдемъ съ визитами и ты поѣдешь съ нами; по крайней мѣрѣ, порядочныхъ людей увидишь.

— Я съ визитами не поѣду, maman, мнѣ нечего надѣть.

— Это что за новости, нечего надѣть, а платья твои гдѣ?

— Вашихъ платьевъ я не надѣну, а моихъ вы мнѣ надѣть не позволите.

— Такъ!—закричала Марья Дмитріевна:—нигилисткой хочешь одѣваться; ты ужъ лучше косу обрѣжь, да синія очки надѣнь.

— Очковъ я не надѣну, но и вашихъ платьевъ носить не стану; я вамъ говорила, что напрасно вы ихъ шьете.

— Что жъ они не довольно хороши для тебя.

— Слишкомъ хороши, я смѣшна въ нихъ.

— Смѣшна; прекрасно, превосходно; что жъ я дурой совсѣмъ стала, что не знаю, какъ молодую дѣвушку одѣть? Ты сейчасъ надѣнешь лиловое шелковое платье и такую же шляпку, или я тебя запру на ключъ въ комнату.

Марья Дмитріевна съ шумомъ вышла, хлопнувъ дверью, какъ она всегда дѣлала, когда сердилась. Но Анна лиловаго платая не надѣла, а мать не позволила ей надѣть темнаго,—такъ она и осталась дома, не поѣхавъ съ визитами, о чемъ совсѣмъ не горевала. Она ушла въ свою комнату и, сказавшись больной, не сходила къ обѣду.

На другое утро, когда мать и сестра еще спали, она одѣлась и вышла одна изъ дому. Скоро она очутилась у Дарьи Яковлевны, которая была больна и не выходила. Ей она излила все свое горе и горько жаловалась на мать. Она говорила, что ее стѣсняютъ во всемъ, даже въ томъ, что надѣть на себя, и принуждаютъ носить такія платья, въ которыхъ она глядитъ куклой.

— Э, матушка, — утѣшала ее Дарья Яковлевна, — стоитъ печалиться объ этомъ? не все ли равно, что на себя одѣть? Вотъ кабы надѣть было нечего, ну, тогда плохо! Ты еще молода, о пустякахъ тревожишься, а все оттого, что настоящаго горя не знаешь.

— Вся жизнь состоитъ изъ пустяковъ, — возразила Аня, — по крайней мѣрѣ, моя.

— Вотъ то-то и дѣло, а узнала бы настоящее горе, какъ оно захватитъ, засосетъ за сердце, такъ о пустякахъ бы не думала.

— Вы правы,—отвѣтила Аня, которой вдругъ показалось, что она — жалкая, пустая эгоистка, думаетъ только о себѣ самой, а о другихъ людяхъ, о дѣйствительно несчастныхъ, не заботится,

IV.

Въ правленіи, гдѣ предсѣдательствовалъ Ардальоновъ, служилъ сторожемъ отставной унтеръ-офицеръ Еропкинъ, котораго знали всѣ, обычные посѣтители правленія, и очень любилъ самъ Николай Ивановичъ.

Еропкинъ былъ некрасивый старикъ, длинный, худой

и всегда угрюмый. Жена его давно умерла, дѣтей не было, и онъ жилъ одинокимъ, Единственнымъ его другомъ и товарищемъ былъ старый скворецъ, облѣзлый, безъ хвоста, который выдергали ему кошки, и такой же угрюмый, какъ его хозяинъ. Два существа эти соединялись самыми крѣпкими узами дружбы, и Еропкинъ безъ скворца былъ бы также одинокъ, какъ скворецъ безъ Еропкина. Птица эта была ручная; клѣтка ея никогда не запиралась и она летала по комнатѣ, пачкая ее немилосердно.

Еропкинъ имѣлъ одну привычку; онъ нюхалъ табакъ и постоянно носилъ тавлинку съ „березинскимъ" за обшлагомъ кафтана. Зато другихъ человѣческихъ слабостей онъ не имѣлъ,—не курилъ, не пилъ водки и былъ до того скупъ, что не варилъ себѣ обѣда, а ѣлъ какую-то дрянь изъ лавочки. Шутники изъ служащихъ въ правленіи утверждали, что онъ копитъ деньги, но такъ какъ родныхъ у него не было, то все наслѣдство завѣщано скворцу, который, по смерти хозяина, долженъ оказаться богатой птицей.

Еропкинъ очень почиталъ своего предсѣдателя и имѣлъ къ нему особый культъ, какъ идолопоклонникъ къ фетишу. Онъ называлъ его *главнымъ дилехторомъ* и объявлялъ всегда о пріѣздѣ его громогласно по всему правленію.— „*Главный дилехторъ* пріѣхалъ", — провозглашалъ онъ, обходя всѣ комнаты, какъ только условный звонокъ раздавался въ швейцарской, и служащіе тотчасъ же подтягивались, бросали курить, пить даровой правленскій чай, и дѣлали видъ, что занимаются дѣломъ.

Былъ обыкновенный присутственный день; конторщики

уже давно собрались, пришелъ и секретарь, Семенъ Тимофеевичъ, по прозванію *рохля*, но главнаго воротилы, предсѣдателя—еще не было. *Рохля* пришелъ уже давно, вскрылъ пакеты, приготовилъ докладъ, но докладывать было некому. Въ пріемной тосковала какая-то старушка съ длиннымъ ридикюлемъ, въ залѣ появлялись попеременно почетные посѣтители: два директора банка, генералъ изъ киргизовъ, желающій получить даровой билетъ на проѣздъ, адмиралъ, директоръ одного пароходнаго общества, сердившійся, что никого не застанешь въ правленіи; но всѣ они уѣхали, не дождавшись предсѣдателя. Рохля совсѣмъ стосковался и собирался уже уйти, какъ вдругъ раздался звонокъ и Еропкинъ, дремавшій въ передней, вскочилъ и поспѣшилъ объявить, что *главный дилехторъ* пріѣхалъ; но увы, директоръ былъ не одинъ,—съ нимъ вмѣстѣ поднимался еще кто-то на лѣстницу. Секретарь, со своимъ докладомъ подъ мышкой, печально стушевался, предвидя, что ему не скоро придется вернуться сегодня домой, и громкій голосъ Николая Ивановича послышался въ кабинетѣ. Съ нимъ былъ старичокъ небольшого роста, съ лысиной на головѣ; онъ только что вернулся въ Петербургъ изъ дальнихъ странствованій.

— Ба, Сергѣй Трофимовичъ,—ораторствовалъ Ардальоновъ,—какъ тебѣ не стыдно,—сюда пріѣхалъ въ правленіе. Что́ бы на домъ, прямо къ обѣду?

— Тебя и въ правленіи-то не поймаешь, — отвѣчалъ Сергѣй Трофимовичъ Рамезовъ, старый пріятель Николая Ивановича,—а дома, я полагаю, только ночью, въ постели, да и то не захватишь.

Ардальоновъ захохоталъ.

— Все тотъ же, ну садись, разсказывай.

Гость усѣлся въ покойное кресло, въ предсѣдательскомъ кабинетѣ, и, озираясь кругомъ, воскликнулъ:

— Ого, какой у тебя кабинетъ, точно у министра.

— Эй, Еропкинъ,—закричалъ Николай Ивановичъ въ дверь,—никого не принимать.

— Слушаю-съ.

— Ну, разсказывай,—обратился онъ весело къ посѣтителю,—какъ поживаешь, гдѣ былъ, что̀ видѣлъ?

— Шлялся по свѣту.

— Женатъ?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ.

— Ну, молодецъ!

Но пріятель не казался особеннымъ молодцомъ. Онъ былъ съ брюшкомъ, на короткихъ ножкахъ и имѣлъ некрасивое, хотя и добродушное лицо, съ рѣдкой сѣденькой бородкой. Тѣмъ не менѣе, его принимали всюду съ большимъ почетомъ, и секретъ заключался въ томъ, что онъ былъ очень богатъ, что̀ всегда ставится въ особое достоинство человѣку.

— Ну, другъ любезный,—повторилъ Ардальоновъ свой вопросъ:—разсказывай, что̀ дѣлалъ, гдѣ былъ?

— Ничего не дѣлалъ, говорятъ тебѣ; шлялся по свѣту, за границей былъ, въ деревнѣ; бабушку схоронилъ.

— И состояніе ея унаслѣдовалъ?

— Конечно.

— Вотъ счастливецъ! ничего не дѣлаетъ и только наслѣдства загребаетъ, не то что нашъ братъ,—бьется, какъ рыба объ ледъ.

— Не очень-то вы объ ледъ бьетесь,—замѣтилъ Рамезовъ не безъ нѣкоторой ироніи.

— Сказалъ тебѣ: съ утра до вечера въ хомутѣ.

— Гм!—и Сергѣй Трофимовичъ посмотрѣлъ на часы:—пятый часъ теперь, ты только что пріѣхалъ на службу и, вмѣсто того чтобы дѣло дѣлать, со мной калякаешь.

— Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ

— Да, *ваше* дѣло не убѣжитъ.

— Какое *наше;* что̀ ты этимъ хочешь сказать?

— Ваше желѣзно-дорожное, акціонерное. — Рамезовъ былъ большимъ врагомъ акціонерныхъ компаній вообще и желѣзнодорожныхъ въ особенности, и не стѣснялся это высказывать.

— Будь у тебя на рукахъ не общественное дѣло,—сказалъ онъ,—а свое собственное, ты бы корпѣлъ надъ нимъ съ утра до вечера и всю бы душу въ него вложилъ.

— Все равно, ничего бы не вышло,—отвѣчалъ Ардальоновъ:—линія бездоходная и изъ гарантіи не выйдетъ.

— Конечно, не выйдетъ, если такъ разсуждать.

— А какъ же?

— А вотъ какъ: ты сколько за эту квартиру платишь?

— Пять тысячъ.

— Ну, перемѣни ее и возьми въ полторы.

— Не помѣститься.

— Еще бы! вы цѣлую ораву чиновниковъ держите, точно министерство. А ты прогони ихъ всѣхъ, да возьми двухъ-трехъ дѣльцовъ настоящихъ, да на линіи сократи штатъ втрое, вчетверо,—вотъ у тебя дорога изъ гарантіи и выйдетъ.

— Кукуевки будутъ;—замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— А развѣ не бываютъ онѣ при вашихъ штатахъ?— возразилъ Рамезовъ:—нѣтъ, другъ любезный, это одна рутина, чтобъ не сказать хуже; ваше желѣзно-дорожное дѣло заржавѣло, заплесневѣло совсѣмъ, его хорошенько поскоблить надо.

— Не спорю, да только скоблильщиковъ больно много, а дѣльцовъ мало; на словахъ, да на бумагѣ все хорошо, а попробуй-ка ты на дѣлѣ, въ особенности, когда дорога пустырями бѣжитъ.

— А зачѣмъ вы такія дороги строите?—воскликнулъ Рамезовъ:—патроны ваши, пожалуй, куда угодно путь поведутъ, хоть на луну, лишь бы имъ дали гарантію.

— Было да сплыло,—сказалъ Ардальоновъ, садясь въ кресло и закуривая дорогую сигару:—ты отсталъ, Сергѣй Трофимовичъ, сильно отсталъ; сливки, братъ, уже сняты, молочко хлебать приходится, а „патроны“ наши давно зубы на полку положили и въ грошевыя дудки дудятъ.

— И пускай ихъ дудятъ; только я удивляюсь, Николай Ивановичъ, какъ ты, человѣкъ дѣльный, изъ этого омута выбиться не можешь?

— Хорошо тебѣ говорить, какъ ты отъ бабушекъ да отъ дѣдушекъ наслѣдства получаешь, а нашему брату ѣсть надо, кормить семью.

— Ужъ больно вы жирно кормитесь; въ вашу компанію попади,—какъ разъ катарръ желудка наживешь.

— А Карлсбадъ на что?—замѣтилъ, смѣясь, Ардальоновъ.—Да вотъ, другъ любезный, чѣмъ болтать попусту, да наши порядки хаять, ты лучше пріѣзжай къ Донону, къ 6 часамъ; мы тамъ твой пріѣздъ спрыснемъ, а вечеромъ въ театръ поѣдемъ.

— Ладно.

— А завтра ко мнѣ обѣдать, позовемъ кой-кого изъ старыхъ пріятелей.

— И сразу меня обкормишь.

— Цыпленка жаренаго, да чашку бульону, только и дамъ.

— Знаемъ мы твоего цыпленка!

И старые пріятели, обнявшись еще разъ, разстались, сговорившись съѣхаться къ 6 часамъ у Донона.

Сергѣй Трофимовичъ Рамезовъ былъ, какъ уже сказано, старымъ пріятелемъ Ардальонова. Еще родители ихъ были друзьями, и дѣти воспитывались вмѣстѣ въ гимназіи, но Рамезовъ, окончивъ гимназическій курсъ, поступилъ въ университетъ, а Ардальоновъ перешелъ въ привилегированное гражданское заведеніе, откуда и поступилъ на службу. Они всю жизнь любили другъ друга и до старости сохранили дружескія отношенія, хотя было мало людей, которые бы такъ отличались одинъ отъ другого своими характерами, привычками и взглядами на жизнь. Рамезовъ былъ человѣкъ экономный, Ардальоновъ — отъявленный мотъ; первый былъ строгій критикъ биржевой игры и жажды къ наживѣ, второй мечталъ обогатиться и пріобрѣсти милліоны. Сергѣй Трофимовичъ имѣлъ еще одну особенность: онъ очень любилъ спорить и не стѣснялся своей публикой; Николай же Ивановичъ, какъ человѣкъ практическій, не противорѣчилъ, безъ нужды, своему собесѣднику.

На другой день, послѣ обѣда у Донона, Ардальоновъ чествовалъ пріятеля у себя на дому. Цыпленокъ съ буль-

ономъ оказались, конечно, миѳомъ, и поваръ Николая Ивановича признанъ былъ истиннымъ артистомъ. Къ обѣду были приглашены одни мужчины,—большею частью желѣзнодорожники и нѣкоторые изъ старыхъ друзей Рамезова; изъ дамъ же присутствовали только: хозяйка дома и двѣ ея дочери. Марья Дмитріевна блистала увядшей красотой и крупными брилліантами въ ушахъ, Ольга—бѣлизной своей шеи и удивительно красивыми руками, Анна—простотой своего туалета, за который ей крѣпко досталось отъ матери.

За обѣдомъ Аня сидѣла возлѣ Рамезова, который зналъ ее еще дѣвочкой и, по обыкновенію стариковъ, ахалъ о томъ, какъ она выросла и измѣнилась. Разговоръ у нихъ шелъ оживленный, такъ какъ Сергѣй Трофимовичъ былъ умный человѣкъ, а Аня любила всѣхъ умныхъ людей и знала его, сверхъ того, за друга отца, что для нея было большимъ авторитетомъ. Такъ они бесѣдовали мирно за первыми двумя блюдами, но за рыбой общій разговоръ отвлекъ вниманіе гостя отъ своей сосѣдки. Рѣчь зашла о тарифныхъ ставкахъ, которыя въ то время дѣлались жгучимъ вопросомъ въ желѣзнодорожномъ мірѣ и большинство присутствовавшихъ рѣзко порицало попытки правительства взять это дѣло въ свои руки.

— Помилуйте,—громко ораторствовалъ одинъ рыжій толстякъ въ бѣломъ жилетѣ, съ безчисленнымъ множествомъ желѣзнодорожныхъ жетоновъ на животѣ,—это насиліе, чистое разореніе; тарифъ—дѣло коммерческое, частное, не подлежащее правительственному контролю; тарифъ—это жизненный нервъ нашего хозяйства; стѣсни его, и мы спасуемъ, хоть лавочку закрывай.

— Въ сенатъ, въ сенатъ надо жаловаться, — вторили ему другіе.

— Вѣдь есть максимальный тарифъ,—замѣтилъ одинъ изъ обѣдавшихъ, худой, гладко выбритый господинъ, похожій на ворону:—чего же болѣе!

— Да, да,—кричали всѣ.

— Позвольте,—вдругъ объявилъ Рамезовъ:—я съ вами несогласенъ.

— Ну, полно, Сергѣй Трофимовичъ, — перебилъ его хозяинъ, предвидя горячій споръ: — вѣдь ты отсталъ, и нашего дѣла не знаешь.

— Какъ не знаю, отлично знаю!—воскликнулъ Рамезовъ:—вы, господа, точно въ лавочкѣ бакалейнымъ товаромъ торгуете: чѣмъ дороже продалъ покупателю, тѣмъ лучше.

Всѣ захохотали и Сергѣй Трофимовичъ тоже, но очевидно было, что онъ не считалъ себя побѣжденнымъ и намѣренъ продолжать споръ.

— Вы говорите, я вашего дѣла не знаю и не понимаю,—сказалъ онъ, отпивъ рейнвейну изъ рюмки, которую наполнилъ ему буфетчикъ:—а понимать тутъ нечего; дѣло простое: вы хотите изъ государственнаго, общественнаго дѣла сдѣлать свое частное, ну и не выгораетъ, конечно.

— Объясните, пожалуйста,—раздалось нѣсколько голосовъ:—мы не понимаемъ.

— Извольте: желѣзнодорожный путь есть такой же, какъ и всякій другой, — водяной напримѣръ, шоссейный, ну, просто грунтовой,—словомъ, общественный путь есть общественное достояніе, а не частная собственность, и загородить его нельзя,—снимутъ рогатки.

— Что вы этимъ хотите сказать?—раздались голоса, уже болѣе запальчивые.

— А то, что нельзя спекулировать на эксплуатацію этого пути и наживать на ней бѣшенныя деньги. Рельсовый путь долженъ покрывать расходы на его содержаніе, а не давать дивидендовъ; если онъ приноситъ барыши, значитъ тарифъ слишкомъ высокъ, его надо понизить, и еще понижать, если окажутся опять барыши.

— Позвольте,—закричали всѣ въ одинъ голосъ:—мы капиталы свои затратили на этотъ путь и имѣемъ право получать на нихъ проценты.

— Знаемъ мы, какіе капиталы вы затратили,—гарантированные правительствомъ!

— Ну, такъ что. жъ?

— Это нонсенсъ, аномалія,—доказывалъ Рамезовъ, попавъ на своего конька; но Николай Ивановичъ остановилъ его, замѣтивъ, что споръ несовсѣмъ пріятенъ для нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ.

— Перестань, братецъ, чего ты горячишься?

— Во всякомъ случаѣ, — заключилъ Рамезовъ, — постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ должны быть дѣломъ государственнымъ, а не частнымъ ,и къ этому убѣжденію, несомнѣнно правильному, пришло, какъ кажется, и само правительство.

Споръ продолжался, но Рамезовъ уже не участвовалъ въ немъ.

— Какъ хорошо вы говорили,—шепнула ему сосѣдка, о которой онъ забылъ.

— Голубушка моя! — отвѣтилъ Сергѣй Трофимовичъ и, по праву стараго друга дома, поцѣловалъ у нея руку.

— Э, братъ!—воскликнулъ Ардальоновъ, засмѣявшись и обрадованный, что можетъ дать разговору другой оборотъ:—ты, кажется, за моей дочкой ухаживаешь,—что жъ, я очень радъ.

Аня, вспыхнула, а Сергѣй Трофимовичъ сконфузился, но тотчасъ же нашелся:

— Куда мнѣ за такими молоденькими ухаживать, въ дѣды имъ гожусь.

— Толкуй!—продолжалъ шутить Ардальоновъ,—нынче и дѣдушки пошаливаютъ.

Обѣдъ окончился весело, причемъ было выпито много шампанскаго и предложено много тостовъ: за процвѣтаніе желѣзнодорожнаго дѣла, за вновь пріѣзжаго, за присутствующихъ и отсутствующихъ, за гостепріимныхъ хозяевъ и ихъ милыхъ дочекъ, причемъ Сергѣй Трофимовичъ громко объявилъ себя ихъ поклонникомъ.

Вечеръ окончился картами, затянувшимися до поздней ночи.

V.

Рамезовъ сдѣлался частымъ гостемъ въ семьѣ Ардальоновыхъ. Было ли это отъ того, что онъ остановился въ гостинницѣ и скучалъ въ одиночествѣ, или по другимъ причинамъ,—мы не знаемъ, но онъ бывалъ у нихъ чуть не каждый день: то завтракалъ, то обѣдалъ, то пилъ чай вечеромъ, а иногда сидѣлъ съ утра до поздней ночи. Такія частыя посѣщенія объяснялись его близкими отношеніями къ отцу семейства и никто не видѣлъ въ нихъ ничего предосудительнаго, но Марья Дмитріевна замѣтила, что, въ свои прежніе пріѣзды въ Петербургъ, Сергѣй

Трофимовичъ не бывалъ у нихъ такъ часто. Приписать это дружбѣ стариковъ, или вниманію къ ней самой, она не могла; старики могли видѣться мало ли гдѣ, а ее, Марью Дмитріевну, Рамезовъ недолюбливалъ, и она отлично это знала. Вглядываясь внимательнѣе во всѣ эти обстоятельства, она сдѣлала вдругъ поразительное открытіе. Рамезовъ ходитъ въ домъ для Анны, которою онъ очень заинтересованъ. Конечно, онъ почти однихъ лѣтъ съ ея отцомъ и съ виду кажется, даже старше Николая Ивановича, но вѣдь мужчины, по общепринятому взгляду, не имѣютъ лѣтъ, въ особенности, когда они очень богаты, или имъ придетъ блажь въ голову — увлечься молоденькою дѣвушкой.

Сдѣлавъ такое открытіе, Марья Дмитріевна, какъ опытный стратегъ, сразу перемѣнила фронтъ; она стала шелковою по отношенію къ старшей дочери, ни въ чемъ ей болѣе не перечила и начала громко восхвалять ея достоинства передъ Сергѣемъ Трофимовичемъ. Аня вдругъ оказалась примѣрною дочерью, послушною, бережливою; вкусы у нея были самые скромные, домовитые и,—конечно,—счастливъ былъ бы тотъ, кому бы она досталась въ жены. Затѣмъ Марья Дмитріевна перевела рѣчь на то, какимъ идеаламъ соотвѣтствовалъ бы, по ея понятіямъ, мужъ для Ани, причемъ оказалось, что мужъ долженъ быть человѣкомъ солиднымъ, умнымъ, не мотомъ какимъ нибудь, и если вопросъ заключается только въ годахъ, то, конечно, она не задумалась бы отдать дочь за человѣка пожилого, но хорошаго.

Намекъ былъ слишкомъ ясенъ, сдѣланъ въ упоръ, и Рамезовъ хорошо его понялъ, но былъ далекъ отъ мысли

послѣдовать коварнымъ замысламъ Марьи Дмитріевны и строго осудилъ ее. „Конечно,—думалъ онъ при этомъ,—еслибы 20 лѣтъ съ плечъ долой, было бы другое дѣло; можетъ быть, тогда я и женился бы на Анѣ, этой милой дѣвушкѣ, дѣйствительно достойной, — но что̀ и думать о невозможномъ“.

„Двадцать лѣтъ съ плечъ долой! шутка ли сказать? нѣтъ, не снять этого тяжелаго бремени, не вернуть назадъ золотой молодости. Эхъ, глупъ я былъ, что не женился во-время; теперь были бы дѣти, жена; было бы кому наслѣдство оставить, а то эти прохвосты-племянники все спустятъ до единой копѣйки. Жениться развѣ мнѣ на какой нибудь вдовѣ или старой дѣвицѣ, да нѣтъ ужъ больно противны эти старыя дѣвы!“

Съ такими мыслями, преслѣдовавшими его неотступно всю дорогу домой, Рамезовъ вернулся въ свою гостиницу и легъ спать.

Но ночью ему приснились странные сны. Ему мерещились не вдовы и старыя дѣвы, а молодая фея съ большими задумчивыми глазами и темною густою косою: она склоняется надъ нимъ своимъ гибкимъ станомъ, кладетъ руку на плечо и шепчетъ ему слова любви.

— Аня, Аня! ты моя! — говоритъ Сергѣй Трофимовичъ, просыпаясь въ своей одинокой постели.

— Фу ты пропасть!—удивляется онъ, поправляя свой ночной колпакъ;—приснится же такая чепуха, а все старая вѣдьма виновата, эта Марья Дмитріевна; болтаетъ всякій вздоръ!

Несмотря однако на такіе сны, Рамезовъ продолжалъ часто бывать у Ардальоновыхъ и Марья Дмитріевна пре-

доставляла ему полную свободу въ бесѣдахъ съ дочерью. Пользуясь привилегіей своихъ лѣтъ и старой дружбой съ отцомъ Анны, Сергѣй Трофимовичъ проводилъ иногда вдвоемъ съ ней цѣлые вечера, когда прочіе члены семьи отсутствовали, и молодая дѣвушка находила съ своей стороны удовольствіе въ этихъ бесѣдахъ, потому что Рамезовъ былъ человѣкъ образованный, много видѣлъ на своемъ вѣку и разсказы его были интересны.

Мало по малу Рамезовъ и Анна такъ сдружились, что, съ полнаго разрѣшенія Марьи Дмитріевны, стали гулять вмѣстѣ пѣшкомъ или кататься по городу. Во время одной изъ такихъ прогулокъ, по предложенію молодой дѣвушки они заѣхали навѣстить Дарью Яковлевну Бернову, съ которой Рамезовъ былъ и прежде знакомъ, по родству ея съ Ардальоновымъ. У нея они встрѣтились съ Рыжовыми, о которыхъ Анна много говорила Сергѣю Трофимовичу и такимъ образомъ, она соединила всѣхъ своихъ друзей.

Она мечтала о томъ, какъ познакомить новыхъ друзей съ родителями. Ей казалось обиднымъ, почему Рыжовъ и сестра его не бываютъ у нихъ, когда они такіе хорошіе люди, и разъ, когда объ этомъ зашла рѣчь дома въ присутствіи Рамезова, Николай Ивановичъ поморщился, но Марья Дмитріевна оказалась опять, противъ всякаго ожиданія, шелковою.

— Что-жъ,—сказала она,—если Сергѣй Трофимовичъ находитъ этихъ людей приличными и общество ихъ можетъ доставить ему удовольствіе, я не прочь пригласить ихъ.

Рамезовъ просилъ объ этомъ убѣдительно и Рыжовымъ было послано приглашеніе къ обѣду. Дарья Яковлевна

была тоже приглашена, но отказалась, и хозяйка позаботилась только о томъ, чтобы обѣдъ состоялся en famille.

Акціи конторщика Рыжова пошли сильно въ гору. Онъ оказался вхожимъ въ домъ предсѣдателя, и служащіе въ правленіи стали толковать, что его прочатъ на мѣсто *секретаря-рохли*, совсѣмъ уже выдохшагося. Бѣдный „рохля“ былъ ни живъ, ни мертвъ, и съ часу на часъ ожидалъ своей отставки. Но Павелъ Рыжовъ не вѣрилъ этимъ слухамъ, называлъ ихъ сплетнями и считалъ себя счастливымъ уже тѣмъ, что могъ безпрепятственно видѣться съ Анной, которую любилъ съ каждымъ днемъ все болѣе.

Анна тоже была въ радужномъ настроеніи. Она повеселѣла и расцвѣла; все улыбалось ей и сердце ея было полно любви не къ одному избраннику своему, а ко всѣмъ новымъ друзьямъ: къ Ларисѣ Рыжовой, къ Дарьѣ Яковлевнѣ и къ старику Сергѣю Трофимовичу. Она помирилась и съ матерью; ей казалось, что всѣ любятъ ее и она всѣхъ любитъ, даже того несчастнаго оборванца, котораго встрѣтила у Берновой и который продолжалъ бывать у нея, выпрашивая по рюмкѣ водочки.

Дарья Яковлевна бывала рѣдко у своихъ богатыхъ родственниковъ, находя, что ей тамъ дѣлать нечего, но Анна навѣщала ее и жалѣла отъ всего сердца. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, Бернова опять заговорила съ ней о своемъ бѣдномъ изгнанникѣ и просила похлопотать за него.

— Я уже говорила отцу,—отвѣчала Анна.

— Нѣтъ, ты не отца теперь проси, а Рамезова.

— Что же онъ можетъ сдѣлать?

— Все; онъ вліятельный человѣкъ, съ большими связями, и если обѣщаетъ, то исполнитъ.

— Отчего же вы сами не хотите попросить его: онъ для васъ скорѣе сдѣлаетъ, чѣмъ для меня.

— Я скажу ему, конечно, но и ты проси его; онъ сдѣлаетъ все для тебя.

Анна посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Да, все. Неужели ты не видишь, что онъ влюбленъ въ тебя?

Анну точно варомъ обдало отъ этихъ словъ, и все радужное настроеніе ея кануло въ воду.

— Это не правда,—воскликнула она въ негодованіи:— онъ старикъ, однихъ лѣтъ съ моимъ отцомъ, и не можетъ любить меня такъ, какъ вы говорите.

— Эхъ ты, слѣпая! развѣ я одна замѣтила? Не хотѣла я тебѣ говорить, да лгать не умѣю; знаешь ли ты, что твоя мать пріѣзжала ко мнѣ по этому дѣлу.

— По какому дѣлу?

— Она желаетъ выдать тебя замужъ за Рамезова; находитъ, что это отличная партія, и просила меня при случаѣ и осторожно переговорить съ тобой. Вотъ видишь, я и говорю, — прибавила, улыбнувшись, Дарья Яковлевна.

Анна вскрикнула отъ боли въ сердцѣ и закрыла лицо руками.

— Боже мой, какой позоръ!

— Что-жъ дѣлать, душа моя, лучше знать правду,— по крайней мѣрѣ, ты подумаешь о томъ, что̀ отвѣтить, когда тебя спросятъ.

— Что̀ отвѣтить? Да развѣ вы не знаете, что̀ я от-

вѣчу? Вѣдь онъ старикъ; я не люблю его; ахъ, зачѣмъ вы мнѣ сказали? я была такъ счастлива!

— Бѣдная Аня,—возразила Дарья Яковлевна,—ты не привыкла къ горю, а безъ него не проживешь на свѣтѣ.

— Какое горе? зачѣмъ вы меня пугаете?

— Я не пугаю, а хочу только, чтобы ты здраво посмотрѣла на жизнь; сядь сюда поближе и выслушай меня

Анна съ ужасомъ глядѣла на нее, точно ждала, что ей сейчасъ объявятъ смертный приговоръ.

— Я знаю, кого ты любишь, — начала Дарья Яковлевна,—и не осуждаю тебя: ты вольна была отдать тому или другому свое сердце, но, прежде чѣмъ пойти далѣе и рѣшить безповоротно свою судьбу, ты должна знать всю правду и я тебѣ скажу ее: отецъ твой разоренъ въ конецъ; онъ на краю гибели и ты одна можешь спасти его.

— Я?

— Да, ты.

— Говорите скорѣй какъ?

— Что говорить, ты сама должна понять. Кто можетъ, да и кто захочетъ спасти твоего отца? Одинъ только будущій богатый зять, если ты рѣшишься выйти замужъ. Что-жъ ты молчишь? Рамезовъ и есть такой зять.

— Онъ и такъ спасетъ отца, я буду просить его, умолять на колѣняхъ.

— Дай Богъ, но я не все сказала. Слушай: не мое дѣло, конечно, осуждать твоего отца, но... — И Дарья Яковлевна остановилась.

— Что же, *но?..* говорите, — воскликнула Анна, — за что осуждать отца?

— Онъ сдѣлалъ то, что̀ трудно оправдать: онъ взялъ деньги изъ кассы...

— Изъ какой кассы?

— Изъ кассы правленія; если это узнаютъ, отецъ твой пойдетъ подъ судъ.

Удары одинъ за другимъ сыпались на голову бѣдной Анны и ихъ наносила жестокосердая Дарья Яковлевна, рѣшившаяся довести дѣло до конца.

— Ты понимаешь, — продолжала она скороговоркой, крѣпко схвативъ Анну за руку,—понимаешь ли, что̀ будетъ, если выплыветъ дѣло о кассѣ: отецъ твой не переживетъ позора, все рухнетъ у васъ въ семьѣ... надо рѣшаться скорѣй.

— А развѣ могутъ узнать? — спросила испуганно Анна.

— Конечно, дѣло виситъ на волоскѣ; кассу могутъ опечатать внезапно, и ее надо пополнить во что бы ни стало; я говорю не для того, чтобы пугать тебя, а для того, чтобы ты могла дѣйствовать сознательно и не упрекать меня въ томъ, что я во-время тебя не предупредила.

— Тетя, откуда вы сами знаете обо всемъ этомъ? — спросила Анна, блѣдная, какъ полотно.

— Откуда я знаю, все равно, но это сущая правда, иначе я бы не говорила.

— Боже милосердый,—взмолилась Анна:—что̀ мнѣ дѣлать?

— Рѣшай сама.

— Неужели я должна принести такую страшную жертву?

— Во всякой жертвѣ есть доля счастья,—вздохнула Дарья Яковлевна, — и ты, какъ женщина, узнаешь это скоро.

Анна точно проснулась отъ глубокаго сна, завѣса спала съ ея глазъ, и она стала внимательно оглядываться вокругъ себя, припоминая все прошлое. Первое, что̀ обратило на себя ея вниманіе, была чрезмѣрная роскошь ихъ жизни, которую она помнила давно, съ самаго дѣтства. Дорогія игрушки, батистъ и кружева, въ которые одѣвали дѣтей; свои лошади, гувернеры и гувернантки,— все это живо воскресло въ ея памяти. Они давно такъ жили и продолжаютъ жить: богатая квартира, наряды и выѣзды, балы и театры; не даромъ же все это ей претило, не даромъ ей казалась тяжелой эта жизнь угара и вѣчнаго праздника. Если правда, что отецъ разоренъ, что онъ на краю гибели, то кому нужна такая жизнь и къ чему она? До сихъ поръ всѣ думали—и она тоже,—что отецъ богатъ и оставитъ дѣтямъ большое наслѣдство, но если у него нѣтъ ничего, то съ его смертью рухнетъ вся эта мишура, провалятся декораціи и останется одна нужда и горе. Ей самой все равно, она мечтала о трудовой жизни; но мать, сестра и братъ,—каково имъ будетъ? А бѣдный отецъ... его жаль ей болѣе всѣхъ; она такъ любитъ его и такъ въ него вѣрила, неужели она ошиблась? Жить нельзя при такихъ вопросахъ, ихъ надо разъяснить во что бы то ни стало!

Анна по цѣлымъ днямъ мучилась своими сомнѣніями, а по ночамъ они не давали ей покоя; она просыпалась въ холодномъ поту, вставала съ постели и не ложилась

до утра. Что дѣлать, на что рѣшиться? она не знала,— но картины, одна другой мрачнѣе, пугали ее. Все продано у нихъ въ домѣ до послѣдней нитки; отецъ подъ судомъ, они живутъ въ двухъ комнатахъ, въ сырой, холодной квартирѣ. Она забылась въ креслахъ, среди ночной тишины, и видитъ передъ собою, во снѣ, отца на колѣняхъ; онъ всегда такой изящный и нарядный, одѣтъ въ старое оборванное платье; онъ худъ и блѣденъ, обросъ сѣдою бородою; онъ цѣлуетъ ей руки и молитъ о помощи.

— Помоги мнѣ, Аня, ты одна можешь спасти меня!

Она опять просыпается и повторяетъ невольно свой прежній вопросъ:

— Къ чему, къ чему была такая жизнь, кому нужна она?

— Что ты, Аня, такъ блѣдна?—допрашивалъ ее Николай Ивановичъ утромъ, когда она наливала ему чай въ столовой,—не больна ли ты, я пошлю за докторомъ.

— О нѣтъ, папа, просто голова болитъ, не спалось ночью.

— То-то же, смотри у меня, не хворай!—Ардальоновъ поцѣловалъ ее и, торопясь куда-то, уѣхалъ изъ дому безпечный и веселый.

„Не можетъ быть,—подумала Анна, оставшись одна, съ недопитой чашкой чаю,—не можетъ быть, чтобы онъ былъ такъ спокоенъ, предвидя бѣду; нѣтъ, Дарья Яковлевна ошиблась, или кто нибудь напугалъ ее.

Но Дарья Яковлевна не ошиблась.

Въ то же утро, когда Ардальоновъ, пріѣхавъ въ правленіе нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, сталъ разбирать свои бумаги, въ кабинетъ вошелъ кассиръ правленія и

затворивъ за собою дверь, таинственно объявилъ, что долженъ переговорить съ г. предсѣдателемъ. У кассира была зловѣщая рожа и, взглянувъ на него, предсѣдатель поблѣднѣлъ; но тотчасъ же овладѣвъ собою, подалъ ему руку и спросилъ:

— Что скажете, Иванъ Кузьмичъ?

— Я къ вамъ-съ.

— Прекрасно, но мнѣ нѣкогда сегодня; я тороплюсь.

— Извините, но мнѣ необходимо съ вами переговорить.

— Ну, говорите, только скорѣй.

— Я сейчасъ былъ въ министерствѣ,—объявилъ кассиръ,—на насъ поданъ доносъ и будетъ ревизія.

— Такъ что жъ?

— Какъ что жъ, а касса? Вы забыли...

— Вы ее пополните, какъ обыкновенно на время ревизіи.

— Этого нельзя сдѣлать, ревизія будетъ правительственная: кассу могутъ опечатать, все перерыть и добраться до сути.

— Суть и будетъ въ томъ, что деньги цѣлы.

— Можетъ быть, но я пополнять ихъ не стану; у меня шея не о двухъ головахъ и своя семья.

— Прекрасно; когда ревизія?

— Говорятъ, очень скоро и надо деньги внести немедленно—самое позднее—завтра.

— Ну, мой любезнѣйшій, вы знаете, что это невозможно, а потому и толковать нечего.

Николай Ивановичъ начиналъ сердиться, но еще сдерживалъ себя.

— Въ такомъ случаѣ, я буду дѣйствовать,—сказалъ довольно дерзко кассиръ.

— То есть какъ?—спросилъ Ардальоновъ.

— Представлю росписки вашего превосходительства правленію и донесу о дефицитѣ.

— И пойдете подъ судъ.

— Вмѣстѣ съ вами.

— О, нѣтъ, вы ошибаетесь; въ тотъ день когда вашу кассу опечатаютъ, я пущу себѣ пулю въ лобъ.—Ардальоновъ вынулъ изъ кармана револьверъ и положилъ на столъ.

— Вотъ видите, онъ заряженъ на всѣ стволы, и вы, почтеннѣйшій, пойдете *solo* подъ судъ, безъ моей честной компаніи.—Николай Ивановичъ вполнѣ овладѣлъ собою и казался совершенно спокойнымъ.—Впрочемъ,—прибавилъ онъ, пододвигая револьверъ къ Ивану Кузьмичу, отъ чего тотъ попятился,—вы, можетъ быть, хотите попробовать, хорошъ ли мой револьверъ, и пустить себѣ раньше пулю въ лобъ? Сдѣлайте одолженіе, вотъ револьверъ, стрѣляйтесь!

Кассиръ видимо опѣшилъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые стрѣляются, и Ардальоновъ зналъ это хорошо. Онъ посмотрѣлъ на него насмѣшливо и спряталъ револьверъ въ карманъ.

— Чѣмъ заниматься пустыми разговорами,—сказалъ онъ,—вы бы лучше дѣло дѣлали.

— Какое дѣло?

— Да узнали бы, когда будетъ ревизія и будетъ ли еще?

— Мнѣ обѣщали сообщить.

— Ну, такъ пока нечего пороть горячку; вѣдь доносъ безъименный, говорите вы?

— Точно такъ-съ.

— Ну, такъ будьте покойны и не стрѣляйтесъ; вамъ за меня отвѣчать не придется, а кассу я пополню и васъ выгорожу. Вы знаете это хорошо, мой любезнѣйшій.

Онъ говорилъ съ такимъ апломбомъ, что кассиръ подумалъ, не лежатъ ли у него въ самомъ дѣлѣ деньги въ банкѣ.

— Вы меня извините, Николай Ивановичъ,—сказалъ онъ, сразу понизивъ тонъ,—но я считалъ своею обязанностью васъ предупредить...

Но Ардальоновъ уже не слушалъ его; онъ позвонилъ и приказалъ позвать секретаря съ докладомъ.

Въ дверяхъ Иванъ Кузьмичъ остановился.

— У меня до васъ большая просьба,—сказалъ онъ, нѣсколько замявшись.

— Что прикажете?

— Нужда... надо одинъ долгъ отдать.

— Сколько?—рѣзко спросилъ предсѣдатель.

— 500 рублей.

— Получайте,—и онъ выбросилъ на столъ пять радужныхъ.

— Разбойникъ,—громко произнесъ онъ, когда дверь за кассиромъ затворилась.

Николай Ивановичъ былъ истинный философъ-эпикуреецъ; онъ хотѣлъ испить до дна чашу наслажденій, пока въ ней оставалась хоть капля меду. О завтрашнемъ днѣ онъ не думалъ, да и зачѣмъ? Кто можетъ знать, что будетъ завтра: разсѣются ли грозныя тучи, или набѣгутъ новыя, еще темнѣе,—все въ руцѣхъ Божіихъ и никто о

томъ вѣдать не можетъ. Слѣдуя такому мудрому правилу, онъ никогда не унывалъ, а напротивъ, когда приходилось туго, старался разсѣяться и выгнать изъ головы мрачныя думы. Такъ онъ поступилъ и теперь. Отбывъ наскоро свои дѣловыя обязанности и пославъ на развѣдки надежнаго человѣка, онъ направилъ свои стопы къ другу своему, m-me Leonie, куда приказалъ Еропкину привести лихую тройку, заѣхавъ по дорогѣ за однимъ пріятелемъ, къ которому далъ записку.

Не прошло и часу, какъ Николай Ивановичъ со своимъ пріятелемъ и Leonie, захвативъ съ собой и другую актрису изъ французской труппы, катили на тройкѣ, звеня бубенчиками. День былъ чудесный, морозный и, подышавъ свѣжимъ воздухомъ на островахъ, гдѣ деревья были покрыты инеемъ и снѣгомъ, они, запасшись хорошимъ апетитомъ, закончили свою прогулку „Самаркандомъ“, гдѣ были приняты съ почетомъ, какъ знакомые и желанные гости. Въ ресторанѣ они заняли отдѣльную большую комнату и заказали такой обѣдъ, что на стоимость его цѣлая семья голодающихъ могла бы прокормиться въ продолжѣніе цѣлаго года.

Къ концу обѣда, въ комнату ввалилась безъ доклада новая компанія, уже пообѣдавшая въ городѣ, и тоже съ дамами. Люди оказались свои и не церемонились другъ съ другомъ. Шампанское полилось рѣкою, появился хоръ цыганъ и стало такъ весело, что забыто было все житейское горе. Изъ числа вновь прибывшихъ, одинъ толстякъ, съ огромнымъ пузомъ, котораго мы видѣли уже на обѣдѣ у Ардальонова, выступилъ, пыхтя, на середину и кивнулъ подбѣжавшему къ нему цыгану съ гитарой:

— Эй, Илюшка! валяй крамбамбули!

Цыганъ затренькалъ на гитарѣ, а толстякъ запѣлъ надорваннымъ басомъ, покачиваясь на своихъ ожирѣвшихъ ногахъ:

„Крамбамбули, отцовъ наслѣдство“; дружный хоръ цыганъ покрылъ его старческій голосъ. Толстякъ пропѣлъ съ хоромъ, отбивая тактъ руками, всѣ куплеты извѣстной студенческой пѣсни, и все общество громко аплодировало и кричало: „браво“!

Онъ выбросилъ сотенную цыганамъ и, запыхавшись, грузно опустился на пододвинутое ему кресло.

Послѣ цыганъ, пѣли куплеты и плясали француженки слегка канканируя. Онѣ выпили порядкомъ, но были весьма приличны, и только двѣ изъ нихъ, ухвативъ толстяка за руки, начали кружить его по комнатѣ до тѣхъ поръ, покуда онъ не запросилъ пощады и чуть не умеръ отъ одышки. Француженки, смѣясь, обмахивали его вѣерами, вытащили изо рта неугасимую сигару и стали отпаивать глотками замороженнаго шампанскаго, которое сами потомъ осушали до дна. Компанія долго еще кутила, и только ночью лихія тройки, съ подвыпившими ямщиками, понеслись въ обратный путь и развезли господъ по домамъ, сдавъ ихъ на руки швейцарамъ.

Николай Ивановичъ вернулся домой, какъ всегда, трезвый, но грузно повалился на постель, не раздѣвшись, и такъ захрапѣлъ, что разбудилъ законную свою супругу, спавшую въ сосѣдней комнатѣ. Марья Дмитріевна, проснувшись, сѣла на постели въ кофтѣ и ночномъ чепцѣ, изъ подъ котораго выбивались папильотки, и громко спросила:

— C'est toi, Nicolas?—но, не получивъ отвѣта, поправила свой чепчикъ и бухнулась на подушки.

VI.

Рамезовъ получилъ отъ своего управляющаго письмо, по которому рѣшилъ, что ему нужно ѣхать въ деревню. Онъ приказалъ своему камердинеру Степану укладываться, а самъ поѣхалъ къ Ардальоновымъ проститься. Но онъ не засталъ никого дома и вернулся въ свою гостинницу опечаленный. Какъ быть? уѣхать, не простившись съ такими близкими друзьями—нельзя, а дожидаться ихъ возвращенія къ обѣду—не успѣешь на поѣздъ. Онъ сѣлъ въ кресло и сталъ думать, какъ ему поступить? Вдругъ онъ почувствовалъ, что его сосетъ что-то за сердце, — тоска какая-то. Онъ крайне удивился, тѣмъ болѣе, что все обстояло благополучно, дѣла шли въ отличномъ порядкѣ, денегъ вдоволь, и самая поѣздка въ деревню не представляла ничего непріятнаго; напротивъ, тамъ весна, чудесный воздухъ и по дорогѣ можно остановиться въ Москвѣ, гдѣ у него свой домъ и много родныхъ и близкихъ пріятелей.

„Можетъ быть, я нездоровъ“? — подумалъ нѣсколько мнительный Сергѣй Трофимовичъ. Онъ сталъ ощупывать себя и, высунувъ языкъ, подошелъ къ зеркалу. — Нѣтъ, языкъ хорошъ, ничего не болитъ, сонъ и апетитъ прекрасные.—Что за притча? ужъ нѣтъ ли у него какой-нибудь скрытой болѣзни, такъ угнетающей организмъ? Скучать безъ причины онъ не привыкъ и это было не въ его характерѣ.

Вдругъ ему померещилось что-то и, вглядѣвшись внимательно въ этотъ призракъ, онъ убѣдился, что это лицо

Ани; это она глядитъ на него своими умными глазами и говоритъ:

„Сергѣй Трофимовичъ, когда же мы поѣдемъ опять кататься?“ Его кольнуло въ сердце, и онъ сталъ ходить по комнатѣ своими коротенькими ножками.

— Что за чепуха, неужели я по ней тоскую, по этой дѣвочкѣ, которая годится мнѣ въ дочери? Вздоръ, не можетъ быть!—А сердце такъ и ныло при мысли, что онъ долженъ разстаться съ нею и Богъ знаетъ, когда опять увидится.

Въ послѣдніе дни онъ замѣтилъ, что она была не такъ ласкова и привѣтлива съ нимъ, какъ прежде. Причину этой перемѣны онъ долженъ разъяснить, прежде чѣмъ уѣхать.

— Степанъ,—крикнулъ онъ,—я не ѣду сегодня; разложи вещи.

Степанъ, возившійся въ сосѣдней комнатѣ, плюнулъ и, какъ человѣкъ раздражительный, обидѣлся.

— Ѣхать, не ѣхать, шутъ его знаетъ,—ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, выбрасывая изъ сундука бѣлье и платье:— изъ ума выжилъ старый!

Степанъ еще долго ворчалъ, а Семенъ Трофимовичъ мечталъ объ Аннѣ.

„Неужели,—думалъ онъ,—я такъ привязался къ ней, что разстаться не могу; влюбленъ я, что ли, въ нее“?— Онъ испугался этого слова и сталъ повторять его:— „влюбленъ, влюбленъ въ мои годы, въ дѣвочку,—почти въ ребенка? Хорошъ ты, Сергѣй Трофимовичъ,—читалъ онъ самъ себѣ мораль,—нечего сказать, хорошъ! Плавать всю жизнь по открытому морю, избѣгая рифовъ и подводныхъ камней, и затонуть у берега,—нѣтъ, не бывать этому“.

Рамезовъ просидѣлъ цѣлый день въ своемъ нумерѣ и

не пошелъ никуда, даже къ Ардальоновымъ, проститься съ ними, какъ предполагалъ. Онъ не дотронулся до поданнаго ему обѣда, почти не ѣлъ, не пилъ ничего и худо спалъ ночь. Въ душѣ у него произошелъ полнѣйшій разладъ, точно онъ раскололся на двѣ части, и изъ него вышло два человѣка: одинъ — старый, опытный и осторожный, другой—молодой и пылкій, но безразсудный. Первый говорилъ: „не дѣлай этой глупости, потомъ раскаешься, да поздно"; второй возражалъ: „а развѣ не женятся другіе, еще постарше тебя; рискни, попробуй, авось удасться, и тогда?"—Тогда оба они ликовали, и мечтамъ ихъ не было предѣла.

Сергѣй Трофимовичъ совсѣмъ измучился отъ этого разлада и чуть не захворалъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что на другой день поѣхалъ къ Ардальоновымъ съ заранѣе обдуманной и твердо заученной фразой, съ которой рѣшился обратиться къ Аннѣ, какъ только они останутся вдвоемъ, но въ горлѣ у него пересохло, и онъ не могъ выговорить ни слова, когда увидѣлъ Анну, а потому, хорошо ли была придумана фраза и какой бы послѣдовалъ отвѣтъ на нее,— осталось тайной. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ долго бы еще промучился и не сказалъ своей фразы, еслибы судьба не сжалилась надъ нимъ и не пришла къ нему на помощь.

Сторожъ Еропкинъ только что прибралъ правленіе, затворивъ двери за послѣднимъ конторщикомъ. Онъ потянулъ носомъ изъ тавлинки и отправился къ себѣ въ комнату—бесѣдовать со скворцомъ, какъ вдругъ раздался громкій звонокъ въ передней, заставившій его вздрогнуть, а скворца испуганно отлетѣть въ сторону.

тила: бѣднымъ помогать можно, но всей волости не накормишь.

— Я и не думала кормить всю волость,—отвѣчала сконфуженно Анна,—я хотѣла только помочь болѣе нуждающимся.

— Ты объяви, что выдаешь паекъ нуждающимся, и у тебя всѣ нуждающимися будутъ.

— Помилуй, Сергѣй Трофимовичъ,—вѣдь люди съ голоду умираютъ.

— Не умрутъ, небось, не въ первый разъ неурожай; перебьются до новаго хлѣба, а тамъ опять запьянствуютъ.

— Намъ хорошо такъ говорить, а имъ каково? Я сама собственными глазами видѣла, какъ дѣтямъ ѣсть нечего, молока даже нѣтъ въ домѣ.

— Ну, ты дѣтямъ молочка отпусти, а зачѣмъ же взрослыхъ кормить?

— И взрослые голодаютъ.

— Это такъ тебѣ кажется съ непривычки; ты въ деревнѣ до сихъ поръ не бывала и ихъ жизни не знаешь.

— Воля твоя, я не сяду обѣдать, если буду знать, что возлѣ, въ деревнѣ, цѣлой семьѣ ѣсть нечего.

— Опять черезъ край! ну, многихъ ли ты накормишь своимъ обѣдомъ?

— Мы обязаны помогать крестьянамъ,—сказала рѣшительно Анна.

— Кто это мы?

— Мы, помѣщики, мы виноваты въ томъ, что они нуждаются!

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Очень свѣдущій въ этомъ дѣлѣ человѣкъ.

торамъ правленія, къ служащимъ, которые жили поближе. Пріѣхали два доктора и прискакалъ третій, домашній врачъ Ардальоновыхъ. Они объявили, что съ Николаемъ Ивановичемъ сдѣлался ударъ, что пока еще опасности нѣтъ, но что больной требуетъ безусловнаго покоя и чтобы его оставили лежать въ правленіи.

Марья Дмитріевна, прилетѣвъ изъ дому, бросилась съ воплемъ обнимать мужа, но онъ не узналъ ея, и доктора оттащили ее въ другую комнату. Больнаго раздѣли и уложили въ постель, откуда-то наскоро добытую, и у изголовья его водворилась Анна, пріѣхавшая съ матерью.

Тревожные вечеръ и ночь провели члены семьи Ардальоновыхъ, не ложившіеся спать и продежурившіе до утра въ сосѣдней съ кабинетомъ залѣ правленія. Туда приходили директора бесѣдовать съ Марьей Дмитріевной и утѣшать ее; въ другихъ комнатахъ толпились служащіе, явившіеся узнать о здоровьѣ своего принципала. Они шептались между собою, но общее мнѣніе было то, что Николай Ивановичъ выздоровѣетъ; что это только *первое предостереженіе*, а вотъ когда дано будетъ *второе* и *третье*, — тогда капутъ. Мишель явился изъ клуба, откуда его спугнули изъ-за картъ; пріѣхалъ Сергѣй Трофимовичъ, которому дали знать о случившемся. Онъ прошелъ въ кабинетъ къ больному, крѣпко пожалъ Аннѣ руку и сказалъ, чтобы она не тревожилась, — что отецъ ея останется живъ,—ему нуженъ только покой. Посторонніе посѣтители разъѣхались; одинъ изъ докторовъ остался дежурить на ночь, и дѣловой кабинетъ предсѣдателя обращенъ былъ во временный лазаретъ: въ немъ пахло лѣкарствами, царствовали полумракъ и тишина, и даже стѣнные

часы были остановлены, чтобы не безпокоить больного. Анна осталась при отцѣ, Марья Дмитріевна и Ольга задремали на креслахъ въ залѣ, а Мишель, забравшись въ комнату секретаря, завалился на диванъ, скинулъ съ себя сюртукъ, и въ ту же минуту заснулъ мертвымъ сномъ.

На другой день Николай Ивановичъ пришелъ въ себя и его бережно перевезли домой въ каретѣ. Но дома доктора предписали ему строгій режимъ: лежать въ постели, держать діэту, а главное соблюдать безусловный покой, не заниматься дѣлами, никого не принимать и ни о чемъ не заботиться. Вотъ этого-то послѣдняго условія и не въ силахъ былъ выполнить больной; онъ постоянно волновался, хотѣлъ знать, что дѣлается въ правленіи, и „быть въ курсѣ" своихъ многоразличныхъ дѣлъ. Этого, конечно, ему не дозволяли, и онъ еще болѣе волновался, въ ущербъ своему здоровью.

Ардальоновъ, до сихъ поръ, никогда не хворалъ серьезно и былъ несокрушимъ какъ гранитная глыба. Лежать въ постели и не знать ничего о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, казалось ему невыносимымъ; мрачныя мысли не переставали тревожить его и прерывали его сонъ по ночамъ. Лежа въ постели, онъ, отъ нечего дѣлать, сталъ припоминать всю свою жизнь и горько сѣтовалъ на судьбу. Все прошедшее проходило мимо него въ какомъ-то полуснѣ.

Онъ видѣлъ себя молодымъ человѣкомъ, только что окончившимъ курсъ и радостно вступившимъ въ новую жизнь. Отецъ его, недавно умершій, оставилъ ему небольшой капиталъ, сослужившій плохую службу наслѣднику. Онъ далъ ему возможность начать жизнь не по

средствамъ, попасть въ кругъ „золотой молодежи" и развить въ себѣ привычки роскоши, отъ которыхъ онъ не могъ потомъ отвыкнуть.

Деньги были прожиты очень скоро и пришлось прибѣгнуть къ займу, чтобы продолжать прежній образъ жизни. Это былъ первый его заемъ, и Ардальоновъ хорошо помнилъ отставного солдата изъ евреевъ, жившаго на Выборгской сторонѣ и дававшаго деньги на проценты, помнилъ грязную лѣстницу, хозяйку, съ подвязанною щекою, вѣчно страдающую зубною болью, и первый вексель, который онъ написалъ подъ диктовку перваго своего кредитора. Съ легкой руки еврея, векселя стали плодиться и множиться, и причиняли должнику много заботъ и хлопотъ, но онъ выпутывался изъ нихъ, благодаря своей ловкости и кредиту, продолжая жить на прежнюю ногу. Съ женитьбой дѣла не поправились; приданое жены было быстро прожито, и опять пошли долги. Въ это время Ардальонову повезло по службѣ; онъ пошелъ въ гору, но былъ безукоризненно честенъ и только проживалъ втрое противъ того, что заработывалъ. По выходѣ въ отставку, онъ перешелъ къ частной дѣятельности и на эту новую дѣятельность возложилъ всѣ свои надежды.

Онъ мечталъ, по примѣру другихъ, не только расплатиться съ долгами, но и нажить крупное состояніе, оставивъ его по смерти дѣтямъ. Къ удивленію, милліоны, о которыхъ онъ мечталъ, не давались въ руки, а доходы хотя увеличивались, но и расходы возрастали еще быстрѣе.

Николай Ивановичъ попалъ въ тотъ водоворотъ, гдѣ

деньги считаются ни почемъ, гдѣ ихъ презираютъ, какъ легкую добычу, гдѣ идетъ азартная игра, въ которой не рубли, а сотни тысячъ ставятся на карту. Попавъ въ этотъ омутъ, онъ опьянѣлъ съ непривычки и побѣжалъ вмѣстѣ съ другими за крупной наживой, презирая терпѣливый трудъ. Онъ скакалъ въ карьеръ и бралъ призы, или оставался за флагомъ, смотря по тому, какіе скакуны съ нимъ состязались. Въ этомъ чаду и угарѣ деньги бросались, какъ соръ, прибывали и убывали крупною волною, и всякое дѣло казалось мелкимъ, если оно не сулило впереди милліоновъ.

Такая жизнь, при неудачѣ и отхлынувшей волнѣ, бывала иногда тяжкою, и Ардальоновъ не разъ испытывалъ это на самомъ себѣ. Въ такія минуты онъ радъ былъ ухватиться за что попало, хотя за соломенку, лишь бы не утонуть,—и вотъ однажды такой соломенкой оказалась касса, находившаяся въ полномъ его распоряженіи. Кассиръ былъ „свой человѣкъ“ и тоже игрокъ, но только мелкій. Вмѣстѣ они черпнули изъ кассы, въ часъ скорби, думая пополнить на другой день. Но на другой день имъ не повезло, акціи и фонды на биржѣ упали и касса осталась непополненною. Изъ нея черпнули въ другой разъ, въ трудную минуту, покрыли частью при удачѣ, потомъ опять черпнули — и недочетъ все росъ въ ужасающихъ размѣрахъ. Онъ возросъ до того, что лихой скакунъ на житейскомъ полѣ, Николай Ивановичъ Ардальоновъ, положилъ заряженный револьверъ въ карманъ и твердо рѣшился пустить себѣ пулю въ лобъ, если останется еще разъ за флагомъ...

И вотъ, онъ лежитъ въ постели, больной и безпомощ-

ный; тяжелыя заботы одолѣваютъ его, страшная цифра недочета грезится ему во снѣ и наяву; искаженныя лица—еврея, его перваго кредитора, и Ивана Кузьмича, кассира,—смѣняются одно другимъ; они пляшутъ передъ нимъ адскій танецъ, тащутъ его за руки въ зіяющую бездну, а онъ кричитъ въ испугѣ.

Раннее утро; тихій голосъ Анны слышится у его изголовья.

— Папа, мой дорогой, привстань на минуту, я поправлю тебѣ подушки; ты кричалъ во снѣ; болитъ у тебя что нибудь? на, глотни капель, я пошлю за докторомъ.

— Не надо, лучше пошли за Сергѣемъ Трофимовичемъ, когда всѣ встанутъ; мнѣ нужно повидаться съ нимъ.

— Хорошо.—Она укладываетъ его, укрываетъ одѣяломъ, и онъ снова засыпаетъ.

Въ двѣнадцатомъ часу, пріѣхалъ Сергѣй Трофимовичъ, вызванный Анной, и прошелъ прямо въ комнату больного. Николай Ивановичъ обрадовался его пріѣзду и протянулъ ему руку; онъ казался свѣжѣе, и ночные кошмары покинули его. Анна вышла по просьбѣ отца и старые друзья остались одни.

— Сергѣй!—сказалъ Ардальоновъ:—сдѣлай мнѣ одолженіе, съѣзди въ правленіе, узнай, что тамъ творится?

— Чему тамъ твориться? все по прежнему.

— Нѣтъ, ты не знаешь; тамъ есть дѣла, которыя меня тревожатъ.

— Вотъ ужъ это глупо; нечего тревожиться; впрочемъ, если хочешь, я съѣзжу.

— Сергѣй! — повторилъ Николай Ивановичъ и остановился.

— Ну, что?

— Я хочу тебѣ сдѣлать одно признаніе, которымъ ты, конечно, не злоупотребишь.

— Ну, вотъ еще.

— Послушай, у насъ въ кассѣ крупный дефицитъ.

— Что такое?

— Денегъ не хватаетъ въ кассѣ, вотъ что.—И больной, сидѣвшій на постели, упалъ на подушки.

— Пустяки какіе нибудь, я къ твоимъ услугамъ.

— Нѣтъ, не пустяки, а страшная сумма.

— Сколько? — спросилъ Рамезовъ, начинавшій волноваться.

Больной притянулъ его къ себѣ и шепнулъ ему что-то на ухо. Сергѣй Трофимовичъ такъ и отскочилъ отъ него

— Что, что ты сказалъ? не можетъ быть!

— Къ несчастію, это правда.

— Что жъ ты молчалъ до сихъ поръ? сумашедшій!

— Думалъ покрыть; ты знаешь, если одно изъ моихъ дѣлъ выгоритъ, я богатый человѣкъ.

— А если не выгоритъ?

— То-то и дѣло; покуда я былъ на ногахъ, опасности большой не было; я оберегалъ, охранялъ все; теперь же мало ли что можетъ случиться... Этотъ Иванъ Кузьмичъ, кассиръ—трусъ и, пожалуй проболтается; говорятъ, сверхъ того, о правительственной ревизіи; можетъ быть, она уже назначена.

„Надо пополнить кассу, — рѣшилъ Рамезовъ и въ головѣ у него мелькнула не совсѣмъ красивая мысль: онъ былъ настолько богатъ, что могъ пополнить злополучную кассу, не разоряя себя.

„Что,—думалъ онъ,—если, оказавъ ему такую великую услугу, я посватаюсь за его дочь; вѣдь онъ мнѣ не откажетъ? конечно, не откажетъ, но“...

Въ головѣ у человѣка являются иногда такія мысли, отъ которыхъ онъ самъ съ негодованіемъ открещивается, а между тѣмъ тутъ же дѣйствуетъ на ихъ основаніи. Такъ случилось и съ Сергѣемъ Трофимовичемъ. Еслибы ему сказалъ кто нибудь: „ты хочешь помочь отцу и тѣмъ купить дочь“,—онъ бы съ ужасомъ отвергъ такое предложеніе, но самъ онъ невольно соединилъ неразрывно эти два вопроса.

— Николай Ивановичъ,—сказалъ онъ, сѣвъ къ нему на постель:—взамѣнъ твоей откровенности, я заплачу тебѣ тѣмъ же и, надѣюсь, ты меня не осудишь.

— Говори.

— Я люблю твою дочь Анну. Еслибы я посватался за нее, что сказалъ бы ты на это?—Ардальоновъ поблѣднѣлъ. Мысль пожертвовать своей милой Аней для спасенія себя показалась ему чудовищной и онъ совершенно растерялся, не зная, что отвѣтить пріятелю.

Вѣдь онъ—старикъ, отжившій, а она во цвѣтѣ лѣтъ! Но мысль о кассѣ висѣла надъ его головой, какъ Дамокловъ мечъ, и онъ содрогнулся при мысли, что она можетъ быть опечатана

— Другъ любезный,—сказалъ онъ, чтобы отвѣтить что нибудь Рамезову, растерянно глядѣвшему на него,—

я не вправѣ располагать судьбою взрослой дочери; спроси у нея самой и, если она согласится, то я, конечно, не пойду противъ ея желанія.

„Никогда она не согласится,—утѣшалъ онъ себя,—вѣдь она не знаетъ о моемъ положеніи“.

Но Анна знала, какъ мы видѣли, и много думала о томъ, что отвѣтить ей, если предположенія Дарьи Яковлевны оправдаются. Во время болѣзни отца, она замѣтила, что его гнететъ какая-то тяжелая забота, и изъ бреда его по ночамъ убѣдилась несомнѣнно въ томъ, что тетка Бернова знала болѣе другихъ и сказала правду. Тогда въ душѣ ея возникла страшная борьба: спасти отца, или самой погибнуть? Отдать все, что ей дорого и мило, свою любовь, мечты о счастьѣ, и кому отдать?— Старику, котораго она могла уважать, пока онъ былъ ей чужимъ, но способна возненавидѣть, если онъ станетъ ея мужемъ. Она долго боролась и допрашивала себя: въ силахъ ли она принести такую жертву? Но жалость къ отцу превозмогла все. Мысль покрыть позоромъ его сѣдую голову казалась ей ужаснѣе, чѣмъ отдаться отжившему старику, и она рѣшилась спасти отца во что бы ни стало.

Касса была пополнена, и кассиръ Иванъ Кузьмичъ прыгалъ отъ радости. Онъ считалъ своего принципала волшебникомъ и рѣшилъ, что съ нимъ и впредь можно имѣть дѣла. Съ тѣхъ поръ Николай Ивановичъ сталъ быстро поправляться, вставъ съ постели, и въ домѣ была общая радость. Къ ней присоединились слухи, что старшая дочь Ардальонова объявлена невѣстой Сергѣя Тро-

фимовича Рамезова, и нѣкоторыя дамы, изъ числа знакомыхъ Марьи Дмитріевны, удивлялись ея ловкости. Многія завидовали ей, судили и рядили.

— Чѣмъ моя Жени хуже ея Анны?—спрашивала одна свѣтская маменька, страстно желавшая выдать дочку замужъ:—еслибы еще Ольгу пристроили, куда ни шло, та, по крайней мѣрѣ красавица, а то Анну, дурнушку и глупенькую,—ловкая барыня Марья Дмитріевна, нечего сказать, ловкая!

При этомъ другая дама, вдова еще не старая, но имѣющая взрослую дочь, разсердившись не на шутку, объявила во всеуслышаніе, что не только бы дочь отдала, но сама бы вышла замужъ за достойнаго Сергѣя Трофимовича, еслибы онъ посватался, и, конечно, онъ былъ бы счастливѣе съ нею, чѣмъ съ какою нибудь дѣвчонкой, годящейся ему въ дочери.

Марью Дмитріевну весьма одобрялъ и сынокъ ея Мишель,

— Вы, maman,—говорилъ онъ, цѣлуя у нея руку:—просто молодецъ: Аню какъ славно пристроили; beau-frère у меня будетъ чудесный, можно и покредитоваться у него.

— Ради бога, Мишель, не дѣлай этого,—воскликнула маменька, обнимая своего любимца:—по крайней мѣрѣ, теперь не дѣлай, подожди.

Секретъ состоялъ въ томъ, что она собиралась сама покредитоваться у будущаго зятя на приданое для дочери, но не знала какъ приступить къ этому деликатному дѣлу. Она не подозрѣвала той драмы, которая разыгралась въ ея собственной семьѣ, и не знала вовсе, какою

цѣною были куплены тѣ радужныя надежды, которымъ она предавалась

Николай Ивановичъ, пережившій первыя минуты радости, послѣ того какъ касса была пополнена, сталъ горевать о своей Анѣ и о предстоящей ей жизни со старымъ мужемъ, но утѣшался тѣмъ, что не онъ натолкнулъ ее на этотъ бракъ, а, напротивъ, она сама добровольно дала слово Рамезову, не зная и не подозрѣвая, какую важную услугу онъ оказалъ ея отцу. Онъ, впрочемъ, горевалъ недолго: быстро поправившись и вернувшись къ своимъ обычнымъ занятіямъ, онъ опять окунулся въ ихъ водоворотъ и, освободившись отъ тяжелаго долга въ кассу, „*поплылъ на всѣхъ парусахъ*", какъ выразился о немъ кассиръ Иванъ Кузьмичъ Безпаловъ, самъ отдыхавшій на лаврахъ отъ пережитыхъ имъ треволненій.

Ардальоновъ скоро совсѣмъ оправился отъ своего удара и хотя былъ еще худъ и блѣденъ, и слегка прихрамывалъ на лѣвую ногу, но это придавало ему только интересный видъ, и m-me Léonie, встрѣтивъ его съ отверстыми объятіями, тотчасъ же стала мечтать о томъ, какъ они *вмѣстѣ* поѣдутъ на воды лѣчиться, т. е. онъ поѣдетъ въ Маріенбадъ, а она—въ Спа, на желѣзныя воды.

Съ такимъ же восторгомъ былъ встрѣченъ Николай Ивановичъ и своими служивцами и подчиненными, когда въ первый разъ послѣ болѣзни пріѣхалъ въ правленіе, причемъ въ общей радости участвовалъ и сторожъ Еропкинъ, получившій отъ *главнаго дилехтора* 25 рублей на водку.

Нечего говорить о томъ, въ какомъ восхищеніи былъ самъ женихъ, Сергѣй Трофимовичъ, обратившійся всецѣло

въ свое *второе я*, т. е. въ пылкаго молодаго человѣка, и дѣлавшій дорогіе подарки своей невѣстѣ, ея матери и сестрѣ,—такіе подарки, отъ которыхъ всѣ, видѣвшіе ихъ, только ахали. Онъ забылъ свою обычную бережливость и сочинялъ широкіе планы на будущее, — на поѣздку съ молодою женою въ Италію, въ Парижъ, въ Лондонъ и пр.

Не смотря однако на такіе расходы и планы на будущее, онъ въ настоящемъ взялъ документъ съ тестя на всю кредитованную ему значительную сумму; но, конечно, такъ только, для порядка, ибо не разсчитывалъ вовсе получить когда либо обратно свои деньги.

Что касается Ани, то ко всѣмъ планамъ своего будущаго мужа она оставалась вполнѣ равнодушною. Напротивъ, она съ тоской думала о предстоявшемъ ей, тотчасъ послѣ свадьбы, далекомъ путешествіи, какъ о разлукѣ съ отцомъ, съ друзьями, со всѣмъ, что ей было мило и дорого.

VII.

Павелъ Михайловичъ Рыжовъ пережилъ тяжелые дни. Онъ любилъ въ первый разъ въ жизни, со всѣмъ пыломъ молодого непочатаго сердца, и мечталъ о взаимности и счастіи. Но ему пришлось горько разочароваться. Разъ онъ сидѣлъ въ канцеляріи правленія, усердно работая надъ срочнымъ докладомъ, какъ вдругъ въ комнату вбѣжалъ одинъ изъ конторщиковъ бухгалтеріи и громко объявилъ:

— Знаете, господа, какая новость?

— Какая, какая? — закричали всѣ присутствовавшіе,

жадные до всякихъ новостей, побросавъ работу и окруживъ бухгалтера.

— Старшая дочь нашего предсѣдателя, Анна Николаевна, выходитъ замужъ.

— За кого, за кого?—послышались голоса со всѣхъ сторонъ.

— За Рамезова, Сергѣя Трофимовича.

— Не можетъ быть! вѣдь онъ въ отцы ей годится.

— Такъ что жъ? зато богатъ, охъ, какъ богатъ!

— И храбръ,—подшутилъ кто-то.

— Почему храбръ?

— Какъ же не храбръ; помилуйте, ему подъ шестьдесятъ, а ей и двадцати не будетъ.

— Велика важность; вотъ вы бы, Марья Антоновна,—обратился онъ къ одной изъ молоденькихъ конторщицъ:—вышли бы замужъ за старика?

— Еще бы,—воскликнула Марья Антоновна:—еслибы онъ былъ богатъ.

— А потомъ что?

— Потомъ, ничего, разъѣзжала бы въ каретахъ, носила бы шелковыя платья, въ театръ бы ѣздила.

— А еслибы мужъ ревнивый попался и не пускалъ васъ никуда?

— Ну, вотъ еще! ревнивыми и молодые бываютъ, а со старымъ легче справиться. Посватайте.

— А мнѣ за сватовство что?

— Тамъ посмотримъ,—лукаво улыбнулась хорошенькая конторщица.

— Однако,—замѣтилъ кто-то,—барышни Ардальоновы не бѣдныя, слава Богу, и могли бы жениховъ помоложе

найти. Анну Николаевну право жаль: она такая милая, привѣтливая; я съ ней познакомился на балу въ день именинъ ея отца; вы, Рыжовъ, кажется, тоже были тамъ въ этотъ день?

— Былъ,—отвѣчалъ Павелъ Михайловичъ:—дѣлая видъ, что ничего не слышалъ, и перелистывая какое-то толстое дѣло. Но руки у него дрожали, слезы навертывались на глаза; онъ всталъ и вышелъ, чтобы скрыть свое волненіе.

„Неужели это правда?—думалъ онъ, задыхаясь:—неужели она продаетъ себя за деньги? Какая гадость“!

Въ комнатѣ куда онъ вошелъ, не было ни кого. Онъ схватился за голову и застоналъ.

— Такъ это ложь—все, что она ему говорила? Но гдѣ истина послѣ того и въ кого же вѣрить?

Бѣдный молодой человѣкъ былъ совсѣмъ сбитъ съ толку и не могъ понять, зачѣмъ ей было лгать ему? Неужели всѣ женщины комедіантки? а онъ считалъ ее исключеніемъ и думалъ, что она... Но что онъ думалъ, въ этомъ Рыжовъ не хотѣлъ сознаться даже самому себѣ,— до такой степени мечты его разошлись съ дѣйствительностью.

— Замужъ выходитъ за богатаго старика, котораго она любить не можетъ,—чтожъ дальше будетъ? И эта дѣвушка, которую я такъ любилъ, считалъ святою, она всѣхъ обманула!

Въ сосѣдней комнатѣ продолжались толки и пересуды о предстоящей свадьбѣ; многіе трунили надъ женихомъ, грубо острили надъ нимъ, но Рыжовъ не могъ этого вынести; онъ ушелъ изъ правленія, не смотря на спѣшную работу, и, какъ потерянный, сталъ бродить по улицамъ.

Ноги привели его къ квартирѣ Берновой; онъ вошелъ къ ней. Дарья Яковлевна была больна и страшно не въ духѣ. Она встрѣтила гостя крайне недружелюбно и спросила его, зачѣмъ онъ пришелъ къ ней и что ему надо?

— Вы слышали новость?—сказалъ онъ, опускаясь на стулъ.

— Про Анну?

— Неужели это правда?

— А ты думалъ нѣтъ? тебя, что ли, ей дожидаться? мелко плаваешь.

Рыжовъ молчалъ и сидѣлъ, опустивъ голову, убитый горемъ; Дарьѣ Яковлевнѣ стало жаль его. Она ударила его по плечу.

— Ну, чего носъ повѣсилъ? глупо.

Отвѣта не было и Бернова опять начала сердиться.

— Да ты зачѣмъ пришелъ ко мнѣ; что тебѣ надо?

— Узнать, правда ли, а затѣмъ прощайте.

— Куда ты?

— Все равно.

— Нѣтъ, не все равно; пришелъ, такъ сиди и слушай, что я тебѣ скажу. Анна тебѣ не пара и никогда бы не пошла за тебя,—понимаешь ли ты, никогда. Что ты влюбился въ нее, велика важность, мало ли кто влюбляется, да не за всякаго замужъ выходятъ; замужъ выходить и жениться надо съ разумомъ, а не въ лихорадкѣ. Тебѣ жениться рано, у тебя нѣтъ ничего и больная мать на рукахъ, а если ты разсчитывалъ на средства жены, такъ это гадко.

— Жениться я не думалъ,—воскликнулъ Рыжовъ:—

найти. Анну Николаевну право жаль: она такая милая, привѣтливая; я съ ней познакомился на балу въ день именинъ ея отца; вы, Рыжовъ, кажется, тоже были тамъ въ этотъ день?

— Былъ,—отвѣчалъ Павелъ Михайловичъ:—дѣлая видъ, что ничего не слышалъ, и перелистывая какое-то толстое дѣло. Но руки у него дрожали, слезы навертывались на глаза; онъ всталъ и вышелъ, чтобы скрыть свое волненіе.

„Неужели это правда?—думалъ онъ, задыхаясь:—неужели она продаетъ себя за деньги? Какая гадость“!

Въ комнатѣ куда онъ вошелъ, не было ни кого. Онъ схватился за голову и застоналъ.

— Такъ это ложь—все, что она ему говорила? Но гдѣ истина послѣ того и въ кого же вѣрить?

Бѣдный молодой человѣкъ былъ совсѣмъ сбитъ съ толку и не могъ понять, зачѣмъ ей было лгать ему? Неужели всѣ женщины комедіантки? а онъ считалъ ее исключеніемъ и думалъ, что она... Но что онъ думалъ, въ этомъ Рыжовъ не хотѣлъ сознаться даже самому себѣ,—до такой степени мечты его разошлись съ дѣйствительностью.

— Замужъ выходитъ за богатаго старика, котораго она любить не можетъ,—чтожъ дальше будетъ? И эта дѣвушка, которую я такъ любилъ, считалъ святою, она всѣхъ обманула!

Въ сосѣдней комнатѣ продолжались толки и пересуды о предстоящей свадьбѣ; многіе трунили надъ женихомъ, грубо острили надъ нимъ, но Рыжовъ не могъ этого вынести; онъ ушелъ изъ правленія, не смотря на спѣшную работу, и, какъ потерянный, сталъ бродить по улицамъ.

Ноги привели его къ квартирѣ Берновой; онъ вошелъ къ ней. Дарья Яковлевна была больна и страшно не въ духѣ. Она встрѣтила гостя крайне недружелюбно и спросила его, зачѣмъ онъ пришелъ къ ней и что ему надо?

— Вы слышали новость?—сказалъ онъ, опускаясь на стулъ.

— Про Анну?

— Неужели это правда?

— А ты думалъ нѣтъ? тебя, что ли, ей дожидаться? мелко плаваешь.

Рыжовъ молчалъ и сидѣлъ, опустивъ голову, убитый горемъ; Дарьѣ Яковлевнѣ стало жаль его. Она ударила его по плечу.

— Ну, чего носъ повѣсилъ? глупо.

Отвѣта не было и Бернова опять начала сердиться.

— Да ты зачѣмъ пришелъ ко мнѣ; что тебѣ надо?

— Узнать, правда ли, а затѣмъ прощайте.

— Куда ты?

— Все равно.

— Нѣтъ, не все равно; пришелъ, такъ сиди и слушай, что я тебѣ скажу. Анна тебѣ не пара и никогда бы не пошла за тебя,—понимаешь ли ты, никогда. Что ты влюбился въ нее, велика важность, мало ли кто влюбляется, да не за всякаго замужъ выходятъ; замужъ выходить и жениться надо съ разумомъ, а не въ лихорадкѣ. Тебѣ жениться рано, у тебя нѣтъ ничего и больная мать на рукахъ, а если ты разсчитывалъ на средства жены, такъ это гадко.

— Жениться я не думалъ,—воскликнулъ Рыжовъ:—

я зналъ, что она не пойдетъ за меня, но зачѣмъ ей продавать себя отжившему старику?

— Продавать! много ты знаешь; можетъ быть, она не продала себя, а другихъ выкупила; можетъ быть...— Дарья Яковлевна во-время спохватилась, что выдаетъ чужія тайны, и замолчала.

— Что вы говорите?—спросилъ Рыжовъ.

— Ничего.

— Низко лгать!—воскликнулъ онъ дико озираясь:— лгать безъ нужды и безъ цѣли.—Онъ вскочилъ и пошелъ къ двери, но Бернова остановила его.

— Кто лгалъ? что ты болтаешь? кому нужда тебя обманывать?

— Всѣ лгали, весь міръ созданъ изо лжи!—И онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Вотъ сумашедшій! Кому нужда лгать тебѣ?—повторила она:—велика ты птица.

Но гость уже исчезъ.

— Глупый человѣкъ!—закричала она ему въ слѣдъ, отворивъ дверь на лѣстницу; но Рыжовъ не слыхалъ ее.

„Глупый человѣкъ“ зашагалъ опять по улицамъ въ какомъ-то бреду. Злоба накипала у него на душѣ, страшная злоба на всѣхъ людей и на того жениха, который сталъ ему поперекъ дороги.

— Убить его, раздавить эту старую гадину! Но за что?—спросилъ онъ самъ себя, опомнившись:—что онъ мнѣ сдѣлалъ? Да и она не виновата предо мной; какія я имѣю права на нее? Вотъ на себя самого я имѣю права

несомнѣнныя; жизнь моя мнѣ принадлежитъ, никому болѣе, и раздавить себя я могу во всякую минуту.

Въ этотъ день Рыжовы напрасно прождали Павлушу къ обѣду; онъ не пришелъ и къ вечеру. Когда на старыхъ стѣнныхъ часахъ, шипѣвшихъ и кряхтѣвшихъ точно отъ боли, пробило полночь, Лариса серьезно встревожилась. Такъ поздно братъ никогда не приходилъ домой, не предупредивъ ея. Мать давно уже спала и, поручивъ ее наблюденію прислуги, она вышла изъ дому. Гдѣ искать его и что съ нимъ случилось? неужели несчастіе? Она направилась къ Берновой, но въ окнахъ ея квартиры было темно и очевидно его тамъ не было. Она поѣхала въ правленіе и насилу дозвонилась. Заспанный Еропкинъ удостовѣрилъ, что Павелъ Михайловичъ давно ушли, еще до конца присутствія.

— Боже мой, гдѣ же онъ?—Она рѣшилась доѣхать до Ардальоновыхъ и тамъ робко спросила у швейцара: „дома ли господа и нѣтъ ли у нихъ кого чужаго?“ но господъ дома не было и Лариса вернулась домой, въ слабой надеждѣ застать тамъ брата. Всю ночь она прождала его напрасно, не смыкая глазъ, въ страшномъ волненіи, и утромъ опять поѣхала искать его. Она выждала часъ, когда, по ея предположенію, Анна уже встала, и спросила ее. Ее провели въ столовую, гдѣ кипѣлъ самоваръ и былъ приготовленъ чай для Николая Ивановича; но его еще не было и Анна дожидалась отца.

— Что случилось?—воскликнула она, увидѣвъ блѣдное лицо своей ранней гостьи.

— Братъ пропалъ,—сказала упавшимъ голосомъ Лариса:—помогите.

Цѣлая буря поднялась въ груди у дѣвушки; она сразу поняла все: ему сказали объ ея свадьбѣ и онъ исчезъ, чтобы болѣе не возвращаться. Лариса плакала, и наболѣвшее сердце Анны не выдержало; она бросилась къ ней на шею и сама зарыдала. Въ эту минуту вошелъ въ столовую Николай Ивановичъ.

— Что случилось?—спросилъ онъ въ испугѣ.

— Братъ пропалъ,—отвѣчала Лариса:—не ночевалъ дома.

Николай Ивановичъ сразу успокоился.

— Ну, это еще не бѣда,—сказалъ онъ, улыбнувшись:—мало ли гдѣ молодые люди ночуютъ? Впрочемъ, я ѣду въ правленіе, если его тамъ нѣтъ, то приму всѣ мѣры. Сядьте, успокойтесь, выпейте чашку чаю.

Но Лариса не могла сдѣлать глотка; руки у нея тряслись, она знала брата и предчувствовала, что онъ пропалъ не даромъ. Ардальоновъ уѣхалъ, обѣщая увѣдомить. Анна увела Рыжову въ свою комнату. О чемъ онѣ тамъ говорили, осталось тайной, но, кажется, онѣ больше плакали, чѣмъ говорили. Извѣстій все не было, и, въ лихорадочномъ нетерпѣніи, онѣ рѣшились сами ѣхать въ правленіе; но Павлуши со вчерашняго утра никто не видалъ, а посланный на домъ вернулся, объявивъ, что господинъ Рыжовъ и домой не приходили. Тогда Анна предложила ѣхать къ Рамезову, и онѣ, по счастію, застали его.

Сергѣй Трофимовичъ нѣсколько удивился той горячности, съ которою его невѣста просила, почти приказывала ему: немедленно ѣхать, розыскивать по городу чужаго ей человѣка и припомнилъ, что человѣкъ этотъ

былъ молодой, красивый, и часто за послѣднее время видѣлся съ Анной. Онъ тѣмъ не менѣе изъявилъ полную готовность искать пропавшаго и поѣхалъ къ высшему городскому начальству—объявить о случившемся.

Покуда Сергѣй Трофимовичъ розыскиваетъ Павла Рыжова, мы попробуемъ послѣдовать за нимъ, послѣ того какъ онъ ушелъ отъ Дарьи Яковлевны.

Въ жизни человѣка бываютъ минуты, когда онъ не можетъ разумно мыслить, когда все вниманіе его, всѣ помыслы направлены на одно, — на тяжкое горе, поразившее его, и внѣ этого горя все остальное въ жизни задернуто туманомъ и кажется отошедшимъ въ непроглядную даль. Такъ было и съ Рыжовымъ. Блуждая по улицамъ, онъ могъ думать только объ одномъ,—о свадьбѣ Анны; все остальное кануло въ воду и казалось не существующимъ: ежедневныя заботы, трудъ и отдыхъ, привязанность къ матери и сестрѣ,—все было забыто, поглощено одной всеобъемлющей тоскою. Онъ называлъ поступокъ Анны измѣной, но почему?—не могъ дать себѣ отчета. Она, конечно, ничѣмъ не была связана съ нимъ, ничего ему не обѣщала, даже не слышала отъ него слова признанія; но она все знала, знала что онъ любитъ, и сама любила его: онъ чувствовалъ ея любовь, сознавалъ всѣмъ существомъ своимъ. Они были связаны другъ съ другомъ если не формальнымъ обѣщаніемъ, то святымъ чувствомъ, горѣвшимъ въ ихъ сердцахъ, связаны съ той минуты, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ ее, когда она взглянула ему въ глаза, пожала его руку. Съ тѣхъ поръ они жили

одною жизнью, думали одними мыслями, повѣряли другъ другу сокровенныя тайны, но не словами, а взглядами и улыбкой.

Неужели все это былъ обманъ и она такая искусная комедіантка? „Но зачѣмъ, — повторялъ онъ все тотъ же мучившій его вопросъ; — зачѣмъ ей было лгать?“ Онъ молился на нее, какъ на кумира, и вдругъ этотъ кумиръ упалъ съ пьедестала и разбился; одни жалкіе обломки валяютси на полу. Она, утопая въ роскоши, продаетъ себя безъ нужды отжившему старику, котораго она не можетъ любить; отдаетъ ему всю себя, свое молодое, непорочное тѣло, и онъ будетъ ласкать ее, цѣловать своимъ беззубымъ ртомъ!

Крикъ отчаянія вырвался у него изъ груди, — и онъ бросился бѣжать, какъ будто спасаясь отъ привидѣнія. Бѣжалъ онъ долго, плакалъ, кричалъ, покуда не упалъ въ изнеможеніи на землю. Кругомъ была тишина, шумныхъ улицъ не слышно болѣе; темно на небѣ и на землѣ, и только рельсовый путь, съ мерцающими вдали фонарями, бѣжалъ передъ нимъ по песку. Справа виднѣлся хвойный лѣсъ и поля съ оттаявшимъ снѣгомъ. Куда забрелъ онъ изъ шумнаго города? Свѣжій воздухъ дохнулъ ему въ лицо; вдали на темномъ горизонтѣ показалась красная полоса утренней зари.

Долго ли лежалъ онъ на сырой землѣ, Рыжовъ не помнилъ, и гдѣ онъ былъ,—не зналъ; но, вставъ, пошелъ по рельсамъ и все прямо шелъ впередъ. Опять гнететъ его тоска и мерещатся видѣнія: „сѣдой старикъ и молодая невѣста, вся въ бѣломъ, въ ярко освѣщенномъ храмѣ, среди нарядной, блестящей толпы. Передъ ними стоитъ

священникъ въ свѣтломъ облаченіи; хоръ пѣвчихъ громко и стройно поетъ; — неужели она скажетъ: „*да*„ на вопросъ: согласна ли отдать себя старику?

— *Да!*—раздается громко по всей церкви; *да*, повторяютъ своды, *да* — въ одинъ голосъ возглашаетъ нарядная толпа. Громкій свистъ раздается вмѣстѣ съ крикомъ толпы; стѣны храма рушатся, и два фонаря несутся впереди, все ближе и ближе къ бѣдному путнику. Поѣздъ мчится ему на встрѣчу, порывисто дыша могучей мѣдной грудью; все ближе его дыханіе, все громче и чаще слышатся свистки; но онъ бѣжитъ прямо на встрѣчу этому страшному чудовищу,—еще минута и могучій конь налетѣлъ на него съ неудержимымъ порывомъ, и съ визгомъ и вихремъ пронесся въ темную даль...

Печальныя новости привезъ Сергѣй Трофимовичъ въ правленіе и въ квартиру Рыжовыхъ. Ихъ дорогой Павлуша былъ расшибленъ ночнымъ поѣздомъ, шедшимъ въ Петербургъ по варшавской дорогѣ, довезенъ до города и сданъ въ ближайшую больницу. Какъ онъ попалъ подъ этотъ поѣздъ? осталось невыясненнымъ: одни говорили, что самъ бросился; другіе, что случайно попалъ подъ колеса. Во всякомъ случаѣ, происшествіе это надѣлало много шуму, и нашлись злые языки, которые утверждали, будто нѣкій конторщикъ Рыжовъ, служившій въ правленіи у Николая Ивановича, былъ влюбленъ до зарѣза въ его дочь Анну и что неожиданное извѣстіе о выходѣ ея замужъ такъ поразило его, что онъ лишился разсудка и бросился подъ мчавшійся локомотивъ.

Толки эти были крайне непріятны семейству Ардальо-

новыхъ, и на нихъ злилась въ особенности Марья Дмитріевна, находившая ихъ нелѣпыми, но компрометирующими репутацію дочери и всей семьи.

Бѣдный Павлуша лежалъ въ больницѣ съ искалеченными членами и расшибленной головой, но онъ былъ живъ еще и доктора не отчаявались въ его поправленіи.

Двѣ сестры милосердія дежурили при немъ денно и ночно, и Лариса приходила въ больницу каждый день. Ее узнать было нельзя: такъ она осунулась и постарѣла. Ея Павлуша, радость жизни, надежда всей семьи, цвѣтущій и полный силъ еще за день передъ тѣмъ, лежалъ теперь безъ движенія, на смертномъ одрѣ. Лучшее, на что могли надѣяться близкіе ему люди, было то, что онъ останется калѣкой на всю жизнь и никогда больше не будетъ работникомъ. „Калѣкой“! какъ молотомъ звучало это слово въ сердцѣ его сестры и еще въ одномъ сердцѣ, бившемся въ другой молодой груди.

Анна ходила, какъ убитая, и не слегла, только благодаря сильной волѣ надъ собою. Она не говорила ни съ кѣмъ о случившемся несчастіи, не спрашивала ни о чемъ и только переписывалась ежедневно съ Ларисой. *Онъ* былъ живъ, и этимъ все сказано; весь смыслъ жизни сосредоточивался пока въ этомъ словѣ, а что будетъ далѣе, она не хотѣла и думать, боясь заглядывать въ темное, страшное будущее.

Трудно представить себѣ горе болѣе тяжкое, чѣмъ то, которое выпало на долю Анны, тѣмъ болѣе тяжкое,

что она должна была скрывать его ото всѣхъ. Мать глядѣла ей въ глаза и готова была разразиться горькими упреками и самой будничной моралью, при малѣйшемъ намекѣ на ея страданія; женихъ поглядывалъ подозрительно; даже отецъ всегда добрый и ласковый, смотрѣлъ,—какъ ей казалось,—сурово и возмущался ходившими сплетнями. Свадьбу торопили всѣми силами, чтобы прекратить скорѣе эти сплетни, но невѣста не говорила о ней ни слова, была холодна и сдержанна съ женихомъ. Ее преслѣдовала одна мысль, одно страстное желаніе — повидаться съ больнымъ, пожать хоть разъ еще его руку, прильнуть къ ней горячими губами и прошептать ему: „не умирай, я люблю тебя!“

А Павлушѣ становилось все хуже, молодыя силы его боролись со смертью и онъ лежалъ въ бреду, тяжко страдая. Сестрѣ его пришло въ голову, что еслибы онъ увидалъ Анну у своего изголовья, можетъ быть, ему стало бы легче,—и она написала ей объ этомъ. Ни минуты не задумываясь, Анна поспѣшно одѣлась и сбѣжала внизъ по лѣстницѣ, но въ залѣ ее остановила мать.

— Ты куда?—спросила она, схвативъ ее за руку.

Анна посмотрѣла ей прямо въ глаза и смѣло отвѣтила:

— Въ больницу, онъ умираетъ.

— Да ты съ ума сошла! Не пущу.

Анна рванула руку, но Марья Дмитріевна еще крѣпче сжала ее.

— Не пущу, ты себя погубишь.

— Мнѣ все равно.

— А женихъ? вѣдь онъ откажется отъ тебя?

— Ахъ, пустите меня, пустите, — воскликнула Анна и, вырвавшись, въ одинъ мигъ очутилась на улицѣ.

Марья Дмитріевна не преслѣдовала ея, такъ какъ скандалъ на улицѣ не входилъ въ ея планы.

Съ этого дня Анна нѣсколько разъ навѣщала больного и никто не удерживалъ ея болѣе. Николай Ивановичъ щедрою рукою пришелъ на помощь Рыжовымъ и лучшія медицинскія силы были собраны у постели страждущаго. Наконецъ, имъ удалось воскресить его. Несчастный очнулся и въ тотъ же день Анна исчезла изъ больницы и болѣе не возвращалась туда. Жизнь больного объявлена внѣ опасности, остальное было дѣломъ времени и ухода за нимъ.

Анна Ардальонова сдержала данное ею слово. Тотчасъ послѣ пасхи была отпразднована ея свадьба съ Сергѣемъ Трофимовичемъ Рамезовымъ, и въ тотъ же день молодые уѣхали заграницу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошелъ годъ, и Николай Ивановичъ Ардальоновъ оправился вполнѣ отъ своей болѣзни. Онъ съѣздилъ на воды лѣтомъ и вернулся оттуда пуще прежняго молодцомъ. Дѣла его тоже поправились. Съ помощью зятя пополнивъ кассу и выпутавшись изъ тины мелкихъ долговъ, онъ выплылъ въ широкую рѣку и видѣлъ уже вдали синее море. Прежнюю дѣятельность свою въ правленіяхъ, въ качествѣ наемнаго дѣльца или „чужого прикащика", какъ онъ выражался, онъ находилъ для себя уже слишкомъ мелкою и мечталъ о томъ, какъ бы сдѣлаться самому хозяиномъ. Милліоны, которые такъ долго дразнили его въ облакахъ, видимо спускались на землю, и счастливый Николай Ивановичъ ожидалъ со дня на день, что вотъ-вотъ онъ ихъ ухватитъ за хвостъ. Сообразно съ новыми широкими планами, жизнь его тоже расширилась. Онъ обиталъ уже не въ наемной квартирѣ, а въ собственномъ домѣ, на барскую ногу. Léonie утопала въ шелку и бархатѣ, а Марья Дмитріевна мечтала для своей Оли о такомъ женихѣ, о которомъ ей прежде и во снѣ не снилось.

Всѣ были довольны; только одинъ кассиръ Иванъ Кузьмичъ сильно пріунылъ. Онъ съ тоской вспоминалъ прошедшее и тѣ счастливые дни, когда ему перепадали изрядные куши въ карманъ, а теперь, когда все было въ порядкѣ, онъ сидѣлъ на одномъ жалованьи и находилъ, что за это жалованье служить не стоитъ. Впрочемъ, онъ не отчаявался и, считая настоящее положеніе ненормальнымъ, уповалъ, что настанетъ время, когда и его услуги опять понадобятся.

Предсѣдатель правленія сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и, зѣвая, слушалъ докладъ секретаря-*рохли*, когда въ дверяхъ появился Еропкинъ и доложилъ, что пріѣхалъ какой-то нѣмецъ, который спрашиваетъ главнаго *дилехтора*.

— Кто такой?—буркнулъ на него Ардальоновъ.

— А кто его знаетъ,—отвѣтилъ Еропкинъ,—фамилія какая-то мудренная, не выговоришь.

— Дуракъ, карточку спроси.

Но когда карточка была ему подана, то Николай Ивановичъ, взглянувъ на нее, такъ и вскочилъ съ кресла. Онъ сдѣлалъ секретарю рукою жестъ, обозначавшій въ переводѣ: „убирайся къ чорту", и выбѣжалъ въ залу, на встрѣчу къ посѣтителю, протягивая ему обѣ руки.

Весь послѣдующій разговоръ въ кабинетѣ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ Ардальоновъ былъ большой мастеръ объясняться; но мы не будемъ переводить ихъ разговора по русски, а ограничимся тѣмъ, что назовемъ гостя барономъ Цукертортомъ, — имя дѣйствительно неудобопроизносимое для сторожа Еропкина,—и скажемъ, что онъ былъ агентомъ заграничныхъ банкировъ и присланъ въ Петербургъ оборудовать одно крупное дѣло.

Ардальоновъ давно поджидалъ его и рѣшилъ, что если этотъ красный звѣрь появится въ загонѣ, то заняться имъ исключительно и бросить всю мелкую охоту. Онъ даже писалъ объ этомъ дѣлѣ за границу своему зятю Рамезову, давая ему кой-какія порученія и прося кредита на случай, если дѣло выгоритъ. Но Сергѣй Трофимовичъ былъ тугъ на новыя дѣла и медлилъ отвѣтомъ.

Тѣмъ временемъ Николай Ивановичъ, оставшись очень доволенъ своимъ свиданіемъ съ барономъ, вскипѣлъ горячешнымъ рвеніемъ къ новому дѣлу. Оно казалось дѣйствительно заманчивымъ по существу своему, но для Ардальонова имѣло еще особое обаяніе: всякое новое дѣло казалось ему находкой, и онъ бросался на него, очертя голову, забывая старыя дѣла и охладѣвая къ нимъ совершенно. *Новое* крупное дѣло! Этимъ было все сказано, и всякій, знавшій Николая Ивановича, зналъ, что это дѣло было въ его глазахъ всегда самымъ лучшимъ, сулило золотыя горы и обезпечивало несомнѣнный успѣхъ. Съ того дня, какъ группа заграничныхъ банкировъ прислала въ Петербургъ своего агента и адресовала его къ Ардальонову, какъ къ одному изъ видныхъ русскихъ дѣятелей, онъ жилъ точно въ лихорадкѣ: слеталъ два раза въ Берлинъ и въ Парижъ, а, вернувшись въ отечество, вербовалъ товарищей, проводилъ дни и ночи въ совѣщаніяхъ, считалъ, составлялъ смѣты, подводилъ балансы и загонялъ до упаду одного бухгалтера и двухъ конторщиковъ.

Въ эти лихорадочные дни его почти никогда не было дома и даже къ Léonie онъ заѣзжалъ изрѣдка, но зато подарилъ ей, въ счетъ будущихъ благъ, дорогой браслетъ

усыпанный брилліантами, и такой же — но только болѣе дешевый, — приподнесъ законной супругѣ своей, Марьѣ Дмитріевнѣ, чтобы успокоить свою совѣсть.

Пріѣзжему нѣмцу онъ, конечно, задалъ обѣдъ, да такой, какого тотъ отъ роду не ѣдалъ: со спаржей зимою, свѣжей икрой и стерляжьей ухою. Нѣмецъ съѣлъ русскій обѣдъ и похвалилъ его, но намоталъ себѣ на усъ, что Herr von Ardalionow большой мотъ, *ein Verschwender*,— какъ онъ назвалъ его по нѣмецки,—и что съ нимъ надо быть осторожнымъ.

Задушевныя мечты Николая Ивановича сбылись. Онъ поднялся на верхнюю ступень той лѣстницы, по которой восходилъ такъ упорно, — на тронъ главнаго распорядителя и пайщика одного изъ крупныхъ денежныхъ предпріятій, со всѣми его атрибутами и заманчивой перспективой впереди. Милліоны все еще не были въ рукахъ, но рѣзкій привкусъ ихъ и опьяняющій запахъ уже ощущался въ воздухѣ и осѣдалъ на языкѣ. Откуда онъ добылъ деньги, чтобы войти въ новое дѣло и сдѣлать первоначальные взносы за свои паи, никто не зналъ, но извѣстно было, что кредитъ его сильно окрѣпъ и что имъ были уплачены всѣ прежніе долги, которые онъ считалъ мелкими и неприличными; что же касается до новыхъ, *крупныхъ* долговъ, то о нихъ и говорить не стоило, такъ какъ за нихъ отвѣчали будущіе милліоны.

Для полученія ихъ было, однако, одно препятствіе: не хватало денегъ на послѣдующіе взносы по паямъ и Ардальоновъ посылалъ письмо за письмомъ къ зятю, съ настоятельной просьбой открыть ему кредитъ по случаю такого чрезвычайнаго обстоятельства, предлагая,—въ видѣ

возмездія и благодарности за прежнія и новыя услуги,— подѣлиться съ нимъ паями, которыхъ ни за какія деньги на биржѣ достать нельзя. Николай Ивановичъ былъ человѣкъ благодарный и помнилъ добро; онъ хотѣлъ, съ своей стороны, услужить Рамезову, который былъ ему старымъ пріятелемъ, а нынѣ сталъ и роднымъ человѣкомъ.

Къ крайнему удивленію послѣ долгихъ ожиданій, пришелъ отвѣтъ изъ-за границы, съ полнѣйшимъ отказомъ въ кредитѣ и соучастіи въ дѣлѣ. Сергѣй Трофимовичъ писалъ, что онъ ни въ какія новыя дѣла не желаетъ вступать, за большими барышами не гонится и совѣтуетъ Николаю Ивановичу ликвидировать свое участіе въ дѣлѣ, если оно такъ выгодно, и приберечь деньги на черный день. Что касается кредита или, лучше сказать, новой помощи, то онъ просилъ на нее не разсчитывать, такъ какъ сдѣлалъ все, что могъ, и болѣе, при всемъ желаніи сдѣлать не въ силахъ.

Ардальоновъ плюнулъ, прочитавъ это письмо и обозвалъ зятя болваномъ.

— Нюху нѣтъ никакого, а безъ нюху далеко не уѣдешь,—разсуждалъ онъ самъ съ собою, все таки огорченный письмомъ.

— Ну, чортъ съ нимъ, и безъ него найдемъ деньги для такого дѣла!

И, дѣйствительно, нашелъ. Николаю Ивановичу везло въ жизни, и даже внезапная болѣзнь, приключившаяся съ нимъ,—какъ мы видѣли, совсѣмъ некстати, въ самую критическую минуту жизни, — только выпутала его изъ затрудненій съ кассою и повела къ счастливому браку дочери.

— Да, конечно, къ счастливому,—разсуждалъ практически мудрый отецъ: — она теперь страшно богата, а деньги—все.

Николай Ивановичъ окончательно увѣровалъ въ свою счастливую звѣзду.

II.

Мы перенесемся теперь изъ шумной столицы въ маленькій уѣздный городокъ, куда переселились Рыжовы, послѣ случившагося съ Павлушей несчастія. Оно превратило его изъ молодого человѣка, полнаго силъ и надеждъ, въ больного, жалкаго, неспособнаго ни къ какому труду инвалида. Правда, жизнь осталась за нимъ, но какая жизнь? полная страданій физическихъ и нравственныхъ, и было бы во сто разъ лучше, еслибы онъ погибъ подъ колесами паровоза.

Все тѣло его было разбито и искалѣчено; онъ двигался съ трудомъ на костыляхъ и единственное, что осталось у него неизуродованнымъ, было прекрасное лицо, съ полными мысли глазами. Но глаза эти выражали тоску и говорили: зачѣмъ вы спасли меня, для чего мнѣ жить, въ тягость себѣ и другимъ?

Въ маленькомъ городкѣ царила невозмутимая тишина и она была нужна больному, послѣ пережитыхъ имъ тяжкихъ разочарованій! На окраинѣ города стоялъ деревянный домикъ съ тѣнистымъ садомъ и далекимъ видомъ на окрестность. На балконъ въ саду выкатывали кресло съ больнымъ, и тамъ онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, съ неизмѣннымъ другомъ своимъ, сестрою Ларисой. Было на-

чало мая, и солнце уже грѣло въ той полосѣ Россіи, гдѣ находился городокъ; все цвѣло въ саду и въ полѣ, воздухъ былъ напитанъ весеннимъ ароматомъ.

— Павлуша, — говорила Лариса, подавая ему букетъ ландышей и сирени,—посмотри, какіе цвѣточки распустились у насъ въ саду, а тамъ на куртинѣ выросли мои гіацинты. Я сама выростила ихъ изъ луковицъ и пересадила въ садъ; взгляни, — съ балкона видно, какіе они хорошіе—всѣхъ цвѣтовъ.

— Ты у меня чудесная садовница,—сказалъ Павлуша, стараясь улыбнуться и нюхая цвѣты.

— Все для тебя, мой дорогой; вѣдь я знаю, что ты любишь цвѣточки.

— Только они и остались у меня. Нѣтъ, не правда,— прибавилъ онъ горячо:—ты осталась у меня, мой лучшій дорогой цвѣтокъ.

— Завядшій,—сказала дѣвушка уныло.

— О нѣтъ, живой, прекрасный. Лариса, я часто думаю, что былъ бы я безъ тебя? Кажется, умеръ бы съ тоски, не прожилъ бы и одного дня.

— Ну полно, у тебя есть и безъ меня радости, и еще какія! Стихи твои прекрасные, романъ твой... Павлуша, что ты не пишешь своего романа и мы не говоримъ о немъ?

— Вѣрно, мнѣ не дописать его.

— Не дописать? вотъ еще что выдумалъ! Ты долженъ его окончить, — такой чудесный этотъ романъ! Я перепишу его и мы отошлемъ въ Петербургъ, тамъ напечатаютъ въ журналѣ и какой будетъ успѣхъ, ты увидишь!

— Не примутъ еще никуда,—сказалъ съ горькой улыбкой Павлуша,—вотъ и успѣхъ.

дая характеръ жены:—умная, добрая, а сидитъ у нея въ головѣ какой-то гвоздь и ничѣмъ ты его не выколотишь. И откуда она взяла все это? Отъ полоумнаго учителя Носилова, или тетушки Берновой, которая до сѣдыхъ волосъ ума не нажила? Можетъ быть,—припоминалъ Рамезовъ,—на нее повліяло и знакомство съ этими Рыжовыми, которое кончилось такъ трагически. Конечно, молодого человѣка жаль, но вольно жъ ему было подъ поѣздъ соваться? Онъ, кажется, былъ крѣпко влюбленъ въ Анну и она въ него немножко, да все это, благодаря Бога, теперь прошло и забыто".

Продолжая думать о женѣ и объ ея родителяхъ, Сергѣй Трофимовичъ пришелъ къ глубокому убѣжденію въ ложности всѣхъ ученій о „наслѣдственности". „Вотъ возьмите, напримѣръ, Николая Ивановича Ардальонова и его дочь,—ну, какая у нихъ наслѣдственность? Отецъ только и бредитъ о деньгахъ, а дочь ненавидитъ ихъ глубоко и открещивается отъ нихъ, какъ отъ чумы. Нужно, однако, позаботиться о ея будущемъ, если она, какъ вѣроятно, переживетъ меня"? Рамезовъ сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу жены, оставляя ей все состояніе, но теперь подумалъ, что ей необходимо назначить надежнаго опекуна, иначе она всѣ деньги раздастъ нищимъ или — что еще хуже— онѣ попадутъ въ руки Ардальоновымъ, и тогда имъ пиши пропало!

Въ мирной жизни Николая Ивановича въ Царскомъ Селѣ произошелъ переворотъ. Онъ вдругъ захлопоталъ и засуетился. Сталъ ѣздить каждый день въ городъ, воз-

вращался оттуда поздно, писалъ и получалъ письма и даже визиты какихъ-то личностей, отыскавшихъ его въ Царскомъ Селѣ. Все это были лихорадочные признаки, хорошо извѣстные въ семьѣ Ардальоновыхъ и предвѣщавшіе новую болѣзнь или, лучше сказать, новое „дѣло".

Оно дѣйствительно появилось на горизонтѣ, и ему Николай Ивановичъ тотчасъ же отдался весь, тѣмъ болѣе, что другихъ дѣлъ давно не было и онъ тосковалъ по нимъ.

О дѣлѣ этомъ, состоявшемъ въ какихъ-то золотыхъ пріискахъ въ Сибири, Николай Ивановичъ торжественно объявилъ въ семейномъ кругу, выбравъ нарочно для этого такое время, когда у него обѣдали Рамезовы, и похваставъ, что онъ надѣется скоро „покинуть этотъ *гробъ*", какъ онъ называлъ свою дачу въ Царскомъ, и переселиться, по прежнему, въ Петербургъ. Разумѣется, дѣло сулило, по его словамъ, золотыя горы; но было пока еще въ рукахъ у нѣкоего сибирскаго купца первой гильдіи, который нарочно пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать о пріисканіи товарищей. Все это было говорено, преимущественно, по адресу Сергѣя Трофимовича, который, продолжая спокойно обѣдать, спросилъ:

— А какъ фамилія купца?

— Мозжухинъ!—провозгласилъ Ардальоновъ.

— Не слыхалъ,—сказалъ Рамезовъ.

— Развѣ ты всѣхъ богатыхъ купцовъ въ Сибири знаешь?

— Не всѣхъ, а слыхалъ кое о комъ.

— Ну, вотъ что я тебѣ скажу, другъ любезный,—продолжалъ Ардальоновъ:—дѣло это такое, что у меня еще не было въ рукахъ подобнаго.

дая характеръ жены:—умная, добрая, а сидитъ у нея въ головѣ какой-то гвоздь и ничѣмъ ты его не выколотишь. И откуда она взяла все это? Отъ полоумнаго учителя Носилова, или тетушки Берновой, которая до сѣдыхъ волосъ ума не нажила? Можетъ быть,—припоминалъ Рамезовъ,—на нее повліяло и знакомство съ этими Рыжовыми, которое кончилось такъ трагически. Конечно, молодого человѣка жаль, но вольно жъ ему было подъ поѣздъ соваться? Онъ, кажется, былъ крѣпко влюбленъ въ Анну и она въ него немножко, да все это, благодаря Бога, теперь прошло и забыто".

Продолжая думать о женѣ и объ ея родителяхъ, Сергѣй Трофимовичъ пришелъ къ глубокому убѣжденію въ ложности всѣхъ ученій о „наслѣдственности". „Вотъ возьмите, напримѣръ, Николая Ивановича Ардальонова и его дочь,—ну, какая у нихъ наслѣдственность? Отецъ только и бредитъ о деньгахъ, а дочь ненавидитъ ихъ глубоко и открещивается отъ нихъ, какъ отъ чумы. Нужно, однако, позаботиться о ея будущемъ, если она, какъ вѣроятно, переживетъ меня"? Рамезовъ сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу жены, оставляя ей все состояніе, но теперь подумалъ, что ей необходимо назначить надежнаго опекуна, иначе она всѣ деньги раздастъ нищимъ или — что еще хуже— онѣ попадутъ въ руки Ардальоновымъ, и тогда имъ пиши пропало!

Въ мирной жизни Николая Ивановича въ Царскомъ Селѣ произошелъ переворотъ. Онъ вдругъ захлопоталъ и засуетился. Сталъ ѣздить каждый день въ городъ, воз-

вращался оттуда поздно, писалъ и получалъ письма и даже визиты какихъ-то личностей, отыскавшихъ его въ Царскомъ Селѣ. Все это были лихорадочные признаки, хорошо извѣстные въ семьѣ Ардальоновыхъ и предвѣщавшіе новую болѣзнь или, лучше сказать, новое „дѣло".

Оно дѣйствительно появилось на горизонтѣ, и ему Николай Ивановичъ тотчасъ же отдался весь, тѣмъ болѣе, что другихъ дѣлъ давно не было и онъ тосковалъ по нимъ.

О дѣлѣ этомъ, состоявшемъ въ какихъ-то золотыхъ пріискахъ въ Сибири, Николай Ивановичъ торжественно объявилъ въ семейномъ кругу, выбравъ нарочно для этого такое время, когда у него обѣдали Рамезовы, и похвास्ताвъ, что онъ надѣется скоро „покинуть этотъ *гробъ*", какъ онъ называлъ свою дачу въ Царскомъ, и переселиться, по прежнему, въ Петербургъ. Разумѣется, дѣло сулило, по его словамъ, золотыя горы; но было пока еще въ рукахъ у нѣкоего сибирскаго купца первой гильдіи, который нарочно пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать о пріисканіи товарищей. Все это было говорено, преимущественно, по адресу Сергѣя Трофимовича, который, продолжая спокойно обѣдать, спросилъ:

— А какъ фамилія купца?

— Мозжухинъ!—провозгласилъ Ардальоновъ.

— Не слыхалъ,—сказалъ Рамезовъ.

— Развѣ ты всѣхъ богатыхъ купцовъ въ Сибири знаешь?

— Не всѣхъ, а слыхалъ кое о комъ.

— Ну, вотъ что я тебѣ скажу, другъ любезный,—продолжалъ Ардальоновъ:—дѣло это такое, что у меня еще не было въ рукахъ подобнаго.

— А оно въ твоихъ рукахъ? Ты говорилъ, что оно въ рукахъ у Мозжухина?

— Да, конечно; только Мозжухинъ ищетъ компаньоновъ, какъ я тебѣ говорилъ, для разработки пріисковъ, и просилъ меня похлопотать объ образованіи товарищества. Какъ ты думаешь, Сергѣй, что для такихъ дѣлъ лучше: товарищество на вѣрѣ, или на паяхъ?

— Все равно, были бы деньги.

— Деньги будутъ, еще бы, такое дѣло! Пріиски такъ богаты, что золото лопатами загребать будемъ.

— Дай Богъ.

— Ты, кажется, не вѣришь?

— Отчего же не вѣрить, мало ли хорошихъ дѣлъ на свѣтѣ.

— Да, но это не просто хорошее, а удивительное! Я разскажу тебѣ обо всемъ послѣ обѣда и докажу на бумагѣ; а пока знаешь ли что, другъ любезный, не распить ли намъ, за успѣхъ новаго дѣла, бутылочку шампанскаго? Вѣдь у насъ есть на погребѣ?

— Есть,—отвѣчала Марья Дмитріевна,—да только...

— Что только?—перебилъ съ досадою мужъ.—Вы все только каркаете!

— Подать шампанскаго!—крикнулъ онъ дѣвушкѣ, служившей за столомъ,—да заморозить его во льду, а не грѣть. А то съ васъ станется.

Николай Ивановичъ былъ крайне недоволенъ женской прислугой, замѣнившей въ Царскомъ его нарядныхъ лакеевъ, и все брюзжалъ на непорядки въ домѣ. Подали послѣ жаркаго бутылку шампанскаго, которую выпилъ почти всю одинъ хозяинъ; остальные же только пригубили,

— Ну, за новое, золотое дѣло!—провозгласилъ онъ.

— Дай Богъ!—повторилъ Рамезовъ.

Всѣ чокнулись; но у всѣхъ было тяжело на душѣ и одинъ только Николай Ивановичъ ликовалъ. Онъ пустился въ разсказы, какъ дѣло возникло въ Сибири и какъ оно доѣхало до Петербурга.

— Ты знаешь ли, что такое „старатель“?—спрашивалъ онъ, опять по адресу зятя.

— Нѣтъ, не знаю.

— „Старатель“ въ Сибири, и особенно на Уралѣ, это мужичекъ, который самъ для себя добываетъ золото. Въ песочкѣ по руслу рѣкъ роется, на свой коштъ, понимаешь ли?

— Понимаю.

— Такъ вотъ одинъ изъ такихъ старателей напалъ на жилу, да такую, что ума помраченье. Отъ 12 до 15 золотниковъ золота на 100 пудовъ песку, а обыкновенно изъ-за двухъ золотниковъ промываютъ, да и то выгодно.— Онъ хлебнулъ шампанскаго и подложилъ себѣ льду въ бокалъ.—Калифорнія, другъ мой, понимаешь ли ты, Калифорнія! А не хочешь ли, Сергѣй, съ нами въ это дѣло пойти?—спросилъ Николай Ивановичъ, какъ бы мимоходомъ.

— Нѣтъ, благодарю.

— Что жъ такъ.

— Куда ужъ мнѣ въ новыя дѣла соваться, старъ я сталъ.

— А я двумя годами тебя старше.

— Ты—другое дѣло. Ты привыкъ, да и храбръ, а я трусъ.

— А оно въ твоихъ рукахъ? Ты говорилъ, что оно въ рукахъ у Мозжухина?

— Да, конечно; только Мозжухинъ ищетъ компаньоновъ, какъ я тебѣ говорилъ, для разработки пріисковъ, и просилъ меня похлопотать объ образованіи товарищества. Какъ ты думаешь, Сергѣй, что для такихъ дѣлъ лучше: товарищество на вѣрѣ, или на паяхъ?

— Все равно, были бы деньги.

— Деньги будутъ, еще бы, такое дѣло! Пріиски такъ богаты, что золото лопатами загребать будемъ.

— Дай Богъ.

— Ты, кажется, не вѣришь?

— Отчего же не вѣрить, мало ли хорошихъ дѣлъ на свѣтѣ.

— Да, но это не просто хорошее, а удивительное! Я разскажу тебѣ обо всемъ послѣ обѣда и докажу на бумагѣ; а пока знаешь ли что, другъ любезный, не распить ли намъ, за успѣхъ новаго дѣла, бутылочку шампанскаго? Вѣдь у насъ есть на погребѣ?

— Есть,—отвѣчала Марья Дмитріевна,—да только...

— Что только?—перебилъ съ досадою мужъ.—Вы все только каркаете!

— Подать шампанскаго!—крикнулъ онъ дѣвушкѣ, служившей за столомъ,—да заморозить его во льду, а не грѣть. А то съ васъ станется.

Николай Ивановичъ былъ крайне недоволенъ женской прислугой, замѣнившей въ Царскомъ его нарядныхъ лакеевъ, и все брюзжалъ на непорядки въ домѣ. Подали послѣ жаркаго бутылку шампанскаго, которую выпилъ почти всю одинъ хозяинъ; остальные же только пригубили.

— Ну, за новое, золотое дѣло!—провозгласилъ онъ.

— Дай Богъ!—повторилъ Рамезовъ.

Всѣ чокнулись; но у всѣхъ было тяжело на душѣ и одинъ только Николай Ивановичъ ликовалъ. Онъ пустился въ разсказы, какъ дѣло возникло въ Сибири и какъ оно доѣхало до Петербурга.

— Ты знаешь ли, что такое „старатель“?—спрашивалъ онъ, опять по адресу зятя.

— Нѣтъ, не знаю.

— „Старатель“ въ Сибири, и особенно на Уралѣ, это мужичекъ, который самъ для себя добываетъ золото. Въ песочкѣ по руслу рѣкъ роется, на свой коштъ, понимаешь ли?

— Понимаю.

— Такъ вотъ одинъ изъ такихъ старателей напалъ на жилу, да такую, что ума помраченье. Отъ 12 до 15 золотниковъ золота на 100 пудовъ песку, а обыкновенно изъ-за двухъ золотниковъ промываютъ, да и то выгодно.— Онъ хлебнулъ шампанскаго и подложилъ себѣ льду въ бокалъ.—Калифорнія, другъ мой, понимаешь ли ты, Калифорнія! А не хочешь ли, Сергѣй, съ нами въ это дѣло пойти?—спросилъ Николай Ивановичъ, какъ бы мимоходомъ.

— Нѣтъ, благодарю.

— Что жъ такъ.

— Куда ужъ мнѣ въ новыя дѣла соваться, старъ я сталъ.

— А я двумя годами тебя старше.

— Ты—другое дѣло. Ты привыкъ, да и храбръ, а я трусъ.

— Не трусъ, а Ѳома невѣрный. Такъ не пойдешь въ дѣло?

— Не пойду.

— Какъ знаешь, потомъ жалѣть будешь.

— Не буду; безъ меня деньгу наживайте. Охотниковъ много.

— Еще бы! Такъ вотъ я тебѣ началъ разсказывать. „Старатель“ этотъ, который нашелъ пріискъ,—простой мужичекъ; гдѣ жъ ему, сердечному, съ такимъ дѣломъ справиться? Его напугали, конечно; брось, говорятъ, еще подъ судъ попадешь, въ тюрьму засадятъ, а то и еще хуже!

— Чего жъ еще хуже?

— Смертоубійства изъ-за этихъ пріисковъ бываютъ. Это дѣло обыкновенное въ Сибири. Такъ вотъ мужикъ подумалъ, да и продалъ свой секретъ за грошъ купцу Мозжухину. А Степанъ Гавриловичъ,—это Мозжухина такъ зовутъ,—не дуракъ, возьми да и шаркъ въ Петербургъ съ этимъ дѣломъ.

— Зачѣмъ же въ Петербургъ?—спросилъ Рамезовъ:—вѣдь пріиски въ Сибири или на Уралѣ?

— Эхъ, братецъ, какой ты! Вѣдь золото изъ пріиска такъ просто въ карманъ не сыплется; его надо разработать, а на разработку деньги нужны.

— Понимаю. Да только на выгодное дѣло и въ Сибири бы деньги нашлись.

— Опасно, я тебѣ говорю, какъ разъ дѣло изъ рукъ вырвутъ; народъ такой. Въ Петербургѣ оно вѣрнѣе. Только ты не думай; у насъ тамъ на мѣстѣ все налажено: заявленія мѣстному начальству поданы, планы и смѣты привезены, даже пробы золота я самъ видѣлъ.

— Ну, а деньги на разработку есть?—спросилъ Ѳома невѣрный.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Для этого нужно образовать товарищество, что и поручено мнѣ. Только ты не думай, я своихъ денегъ въ дѣло не затрачиваю, я свой трудъ даю, а мнѣ за это даровые паи, и, если получу ихъ, со всѣми подѣлюсь: женѣ, всѣмъ дѣтямъ по именному паю отпишу, въ томъ числѣ и твоей Аннѣ.

— Спасибо. Только ты будь съ этими сибиряками остороженъ—народъ продувной. Они и песочекъ поддѣльный привезутъ, и документы сфабрикуютъ, а какъ деньги выманятъ, такъ и маршъ въ тайгу; поминай, какъ звали!

— Ну, вотъ еще, точно я маленькій? Стараго воробья на мякинѣ не проведешь!

Но Сергѣй Трофимовичъ былъ противнаго мнѣнія. Онъ потерялъ вѣру въ дѣловой нюхъ своего пріятеля, прежняго опытнаго дѣльца, и думалъ, что пѣсенка его спѣта. Онъ, впрочемъ, не высказалъ своихъ сомнѣній, и они перешли въ кабинетъ переваривать сытный обѣдъ, заказанный еще наканунѣ, по случаю ожидаемаго пріѣзда гостей. Но обѣдомъ этимъ взыскательный хозяинъ остался недоволенъ, и мысленно ругалъ кухарку.

„Подлая!—думалъ онъ, закуривая сигару и допивая свой кофе:—рыбу не доварила, а жаркое пережарила; не то что мой Осипъ. Подастъ, бывало, всѣ пальчики оближешь“!

Дѣло съ золотыми пріисками возникло случайно. У Ардальонова былъ старый кредиторъ, съ которымъ онъ много лѣтъ имѣлъ счеты и остался должнымъ какую-то

— Не трусъ, а Ѳома невѣрный. Такъ не пойдешь въ дѣло?

— Не пойду.

— Какъ знаешь, потомъ жалѣть будешь.

— Не буду; безъ меня деньгу наживайте. Охотниковъ много.

— Еще бы! Такъ вотъ я тебѣ началъ разсказывать. „Старатель“ этотъ, который нашелъ пріискъ,—простой мужичекъ; гдѣ жъ ему, сердечному, съ такимъ дѣломъ справиться? Его напугали, конечно; брось, говорятъ, еще подъ судъ попадешь, въ тюрьму засадятъ, а то и еще хуже!

— Чего жъ еще хуже?

— Смертоубійства изъ-за этихъ пріисковъ бываютъ. Это дѣло обыкновенное въ Сибири. Такъ вотъ мужикъ подумалъ, да и продалъ свой секретъ за грошъ купцу Мозжухину. А Степанъ Гавриловичъ,—это Мозжухина такъ зовутъ,—не дуракъ, возьми да и шаркъ въ Петербургъ съ этимъ дѣломъ.

— Зачѣмъ же въ Петербургъ?—спросилъ Рамезовъ:—вѣдь пріиски въ Сибири или на Уралѣ?

— Эхъ, братецъ, какой ты! Вѣдь золото изъ пріиска такъ просто въ карманъ не сыплется; его надо разработать, а на разработку деньги нужны.

— Понимаю. Да только на выгодное дѣло и въ Сибири бы деньги нашлись.

— Опасно, я тебѣ говорю, какъ разъ дѣло изъ рукъ вырвутъ; народъ такой. Въ Петербургѣ оно вѣрнѣе. Только ты не думай; у насъ тамъ на мѣстѣ все налажено: заявленія мѣстному начальству поданы, планы и смѣты привезены, даже пробы золота я самъ видѣлъ.

— Ну, а деньги на разработку есть?—спросилъ Ѳома невѣрный.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Для этого нужно образовать товарищество, что и поручено мнѣ. Только ты не думай, я своихъ денегъ въ дѣло не затрачиваю, я свой трудъ даю, а мнѣ за это даровые паи, и, если получу ихъ, со всѣми подѣлюсь: женѣ, всѣмъ дѣтямъ по именному паю отпишу, въ томъ числѣ и твоей Аннѣ.

— Спасибо. Только ты будь съ этими сибиряками остороженъ—народъ продувной. Они и песочекъ поддѣльный привезутъ, и документы сфабрикуютъ, а какъ деньги выманятъ, такъ и маршъ въ тайгу; поминай, какъ звали!

— Ну, вотъ еще, точно я маленькій? Стараго воробья на мякинѣ не проведешь!

Но Сергѣй Трофимовичъ былъ противнаго мнѣнія. Онъ потерялъ вѣру въ дѣловой нюхъ своего пріятеля, прежняго опытнаго дѣльца, и думалъ, что пѣсенка его спѣта. Онъ, впрочемъ, не высказалъ своихъ сомнѣній, и они перешли въ кабинетъ переваривать сытный обѣдъ, заказанный еще наканунѣ, по случаю ожидаемаго пріѣзда гостей. Но обѣдомъ этимъ взыскательный хозяинъ остался недоволенъ, и мысленно ругалъ кухарку.

„Подлая!—думалъ онъ, закуривая сигару и допивая свой кофе:—рыбу не доварила, а жаркое пережарила; не то что мой Осипъ. Подастъ, бывало, всѣ пальчики оближешь“!

Дѣло съ золотыми пріисками возникло случайно. У Ардальонова былъ старый кредиторъ, съ которымъ онъ много лѣтъ имѣлъ счеты и остался должнымъ какую-то

бездѣлицу, да и о той позабылъ. За получкой этой бездѣлицы кредиторъ, по имени и фамиліи Семенъ Прохоровичъ Перепелкинъ, и пріѣхалъ въ Царское къ Николаю Ивановичу, который тотчасъ съ нимъ расплатился. Въ благодарность за это и за прежнія дѣла, Семенъ Прохоровичъ предложилъ ему познакомить его съ купцомъ Мозжухинымъ, владѣльцемъ богатыхъ пріисковъ въ Сибири.

Ардальоновъ насторожилъ уши и тотчасъ же „клюнулъ“, обѣщавъ пріѣхать на другой день въ городъ—потолковать о дѣлѣ.

— Только, ваше превосходительстао,—сказалъ Перепелкинъ,—я даромъ хлопотать не стану, да и одинъ пойти въ дѣло не могу. У меня есть товарищъ, который меня собственно и познакомилъ съ Мозжухинымъ; съ нимъ тоже придется посчитаться.

— Ну, разумѣется,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ,—послѣ, когда дѣло выгоритъ.

Съ тѣхъ поръ Мозжухинъ и его пріиски не выходили изъ головы у Ардальонова и онъ каждый день ѣздилъ въ городъ для свиданія со своими новыми знакомыми.

Купецъ Мозжухинъ и Перепелкинъ съ его пріятелемъ составляли тріумвиратъ, имѣвшій виды на генерала и извѣстнаго дѣльца, имя котораго еще недавно гремѣло въ комерческомъ мірѣ. Мы застаемъ эту компанію въ номерѣ второстепенной гостиницы, гдѣ квартировалъ Мозжухинъ и гдѣ у него собирались дѣльцы по сибирскому дѣлу. На столѣ стояли двѣ бутылки пива и было до того накурено, что свѣжему человѣку трудно было дохнуть.

Перепелкинъ, какъ коноводъ, ораторствовалъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, въ рыжемъ парикѣ, гладко

выбритый. Онъ былъ одѣтъ въ коричневую пару, нѣсколько потертую, и носилъ очки, больше для виду, такъ какъ одинъ глазъ у него былъ испорченъ и прикрывался синимъ стекломъ. Пріятель его, по фамиліи Опахаловъ, былъ помоложе, одѣтъ франтомъ, на манеръ гостинодворскаго прикащика, и имѣлъ на пальцѣ бриллiантовый перстень, очевидно фальшивый. Всѣхъ старше и почтеннѣе казался купецъ Мозжухинъ. Онъ имѣлъ сѣдую окладистую бороду, добродушное, умное лицо и носилъ черный длиннополый сюртукъ и такія же брюки, заткнутыя въ высокіе сапоги.

— Ну, что, братъ,—допрашивалъ его Семенъ Прохоровичъ,—клюетъ?

Мозжухинъ ничего не отвѣтилъ и только сплюнулъ. Ему претили сигары, которыми дымили его товарищи; самъ онъ не курилъ и не пилъ пива, а цѣдилъ чай, наливая его изъ стакана въ блюдечко.

— А что генералъ?—спросилъ его Опахаловъ.

— Ничего, хлопочетъ.

— Ты смотри у меня, Степанъ Гавриловичъ; генералъ у насъ заправскій, такъ чтобы и дѣло было настоящее.

— Ну, вотъ еще,—сказалъ Мозжухинъ:—стану я обманывать.

— А песочекъ у тебя свой или ты купилъ его гдѣ нибудь, да изъ горсти въ карманъ и пересыпаешь?

Онъ засмѣялся, а Мозжухинъ только пожалъ плечами.

— И розсыпи у тебя есть? Ну, хоть не мудреныя какія, а все-таки есть тамъ въ Сибири?

— Что пустое болтаешь!—отвѣтилъ Степанъ Гаврииловичъ:—я тебѣ всѣ документы показывалъ.

— А деньги когда?

— Какія деньги?

— А намъ, за комиссію.

— Когда дѣло сладимъ, тогда и деньги получишь,—вмѣшался въ разговоръ Семенъ Прохоровичъ.

— А теперь нельзя ли хоть частичку?

— Жирно будетъ, подождешь.

— Генералъ когда пріѣдетъ?—спросилъ Мозжухинъ.

— Завтра обѣщалъ. Съ зятемъ все толкуетъ.

— А кто зять?

— Въ немъ-то вся и сила: богатѣющій!

— Что жь онъ денегъ не даетъ?—спросилъ опять Опахаловъ.

— Погоди,—успокоивалъ его Перепелкинъ:—торопить будешь, все дѣло испортишь.

— Подождемъ,—сказалъ его товарищъ,—только чтобъ вѣрно было. Ты смотри у меня, Степанъ Гавриловичъ, уговоръ лучше денегъ; мы комиссію впередъ получаемъ, а ты тамъ въ своемъ пескѣ ройся, сколько хочешь.

— Ладно,—отвѣчалъ съ досадой Мозжухинъ,—вѣдь сказано; чего еще толковать?

— Въ эту минуту дверь отворилась и на порогѣ показался неожиданно Николай Ивановичъ во всемъ блескѣ своего величія. Купецъ Мозжухинъ и его гости повскакали со своихъ мѣстъ. Генералъ поморщился отъ вони и дыма плохихъ сигаръ; но, рѣшивъ, что дѣловые люди такими пустяками не смущаются, присѣлъ къ столу и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Оказалось, что онъ ви-

выбритый. Онъ былъ одѣтъ въ коричневую пару, нѣсколько потертую, и носилъ очки, больше для виду, такъ какъ одинъ глазъ у него былъ испорченъ и прикрывался синимъ стекломъ. Пріятель его, по фамиліи Опахаловъ, былъ помоложе, одѣтъ франтомъ, на манеръ гостинодворскаго прикащика, и имѣлъ на пальцѣ брилліантовый перстень, очевидно фальшивый. Всѣхъ старше и почтеннѣе казался купецъ Мозжухинъ. Онъ имѣлъ сѣдую окладистую бороду, добродушное, умное лицо и носилъ черный длиннополый сюртукъ и такія же брюки, заткнутыя въ высокіе сапоги.

— Ну, что, братъ,—допрашивалъ его Семенъ Прохоровичъ,—клюетъ?

Мозжухинъ ничего не отвѣтилъ и только сплюнулъ. Ему претили сигары, которыми дымили его товарищи; самъ онъ не курилъ и не пилъ пива, а цѣдилъ чай, наливая его изъ стакана въ блюдечко.

— А что генералъ?—спросилъ его Опахаловъ.

— Ничего, хлопочетъ.

— Ты смотри у меня, Степанъ Гавриловичъ; генералъ у насъ заправскій, такъ чтобы и дѣло было настоящее.

— Ну, вотъ еще,—сказалъ Мозжухинъ:—стану я обманывать.

— А песочекъ у тебя свой или ты купилъ его гдѣ нибудь, да изъ горсти въ карманъ и пересыпаешь?

Онъ засмѣялся, а Мозжухинъ только пожалъ плечами.

— И розсыпи у тебя есть? Ну, хоть не мудреныя какія, а все-таки есть тамъ въ Сибири?

— Что пустое болтаешь!—отвѣтилъ Степанъ Гавриловичъ:—я тебѣ всѣ документы показывалъ.

— А деньги когда?

— Какія деньги?

— А намъ, за комиссію.

— Когда дѣло сладимъ, тогда и деньги получишь,—вмѣшался въ разговоръ Семенъ Прохоровичъ.

— А теперь нельзя ли хоть частичку?

— Жирно будетъ, подождешь.

— Генералъ когда пріѣдетъ?—спросилъ Мозжухинъ.

— Завтра обѣщалъ. Съ зятемъ все толкуетъ.

— А кто зять?

— Въ немъ-то вся и сила: богатѣющій!

— Что жь онъ денегъ не даетъ?—спросилъ опять Опахаловъ.

— Погоди,—успокоивалъ его Перепелкинъ:—торопить будешь, все дѣло испортишь.

— Подождемъ,—сказалъ его товарищъ,—только чтобъ вѣрно было. Ты смотри у меня, Степанъ Гавриловичъ, уговоръ лучше денегъ; мы комиссію впередъ получаемъ, а ты тамъ въ своемъ пескѣ ройся, сколько хочешь.

— Ладно,—отвѣчалъ съ досадой Мозжухинъ,—вѣдь сказано; чего еще толковать?

— Въ эту минуту дверь отворилась и на порогѣ показался неожиданно Николай Ивановичъ во всемъ блескѣ своего величія. Купецъ Мозжухинъ и его гости повскакали со своихъ мѣстъ. Генералъ поморщился отъ вони и дыма плохихъ сигаръ; но, рѣшивъ, что дѣловые люди такими пустяками не смущаются, присѣлъ къ столу и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Оказалось, что онъ ви-

дѣлся кое съ кѣмъ изъ биржевыхъ дѣятелей, что дѣло идетъ на ладъ и что товарищество сформируется, какъ только будутъ выправлены всѣ документы по золотому пріиску.

— Объ этомъ не безпокойтесь,—сказалъ Мозжухинъ,—только я хотѣлъ съ вашимъ превосходительствомъ поговорить откровенно.

— Сдѣлайте милость.

— Поиздержался я,—продолжалъ Мозжухинъ, бросивъ на докучливыхъ свидѣтелей непріязненный взглядъ, который генералъ понялъ,—задолжалъ кое-кому у насъ на мѣстѣ, да и здѣсь расходы есть. Сами знаете, безъ денегъ никуда не сунешься.

— Конечно, но деньги будутъ, какъ только образуется компанія.

— Впередъ бы надо, ваше превосходительство, хоть немного; вѣдь я свой товаръ продаю, секретъ вамъ свой выдалъ. Къ тому же расходы, поѣздка сюда и жизнь въ гостиницѣ... я человѣкъ не богатый.

— А сколько вамъ нужно? — спросилъ Ардальоновъ.

— Да тысячъ пятьдесятъ все бы нужно; безъ этого никакъ не обернуться.

— Гмъ! — Николай Ивановичъ задумался, — Такую сумму, любезнѣйшій,—сказалъ онъ,—не имѣя ничего въ рукахъ, достать нельзя.

— Какъ ничего? помилуйте, я вамъ все представилъ,—пробы, документы, планы, всего себя, такъ сказать, вамъ въ руки отдалъ.

— Такъ-то такъ, да только денегъ достать трудно.

— Похлопочите, сдѣлайте милость. Вѣдь пустого

— Что пустое болтаешь!—отвѣтилъ Степанъ Гаврииловичъ:—я тебѣ всѣ документы показывалъ.

— А деньги когда?

— Какія деньги?

— А намъ, за комиссію.

— Когда дѣло сладимъ, тогда и деньги получишь,—вмѣшался въ разговоръ Семенъ Прохоровичъ.

— А теперь нельзя ли хоть частичку?

— Жирно будетъ, подождешь.

— Генералъ когда пріѣдетъ?—спросилъ Мозжухинъ.

— Завтра обѣщалъ. Съ зятемъ все толкуетъ.

— А кто зять?

— Въ немъ-то вся и сила: богатѣющій!

— Что жь онъ денегъ не даетъ?—спросилъ опять Опахаловъ.

— Погоди,—успокоивалъ его Перепелкинъ:—торопить будешь, все дѣло испортишь.

— Подождемъ,—сказалъ его товарищъ,—только чтобъ вѣрно было. Ты смотри у меня, Степанъ Гавриловичъ, уговоръ лучше денегъ; мы комиссію впередъ получаемъ, а ты тамъ въ своемъ пескѣ ройся, сколько хочешь.

— Ладно,—отвѣчалъ съ досадой Мозжухинъ,—вѣдь сказано; чего еще толковать?

— Въ эту минуту дверь отворилась и на порогѣ показался неожиданно Николай Ивановичъ во всемъ блескѣ своего величія. Купецъ Мозжухинъ и его гости повскакали со своихъ мѣстъ. Генералъ поморщился отъ вони и дыма плохихъ сигаръ; но, рѣшивъ, что дѣловые люди такими пустяками не смущаются, присѣлъ къ столу и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Оказалось, что онъ ви-

дѣлся кое съ кѣмъ изъ биржевыхъ дѣятелей, что дѣло идетъ на ладъ и что товарищество сформируется, какъ только будутъ выправлены всѣ документы по золотому пріиску.

— Объ этомъ не безпокойтесь,—сказалъ Мозжухинъ,—только я хотѣлъ съ вашимъ превосходительствомъ поговорить откровенно.

— Сдѣлайте милость.

— Поиздержался я,—продолжалъ Мозжухинъ, бросивъ на докучливыхъ свидѣтелей непріязненный взглядъ, который генералъ понялъ,—задолжалъ кое-кому у насъ на мѣстѣ, да и здѣсь расходы есть. Сами знаете, безъ денегъ никуда не сунешься.

— Конечно, но деньги будутъ, какъ только образуется компанія.

— Впередъ бы надо, ваше превосходительство, хоть немного; вѣдь я свой товаръ продаю, секретъ вамъ свой выдалъ. Къ тому же расходы, поѣздка сюда и жизнь въ гостиницѣ... я человѣкъ не богатый.

— А сколько вамъ нужно? — спросилъ Ардальоновъ.

— Да тысячъ пятьдесятъ все бы нужно; безъ этого никакъ не обернуться.

— Гмъ! — Николай Ивановичъ задумался, — Такую сумму, любезнѣйшій,—сказалъ онъ,—не имѣя ничего въ рукахъ, достать нельзя.

— Какъ ничего? помилуйте, я вамъ все представилъ,—пробы, документы, планы, всего себя, такъ сказать, вамъ въ руки отдалъ.

— Такъ-то такъ, да только денегъ достать трудно.

— Похлопочите, сдѣлайте милость. Вѣдь пустого

прошу,—пятидесяти тысячъ; въ двѣ недѣли выработаемъ, дайте только приступить къ работамъ. Вѣдь я вамъ открылъ милліоны!

— Все это я хорошо понимаю,—сказалъ Ардальоновъ,—но безъ гарантіи денегъ не достанешь.

— Какую же вамъ гарантію, помилуйте; ну, вексель хотите? я дамъ, а вы бланкъ поставите. Неужели подъ бланкъ вашего превосходительства пятидесяти тысячъ не дадутъ?

Генералъ полагалъ, что не дадутъ, но не хотѣлъ сознаться въ этомъ и обѣщалъ подумать.

— Ужъ сдѣлайте милость, похлопочите! — повторялъ Мозжухинъ.—Вотъ и этихъ бы господъ отпустить надо,— прибавилъ онъ, указывая на комиссіонеровъ.

Ардальоновъ понялъ его благую мысль и находилъ, что хорошо бы, дѣйствительно, избавиться отъ этихъ докучливыхъ людей, совсѣмъ для дѣла ненужныхъ и крайне ему непріятныхъ, и повторилъ свое обѣщаніе похлопотать.

Тѣмъ временемъ подали закуску на подносѣ и добродушный хозяинъ сталъ подчивать своихъ гостей, предлагая имъ закусить и выпить, чѣмъ Богъ послалъ.

Но генералъ отказался. Зато другіе двое живо очистили весь подносъ и выпили всю водку. Ардальоновъ поморщился и уѣхалъ.

— Не зѣвать!—воскликнули пріятели въ одинъ голосъ, какъ только Мозжухинъ вышелъ изъ номера проводить почетнаго гостя. И, хлопнувъ другъ друга по плечу, они выпили по рюмкѣ дешевой мадеры, стоявшей на подносѣ.

VIII.

Вернувшись въ Царское, Николай Ивановичъ весь вечеръ думалъ о томъ, гдѣ ему добыть денегъ для купца Мозжухина, но ничего не могъ придумать. Старикъ нравился ему и внушалъ къ себѣ довѣріе, но компаньоны его были, очевидно, проходимцы и онъ понималъ вполнѣ желаніе почтеннаго Степана Гавриловича избавиться отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, они не только противны, но даже опасны ему, Ардальонову. Ну, какъ они разнюхаютъ, что у него нѣтъ ни денегъ, ни кредита, и обратятся къ другимъ? На такое дѣло найдется много охотниковъ. Николай Ивановичъ ужаснулся. Что, если и это дѣло урвутъ у него изъ рукъ? вѣдь это его послѣдняя надежда. Тогда всю жизнь придется вязнуть въ тинѣ.

Онъ не спалъ всю ночь, зябъ, бродилъ по комнатамъ, кутаясь въ мѣховой халатъ. Лицо его осунулось и выражало глубокую скорбь; онъ ложился, вставалъ, ложился опять, но сонъ бѣжалъ отъ него и онъ измучился въ конецъ.

— Что, еслибы убѣдить Рамезова?—разговаривалъ онъ самъ съ собою, среди ночной тишины: — онъ одинъ можетъ выручить меня. Поставилъ бы бланкъ на векселѣ и конецъ,—во всякомъ банкѣ учтутъ. Да нѣтъ, поди уговори его. Онъ отупѣлъ совсѣмъ и эгоистомъ сталъ, не то что прежде. Къ кому бы еще обратиться?—думалъ Николай Ивановичъ. Но онъ напрасно перебиралъ въ памяти всѣхъ прежнихъ друзей. Никого не было, кто бы могъ помочь ему. Кто умеръ, кто уѣхалъ, а кто и отвернулся

прошу,—пятидесяти тысячъ; въ двѣ недѣли выработаемъ, дайте только приступить къ работамъ. Вѣдь я вамъ открылъ милліоны!

— Все это я хорошо понимаю,—сказалъ Ардальоновъ,—но безъ гарантіи денегъ не достанешь.

— Какую же вамъ гарантію, помилуйте; ну, вексель хотите? я дамъ, а вы бланкъ поставите. Неужели подъ бланкъ вашего превосходительства пятидесяти тысячъ не дадутъ?

Генералъ полагалъ, что не дадутъ, но не хотѣлъ сознаться въ этомъ и обѣщалъ подумать.

— Ужъ сдѣлайте милость, похлопочите! — повторялъ Мозжухинъ.—Вотъ и этихъ бы господъ отпустить надо,—прибавилъ онъ, указывая на комиссіонеровъ.

Ардальоновъ понялъ его благую мысль и находилъ, что хорошо бы, дѣйствительно, избавиться отъ этихъ докучливыхъ людей, совсѣмъ для дѣла ненужныхъ и крайне ему непріятныхъ, и повторилъ свое обѣщаніе похлопотать.

Тѣмъ временемъ подали закуску на подносѣ и добродушный хозяинъ сталъ подчивать своихъ гостей, предлагая имъ закусить и выпить, чѣмъ Богъ послалъ.

Но генералъ отказался. Зато другіе двое живо очистили весь подносъ и выпили всю водку. Ардальоновъ поморщился и уѣхалъ.

— Не зѣвать!—воскликнули пріятели въ одинъ голосъ, какъ только Мозжухинъ вышелъ изъ номера проводить почетнаго гостя. И, хлопнувъ другъ друга по плечу, они выпили по рюмкѣ дешевой мадеры, стоявшей на подносѣ.

VIII.

Вернувшись въ Царское, Николай Ивановичъ весь вечеръ думалъ о томъ, гдѣ ему добыть денегъ для купца Мозжухина, но ничего не могъ придумать. Старикъ нравился ему и внушалъ къ себѣ довѣріе, но компаньоны его были, очевидно, проходимцы и онъ понималъ вполнѣ желаніе почтеннаго Степана Гавриловича избавиться отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, они не только противны, но даже опасны ему, Ардальонову. Ну, какъ они разнюхаютъ, что у него нѣтъ ни денегъ, ни кредита, и обратятся къ другимъ? На такое дѣло найдется много охотниковъ. Николай Ивановичъ ужаснулся. Что, если и это дѣло урвутъ у него изъ рукъ? вѣдь это его послѣдняя надежда. Тогда всю жизнь придется вязнуть въ тинѣ.

Онъ не спалъ всю ночь, зябъ, бродилъ по комнатамъ, кутаясь въ мѣховой халатъ. Лицо его осунулось и выражало глубокую скорбь; онъ ложился, вставалъ, ложился опять, но сонъ бѣжалъ отъ него и онъ измучился въ конецъ.

— Что, еслибы убѣдить Рамезова?—разговаривалъ онъ самъ съ собою, среди ночной тишины: — онъ одинъ можетъ выручить меня. Поставилъ бы бланкъ на векселѣ и конецъ,—во всякомъ банкѣ учтутъ. Да нѣтъ, поди уговори его. Онъ отупѣлъ совсѣмъ и эгоистомъ сталъ, не то что прежде. Къ кому бы еще обратиться?—думалъ Николай Ивановичъ. Но онъ напрасно перебиралъ въ памяти всѣхъ прежнихъ друзей. Никого не было, кто бы могъ помочь ему. Кто умеръ, кто уѣхалъ, а кто и отвернулся

отъ него. А вѣдь выручалъ же онъ другихъ прежде, и какъ ему тогда кланялись.

— Проклятое положеніе!—воскликнулъ онъ, бросаясь въ кресло. — Неужели все и всѣ измѣнили мнѣ и нѣтъ больше спасенія? Такъ нѣтъ же, нѣтъ, не выпущу изъ рукъ этого дѣла, лягу костями или пущу себѣ пулю въ лобъ!—Къ утру злополучный дѣлецъ задремалъ, сидя въ креслахъ, но былъ разбуженъ звонкомъ въ передней. „Кто это такъ рано"?—подумалъ онъ и позвонилъ горничную, которая доложила, что пріѣхалъ какой-то господинъ, желаетъ видѣть генерала и говоритъ, что если баринъ не всталъ, то онъ подождетъ его. Ардальоновъ приказалъ тотчасъ же просить къ себѣ въ кабинетъ ранняго гостя, который оказался Перепелкинымъ, поспѣшившимъ въ Царское съ худыми вѣстями.

— Только что вы изволили уѣхать отъ насъ вчера,— разсказывалъ онъ, повидимому, встревоженный,—какъ прискакалъ курьеръ съ нужнымъ письмомъ къ Степану Гавриловичу, которое онъ и показалъ намъ. „Вотъ, — говоритъ,—если вашъ генералъ не можетъ достать мнѣ денегъ, такъ предлагаютъ другіе надежные люди, сколько угодно, сейчасъ и деньги на столъ". Мы его стали уговаривать: „какъ можно, говоримъ, генералъ нашъ достанетъ и за что-жъ его обижать? Онъ хлопоталъ, и вдругъ не надо, къ другимъ обратились". Насилу уломали; три дня согласился ждать. Но если, ваше превосходительство, и тогда не будетъ денегъ, то ужъ извините, мы съ вами на бобахъ останемся.

Ардальоновъ съ трудомъ скрывалъ свое волненіе и ни минуты не сомнѣвался, что одноглазый Перепелкинъ го-

воритъ правду. Была ли это дѣйствительная правда, или только маневръ, чтобы подшпорить генерала, мы не знаемъ, но маневръ удался вполнѣ и Николай Ивановичъ отпустилъ комиссіонера, обѣщавъ во второмъ часу быть самъ въ городѣ у Мозжухина.—Засимъ онъ сталъ торопиться на машину, точно отъ своевременнаго прибытія къ поѣзду зависѣла вся судьба его. Онъ поспѣлъ, конечно, и съ вокзала поѣхалъ прямо къ Рамезову, взявъ карету на цѣлый день.

— Дома ли баринъ?—спросилъ онъ у швейцара, подкативъ къ подъѣзду дома, гдѣ жилъ Сергѣй Трофимовичъ.

— Дома-съ, пожалуйте,—отвѣчалъ швейцаръ.

— Ну, слава Богу.

Онъ рѣшился упросить зятя, *во что бы ни стало*, помочь ему, и не уходить отъ него, покуда не получитъ удовлетворенія.

Въ кабинетѣ у Рамезова шелъ горячій споръ. Оба собесѣдника громко говорили. Николай Ивановичъ, волнуясь и сильно жестикулируя, доказывалъ безошибочность своихъ разсчетовъ и блестящую будущность дѣла съ пріисками. Сергѣй Трофимовичъ возражалъ ему болѣе спокойно и убѣждалъ бросить эти затѣи, чтобы не попасть впросакъ.

— Слыханое ли дѣло,—говорилъ онъ,—чтобы за такими милліонами, какъ они разсказываютъ, пріѣзжали къ тебѣ въ Царское Село, да еще кто,—какіе-то заурядные комиссіонеры! Вырвали бы съ руками дѣло еще въ Сибири.

— Что-жъ я отпѣтый, что ли?—возражалъ обиженно Николай Ивановичъ,—отчего же ко мнѣ не пріѣхать?

отъ него. А вѣдь выручалъ же онъ другихъ прежде, и какъ ему тогда кланялись.

— Проклятое положеніе!—воскликнулъ онъ, бросаясь въ кресло. — Неужели все и всѣ измѣнили мнѣ и нѣтъ больше спасенія? Такъ нѣтъ же, нѣтъ, не выпущу изъ рукъ этого дѣла, лягу костями или пущу себѣ пулю въ лобъ!—Къ утру злополучный дѣлецъ задремалъ, сидя въ креслахъ, но былъ разбуженъ звонкомъ въ передней. „Кто это такъ рано“?—подумалъ онъ и позвонилъ горничную, которая доложила, что пріѣхалъ какой-то господинъ, желаетъ видѣть генерала и говоритъ, что если баринъ не всталъ, то онъ подождетъ его. Ардальоновъ приказалъ тотчасъ же просить къ себѣ въ кабинетъ ранняго гостя, который оказался Перепелкинымъ, поспѣшившимъ въ Царское съ худыми вѣстями.

— Только что вы изволили уѣхать отъ насъ вчера,— разсказывалъ онъ, повидимому, встревоженный,—какъ прискакалъ курьеръ съ нужнымъ письмомъ къ Степану Гавриловичу, которое онъ и показалъ намъ. „Вотъ, — говоритъ,—если вашъ генералъ не можетъ достать мнѣ денегъ, такъ предлагаютъ другіе надежные люди, сколько угодно, сейчасъ и деньги на столъ“. Мы его стали уговаривать: „какъ можно, говоримъ, генералъ нашъ достанетъ и за что-жъ его обижать? Онъ хлопоталъ, и вдругъ не надо, къ другимъ обратились“. Насилу уломали; три дня согласился ждать. Но если, ваше превосходительство, и тогда не будетъ денегъ, то ужъ извините, мы съ вами на бобахъ останемся.

Ардальоновъ съ трудомъ скрывалъ свое волненіе и ни минуты не сомнѣвался, что одноглазый Перепелкинъ го-

ворить правду. Была ли это дѣйствительная правда, или только маневръ, чтобы подшпорить генерала, мы не знаемъ, но маневръ удался вполнѣ и Николай Ивановичъ отпустилъ комиссіонера, обѣщавъ во второмъ часу быть самъ въ городѣ у Мозжухина.—Засимъ онъ сталъ торопиться на машину, точно отъ своевременнаго прибытія къ поѣзду зависѣла вся судьба его. Онъ поспѣлъ, конечно, и съ вокзала поѣхалъ прямо къ Рамезову, взявъ карету на цѣлый день.

— Дома ли баринъ?—спросилъ онъ у швейцара, подкативъ къ подъѣзду дома, гдѣ жилъ Сергѣй Трофимовичъ.

— Дома-съ, пожалуйте,—отвѣчалъ швейцаръ.

— Ну, слава Богу.

Онъ рѣшился упросить зятя, *во что бы ни стало*, помочь ему, и не уходить отъ него, покуда не получитъ удовлетворенія.

Въ кабинетѣ у Рамезова шелъ горячій споръ. Оба собесѣдника громко говорили. Николай Ивановичъ, волнуясь и сильно жестикулируя, доказывалъ безошибочность своихъ разсчетовъ и блестящую будущность дѣла съ пріисками. Сергѣй Трофимовичъ возражалъ ему болѣе спокойно и убѣждалъ бросить эти затѣи, чтобы не попасть впросакъ.

— Слыханое ли дѣло,—говорилъ онъ,—чтобы за такими милліонами, какъ они разсказываютъ, пріѣзжали къ тебѣ въ Царское Село, да еще кто,—какіе-то заурядные комиссіонеры! Вырвали бы съ руками дѣло еще въ Сибири.

— Что-жъ я отпѣтый, что ли?—возражалъ обиженно Николай Ивановичъ,—отчего же ко мнѣ не пріѣхать?

Слава Богу, я не одно дѣло въ своей жизни устраивалъ.

— Не спорю, другъ любезный, да только за эти дѣла не такъ берутся.

— А какъ же?

— Ты самъ знаешь какъ; что̀ мнѣ тебя учить!

Бывшій опытный дѣлецъ чувствовалъ справедливость этого замѣчанія, но онъ былъ такъ взволнованъ и въ такомъ нетерпѣніи, что уже не могъ разсуждать спокойно. Къ тому же дѣло съ пріискомъ было у него одно, другихъ давно не было и не предвидѣлось, и мысль упустить это дѣло изъ рукъ казалась ему невыносимой.

— Покуда мы тутъ разсуждаемъ, — воскликнулъ онъ запальчиво,—дѣло вырвутъ у насъ; ужъ есть охотники,— и онъ разсказалъ эпизодъ съ письмомъ, полученнымъ Мозжухинымъ.

— Пустое!—старался его отрезвить Рамезовъ,—денегъ зря никто не дастъ, въ особенности такую сумму. Ты говоришь: пятьдесятъ тысячъ?

— Да.

— Ну, имъ эти пятьдесятъ тысячъ только и нужны. Заполучатъ и пиши пропало; что́ съ нихъ возьмешь?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, какой ты, право. Я самъ видѣлъ своими глазами.

— Что ты видѣлъ?

— Все: документы, планы земли, заявку, сдѣланную мѣстному начальству, золотой песокъ, все видѣлъ.

— А на мѣстѣ былъ?

— Конечно, нѣтъ; куда жъ это въ Сибирь ѣхать? послѣ поѣдемъ, когда дѣло устроится.

— Нѣтъ, надо было раньше ѣхать или послать надежнаго человѣка, и когда все на мѣстѣ подтвердится, тогда ужъ браться за дѣло.

— Чудакъ ты! на все это нужны деньги, вотъ и просять 50,000 на предварительные расходы. Сумма не богъ знаетъ какая для такого крупнаго дѣла.

— Какъ для кого? Для насъ съ тобою очень большая.

— Сергѣй Трофимовичъ, помоги мнѣ ради Господа Бога: это послѣдній шансъ въ моей жизни!

— Перестань, пожалуйста. Мало ли дѣлъ на свѣтѣ, только поскромнѣе и повѣрнѣе.

— Благодарю тебя за твои скромныя дѣла! Трудъ все тотъ же, а на сапоги не заработаешь.

— Ты всегда такъ. Въ погонѣ за милліонами тысячи теряешь.

Но Ардальоновъ опять сталъ просить его.

— Да чего ты отъ меня хочешь?

— Дай денегъ или поставь бланкъ на векселѣ, я тоже поставлю, и мы учтемъ вексель въ банкѣ.

— Только тебѣ заплатить нечѣмъ, а съ меня взыщутъ.

— Такъ ты не хочешь?

— Не хочу.

— Послушай, я привезу къ тебѣ Мозжухина; онъ самъ тебѣ все разскажетъ и покажетъ. Онъ же и вексель подпишетъ, а мы съ тобой бланки поставимъ.

— Не нужно мнѣ никакого Мозжухина, ни его векселей; оставь меня въ покоѣ. И что я за Крезъ такой въ самомъ дѣлѣ, что всѣ у меня денегъ просятъ? Откуда я возьму? Да и всѣмъ давать,—самъ безъ штановъ останешься.

Слава Богу, я не одно дѣло въ своей жизни устраивалъ.

— Не спорю, другъ любезный, да только за эти дѣла не такъ берутся.

— А какъ же?

— Ты самъ знаешь какъ; что̀ мнѣ тебя учить!

Бывшій опытный дѣлецъ чувствовалъ справедливость этого замѣчанія, но онъ былъ такъ взволнованъ и въ такомъ нетерпѣніи, что уже не могъ разсуждать спокойно. Къ тому же дѣло съ пріискомъ было у него одно, другихъ давно не было и не предвидѣлось, и мысль упустить это дѣло изъ рукъ казалась ему невыносимой.

— Покуда мы тутъ разсуждаемъ, — воскликнулъ онъ запальчиво,—дѣло вырвутъ у насъ; ужъ есть охотники,— и онъ разсказалъ эпизодъ съ письмомъ, полученнымъ Мозжухинымъ.

— Пустое!—старался его отрезвить Рамезовъ,—денегъ зря никто не дастъ, въ особенности такую сумму. Ты говоришь: пятьдесятъ тысячъ?

— Да.

— Ну, имъ эти пятьдесятъ тысячъ только и нужны. Заполучатъ и пиши пропало; что́ съ нихъ возьмешь?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, какой ты, право. Я самъ видѣлъ своими глазами.

— Что ты видѣлъ?

— Все: документы, планы земли, заявку, сдѣланную мѣстному начальству, золотой песокъ, все видѣлъ.

— А на мѣстѣ былъ?

— Конечно, нѣтъ; куда жъ это въ Сибирь ѣхать? послѣ поѣдемъ, когда дѣло устроится.

— Нѣтъ, надо было раньше ѣхать или послать надежнаго человѣка, и когда все на мѣстѣ подтвердится, тогда ужъ браться за дѣло.

— Чудакъ ты! на все это нужны деньги, вотъ и просить 50,000 на предварительные расходы. Сумма не богъ знаетъ какая для такого крупнаго дѣла.

— Какъ для кого? Для насъ съ тобою очень большая.

— Сергѣй Трофимовичъ, помоги мнѣ ради Господа Бога: это послѣдній шансъ въ моей жизни!

— Перестань, пожалуйста. Мало ли дѣлъ на свѣтѣ, только поскромнѣе и повѣрнѣе.

— Благодарю тебя за твои скромныя дѣла! Трудъ все тотъ же, а на сапоги не заработаешь.

— Ты всегда такъ. Въ погонѣ за милліонами тысячи теряешь.

Но Ардальоновъ опять сталъ просить его.

— Да чего ты отъ меня хочешь?

— Дай денегъ или поставь бланкъ на векселѣ, я тоже поставлю, и мы учтемъ вексель въ банкѣ.

— Только тебѣ заплатить нечѣмъ, а съ меня взыщутъ.

— Такъ ты не хочешь?

— Не хочу.

— Послушай, я привезу къ тебѣ Мозжухина; онъ самъ тебѣ все разскажетъ и покажетъ. Онъ же и вексель подпишетъ, а мы съ тобой бланки поставимъ.

— Не нужно мнѣ никакого Мозжухина, ни его векселей; оставь меня въ покоѣ. И что я за Крезъ такой въ самомъ дѣлѣ, что всѣ у меня денегъ просятъ? Откуда я возьму? Да и всѣмъ давать,—самъ безъ штановъ останешься.

— Я не *всѣ*, Сергѣй Трофимовичъ, я отецъ твоей жены и твой старый пріятель.

— Я и помогалъ тебѣ довольно.

— Чтобы отдать тебѣ старый долгъ, я и хлопочу теперь.

— Не хлопочи, пожалуйста; я не разъ говорилъ тебѣ, что старыхъ долговъ не требую; ты не дѣлай только новыхъ.

— Такъ не дашь? Ну, хоть половину, дай—25,000. Я обернусь какъ нибудь.

— Не дамъ ни гроша.

— И бланка не поставишь на векселѣ?

— Не поставлю.

— Смотри же, если случится бѣда, ты отвѣчать будешь.

— Какая бѣда?

— Я пулю себѣ въ лобъ пущу.

— И глупъ будешь.

Ардальоновъ повернулся и вышелъ изъ кабинета, но въ гостиной его перехватила Анна.

— Папа, голубчикъ,—сказала она, обнимая его,—если тебѣ денегъ нужно, на вотъ возьми пятьсотъ рублей.

— Пятьсотъ рублей!—воскликнулъ Николай Ивановичъ,—ха, ха! мнѣ 50,000 нужно!—И схватившись за голову, онъ выбѣжалъ изъ комнаты въ полномъ отчаяніи.

По странному противорѣчію и самъ не сознавая, что онъ дѣлаетъ, Ардальоновъ прямо отъ Рамезова поѣхалъ къ Мозжухину и, заставъ его одного безъ компаньоновъ, объявилъ, что деньги готовы, что, можно писать векселя,

а онъ поставитъ на нихъ бланки и учтетъ въ знакомомъ кредитномъ учрежденіи.

Степанъ Гавриловичъ чуть не подпрыгнулъ отъ радости и расцѣловался съ генераломъ. Тотчасъ послали за вексельной бумагой и Мозжухинъ, опытной рукой, написалъ и подписалъ три векселя: два по 20,000 и одинъ въ 10,000. Когда же онъ спрашивалъ, на чье имя писать векселя, то Николай Ивановичъ продиктовалъ ему чинъ, имя и фамилію своего зятя. „Это свой человѣкъ,—пояснилъ онъ,—и поставитъ бланкъ для меня; я же поставлю второй бланкъ и дѣло будетъ кончено“.

Ардальоновъ зналъ, что онъ лжетъ немилосердно, но былъ въ какомъ-то чаду и зашелъ такъ далеко, что сознаться въ своей лжи уже считалъ невозможнымъ. Положивъ векселя въ карманъ, онъ предложилъ Мозжухину— выдать ему росписку въ томъ, что получилъ отъ него векселя ня 50,000 для учета въ банкѣ, но Мозжухинъ не принялъ росписки.

— Помилуйте, ваше превосходительство, мы вамъ вѣримъ. Неужели не понимаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло?

Онъ сталъ опять потчивать закуской, но генералъ отказался, боясь встрѣтиться съ Перепелкинымъ и его пріятелемъ. Онъ уѣхалъ, расцѣловавшись еще разъ со Степаномъ Гавриловичемъ и обѣщавъ ему привезти на дняхъ деньги.

— Подождемъ, ваше превосходительство,—говорилъ Мозжухинъ, провожая его на лѣстницу,—благодарю васъ искренно. А какъ денежки привезете, сейчасъ и условіе напишемъ, чтобы все было въ порядкѣ.

Отъ Мозжухина Ардальоновъ поѣхалъ въ Милютины

— Я не *всѣ*, Сергѣй Трофимовичъ, я отецъ твоей жены и твой старый пріятель.

— Я и помогалъ тебѣ довольно.

— Чтобы отдать тебѣ старый долгъ, я и хлопочу теперь.

— Не хлопочи, пожалуйста; я не разъ говорилъ тебѣ, что старыхъ долговъ не требую; ты не дѣлай только новыхъ.

— Такъ не дашь? Ну, хоть половину, дай—25,000. Я обернусь какъ нибудь.

— Не дамъ ни гроша.

— И бланка не поставишь на векселѣ?

— Не поставлю.

— Смотри же, если случится бѣда, ты отвѣчать будешь.

— Какая бѣда?

— Я пулю себѣ въ лобъ пущу.

— И глупъ будешь.

Ардальоновъ повернулся и вышелъ изъ кабинета, но въ гостиной его перехватила Анна.

— Папа, голубчикъ,—сказала она, обнимая его,—если тебѣ денегъ нужно, на вотъ возьми пятьсотъ рублей.

— Пятьсотъ рублей!—воскликнулъ Николай Ивановичъ,—ха, ха! мнѣ 50,000 нужно!—И схватившись за голову, онъ выбѣжалъ изъ комнаты въ полномъ отчаяніи.

По странному противорѣчію и самъ не сознавая, что онъ дѣлаетъ, Ардальоновъ прямо отъ Рамезова поѣхалъ къ Мозжухину и, заставъ его одного безъ компаньоновъ, объявилъ, что деньги готовы, что, можно писать векселя,

а онъ поставитъ на нихъ бланки и учтетъ въ знакомомъ кредитномъ учрежденіи.

Степанъ Гавриловичъ чуть не подпрыгнулъ отъ радости и расцѣловался съ генераломъ. Тотчасъ послали за вексельной бумагой и Мозжухинъ, опытной рукой, написалъ и подписалъ три векселя: два по 20,000 и одинъ въ 10,000. Когда же онъ спрашивалъ, на чье имя писать векселя, то Николай Ивановичъ продиктовалъ ему чинъ, имя и фамилію своего зятя. „Это свой человѣкъ,—пояснилъ онъ,—и поставитъ бланкъ для меня; я же поставлю второй бланкъ и дѣло будетъ кончено".

Ардальоновъ зналъ, что онъ лжетъ немилосердно, но былъ въ какомъ-то чаду и зашелъ такъ далеко, что сознаться въ своей лжи уже считалъ невозможнымъ. Положивъ векселя въ карманъ, онъ предложилъ Мозжухину—выдать ему росписку въ томъ, что получилъ отъ него векселя ня 50,000 для учета въ банкѣ, но Мозжухинъ не принялъ росписки.

— Помилуйте, ваше превосходительство, мы вамъ вѣримъ. Неужели не понимаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло?

Онъ сталъ опять потчивать закуской, но генералъ отказался, боясь встрѣтиться съ Перепелкинымъ и его пріятелемъ. Онъ уѣхалъ, расцѣловавшись еще разъ со Степаномъ Гавриловичемъ и обѣщавъ ему привезти на дняхъ деньги.

— Подождемъ, ваше превосходительство,—говорилъ Мозжухинъ, провожая его на лѣстницу,—благодарю васъ искренно. А какъ денежки привезете, сейчасъ и условіе напишемъ, чтобы все было въ порядкѣ.

Отъ Мозжухина Ардальоновъ поѣхалъ въ Милютины

лавки, гдѣ съѣлъ два десятка устрицъ и выпилъ вина. Оттуда онъ заѣхалъ еще куда-то, но не помнилъ самъ, гдѣ былъ и съ кѣмъ видѣлся въ этотъ день послѣ Мозжухина. Вообще онъ дѣйствовалъ, какъ въ угарѣ, и не давалъ себѣ яснаго отчета, какимъ образомъ онъ вывернется изъ всей этой путаницы.

Вернувшись въ Царское, онъ отказался отъ обѣда и прилегъ въ кабинетѣ на диванъ, жалуясь, что у него трещитъ голова.

Въ полночь, въ улицѣ, гдѣ жили Ардальоновы, была мертвая тишина. Фонари еще горѣли, но въ домахъ огни погасли и свѣтилось одно только окно въ кабинетѣ у Николая Ивановича. Онъ ходилъ по мягкому ковру, въ туфляхъ и халатѣ. Боль въ головѣ немного отлегла, но онъ былъ желтъ и блѣденъ, точно перенесъ тяжелую болѣзнь. На столѣ стояла лампа съ широкимъ абажуромъ, ярко освѣщая зеленое сукно, разныя бумаги и векселя, подписанные купцомъ Мозжухинымъ.

Онъ покосился на нихъ и заперъ на ключъ дверь своего кабинета.

— Что я буду дѣлать съ этими проклятыми векселями?—спрашивалъ онъ самъ себя, продолжая шагать по ковру и теряя по временамъ туфлю, которую опять надѣвалъ на ногу.—Сжечь ихъ развѣ въ каминѣ? нельзя, надо возвратить векселедателю. Зачѣмъ я взялъ эту дрянь и обѣщалъ достать деньги? Какъ это было безразсудно и неужели я въ самомъ дѣлѣ надѣялся еще уговорить Сергѣя? Нѣтъ, его не убѣдишь ничѣмъ и придется воз-

вратить эти тряпки, только уплативъ за нихъ стоимость бумаги. Какъ это глупо! я дѣйствовалъ, какъ сумашедшій, и что я скажу Мозжухину, такъ рѣшительно обнадеживъ его? Что я передумалъ и въ дѣло не пойду; но чего же я думалъ раньше? Или сказать, что въ банкѣ отказали въ учетѣ векселей; но это значитъ сознаться въ собственной несостоятельности и уронить кредитъ не только свой, но и зятя. Что же дѣлать?—повторялъ онъ, путаясь въ мысляхъ и теряя голову.—Поставить свой бланкъ? но это не поможетъ; подъ мой бланкъ не дадутъ ни гроша, да и нельзя, — векселя написаны на имя Сергѣя и его бланкъ долженъ быть первымъ. Боже, какую путаницу я надѣлалъ?

Онъ все ходилъ по комнатѣ и мучился одною мыслью, упорно преслѣдовавшею его съ утра, съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ отъ Рамезова.—Что если поставить за него бланкъ? Это будетъ подлогъ, уголовное преступленіе! Но кто же подыметъ дѣло? вѣдь Рамезовъ—зять, мужъ его дочери. Анна не допуститъ до этого. Да и къ чему подымать скандалъ и срамить всю семью? Нѣтъ, онъ этого не сдѣлаетъ, не такой человѣкъ, тѣмъ болѣе, что векселя будутъ погашены раньше срока. Съ весны начнется промывка золота и въ мѣсяцъ какой нибудь легко можно будетъ погасить вексель Сергѣя. О чемъ же ему тогда тревожиться? Ну, покричитъ, поругается, но если его платить не заставятъ, то успокоится очень скоро. А векселя учесть въ банкѣ—шуточное дѣло,—убѣждалъ онъ самъ себя.

Къ числу талантовъ Ардальонова принадлежало мастерство подписываться подъ чужія руки, и онъ щеголялъ

лавки, гдѣ съѣлъ два десятка устрицъ и выпилъ вина. Оттуда онъ заѣхалъ еще куда-то, но не помнилъ самъ, гдѣ былъ и съ кѣмъ видѣлся въ этотъ день послѣ Мозжухина. Вообще онъ дѣйствовалъ, какъ въ угарѣ, и не давалъ себѣ яснаго отчета, какимъ образомъ онъ вывернется изъ всей этой путаницы.

Вернувшись въ Царское, онъ отказался отъ обѣда и прилегъ въ кабинетѣ на диванъ, жалуясь, что у него трещитъ голова.

Въ полночь, въ улицѣ, гдѣ жили Ардальоновы, была мертвая тишина. Фонари еще горѣли, но въ домахъ огни погасли и свѣтилось одно только окно въ кабинетѣ у Николая Ивановича. Онъ ходилъ по мягкому ковру, въ туфляхъ и халатѣ. Боль въ головѣ немного отлегла, но онъ былъ желтъ и блѣденъ, точно перенесъ тяжелую болѣзнь. На столѣ стояла лампа съ широкимъ абажуромъ, ярко освѣщая зеленое сукно, разныя бумаги и векселя, подписанные купцомъ Мозжукинымъ.

Онъ покосился на нихъ и заперъ на ключъ дверь своего кабинета.

— Что я буду дѣлать съ этими проклятыми векселями?—спрашивалъ онъ самъ себя, продолжая шагать по ковру и теряя по временамъ туфлю, которую опять надѣвалъ на ногу.—Сжечь ихъ развѣ въ каминѣ? нельзя, надо возвратить векселедателю. Зачѣмъ я взялъ эту дрянь и обѣщалъ достать деньги? Какъ это было безразсудно и неужели я въ самомъ дѣлѣ надѣялся еще уговорить Сергѣя? Нѣтъ, его не убѣдишь ничѣмъ и придется воз-

вратить эти тряпки, только уплативъ за нихъ стоимость бумаги. Какъ это глупо! я дѣйствовалъ, какъ сумасшедшій, и что я скажу Мозжухину, такъ рѣшительно обнадеживъ его? Что я передумалъ и въ дѣло не пойду; но чего же я думалъ раньше? Или сказать, что въ банкѣ отказали въ учетѣ векселей; но это значитъ сознаться въ собственной несостоятельности и уронить кредитъ не только свой, но и зятя. Что же дѣлать?—повторялъ онъ, путаясь въ мысляхъ и теряя голову.—Поставить свой бланкъ? не это не поможетъ; подъ мой бланкъ не дадутъ ни гроша, да и нельзя, — векселя написаны на имя Сергѣя и его бланкъ долженъ быть первымъ. Боже, какую путаницу я надѣлалъ?

Онъ все ходилъ по комнатѣ и мучился одною мыслью, упорно преслѣдовавшею его съ утра, съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ отъ Рамезова.—Что если поставить за него бланкъ? Это будетъ подлогъ, уголовное преступленіе! Но кто же подыметъ дѣло? вѣдь Рамезовъ—зять, мужъ его дочери. Анна не допуститъ до этого. Да и къ чему подымать скандалъ и срамить всю семью? Нѣтъ, онъ этого не сдѣлаетъ, не такой человѣкъ, тѣмъ болѣе, что векселя будутъ погашены раньше срока. Съ весны начнется промывка золота и въ мѣсяцъ какой нибудь легко можно будетъ погасить вексель Сергѣя. О чемъ же ему тогда тревожиться? Ну, покричитъ, поругается, но если его платить не заставятъ, то успокоится очень скоро. А векселя учесть въ банкѣ—шуточное дѣло,—убѣждалъ онъ самъ себя.

Къ числу талантовъ Ардальонова принадлежало мастерство подписываться подъ чужія руки, и онъ щеголялъ

этимъ, предлагая въ шутку пріятелямъ отличить ихъ собственную подпись отъ поддѣланной имъ,—и они часто ошибались.

— Вотъ пригодилось же мнѣ это искусство,—подумалъ онъ.—Пойду въ Сибирь за чужую подпись, какъ въ шутку предсказывали мнѣ пріятели, да только не въ ссылку, а золото добывать и богатѣть. Конечно, и Сергѣю удѣлимъ жирный кушъ, пускай не плачется.

Николай Ивановичъ взялъ листъ бѣлой бумаги и бойко черкнулъ на немъ: „отставной статскій совѣтникъ Сергѣй Трофимовичъ Рамезовъ".

— Ловко,—сказалъ онъ, поглядѣвъ на надпись,—ну-ка откажись отъ нея; кто повѣритъ? Самые опытные эксперты, и тѣ не отличатъ.

Затѣмъ онъ сталъ обсуждать, какъ это дѣло устроить въ банкѣ.

— Да очень просто,—рѣшилъ онъ. — Подпись Рамезова всѣмъ извѣстна и никто не усумнится въ ней; я поставлю второй бланкъ и получу деньги. Меня тоже хорошо знаютъ въ банкѣ. Всѣ подумаютъ, что зять хотѣлъ услужить тестю и никто и разговаривать не станетъ. А если Сергѣй узнаетъ какъ нибудь, что бланкъ его принятъ къ учету, то вѣдь онъ переговоритъ прежде со мною, надѣюсь, и не подниметъ сразу скандала,—это невѣроятно! Ну, мы его умаслимъ потомъ, а—главное—деньги по векселямъ уплатимъ; чего жъ ему больше, вѣдь не казнить же ему меня въ самомъ дѣлѣ!

Онъ подсѣлъ къ столу и пододвинулъ къ себѣ векселя.

— Ну, была не была, подписывай, тамъ завтра еще

посмотримъ; вѣдь и съ бланками можно векселя надорвать и возвратить векселедателю.

Онъ откинулся на спинку кресла.

„А если выгоритъ, и я опять разбогатѣю". Ему померещились рысаки, Léonie, которую онъ вернетъ изъ Парижа, свой домъ на набережной...

Онъ обмакнулъ перо въ чернильницу, но какой-то шорохъ послышался за дверью и онъ въ испугѣ отскочилъ. Дежурная машина свистнула вдали и жалобный вой ея протянулся въ воздухѣ. Ардальоновъ осторожно прiотворилъ дверь, но никого тамъ не было. Ему померещилось.

Онъ опять сѣлъ за столъ и старательно подписалъ всѣ три векселя, тотчасъ же заперъ ихъ въ письменный столъ и положилъ ключъ въ карманъ халата. Черезъ нѣсколько минутъ онъ лежалъ въ постели, плотно закутавшись одѣяломъ, и, утомленный подвигами тревожнаго дня, крѣпко уснулъ до утра.

Черезъ нѣсколько дней, Сергѣй Трофимовичъ Рамезовъ, не подозрѣвая ничего худого, поѣхалъ по своимъ дѣламъ въ банкъ, гдѣ у него былъ текущiй счетъ и капиталы на храненiи. Директора банка были всѣ ему знакомы и одинъ изъ нихъ, встрѣтивъ его въ отдѣленiи банка, пригласилъ въ директорскiй кабинетъ, гдѣ усадилъ на диванъ, какъ почетнаго гостя.

Разговаривая о разныхъ разностяхъ, о курсахъ на биржѣ, о неожиданномъ паденiи какихъ-то акцiй и о другихъ предметахъ, директоръ вдругъ вспомнилъ что-то.

— Ахъ, да, — Сергѣй Трофимовичъ: — мы ваши векселя учли.

— Какіе векселя?

— Вотъ что значитъ быть богатымъ. Не помните даже, какъ бланки свои на векселяхъ поставили? Ну, да это вы для тестя, конечно, а не для себя, потому и забыли. Бѣдный Николай Ивановичъ, онъ и свой бланкъ поставилъ, но мы вашу подпись учли, разумѣется, а не его. Вы понимаете?

Рамезовъ ничего не понималъ. Онъ поблѣднѣлъ, предчувствуя бѣду, но во-время сдержался и сталъ осторожно выспрашивать у директора о подробностяхъ дѣла.

— Да, я теперь припоминаю, — поправился онъ, — Ардальоновъ просилъ меня поставить бланки на векселяхъ и я не хотѣлъ ему отказать, въ виду его критическаго положенія.

— Конечно, — отвѣчалъ директоръ, — мы такъ и думали. Бѣдный Николай Ивановичъ, жаль его, право.

— А векселя чьи, я забылъ фамилію векселедателя?

— Купецъ какой-то изъ Сибири, золотопромышленникъ, по фамиліи Мозжухинъ. Намъ и его Николай Ивановичъ представлялъ, какъ компаньона. Впрочемъ, говорятъ, дѣло хорошее и пріиски богатые. Ну, мы порадовались за Николая Ивановича. Пора ему поправиться. Дай Богъ! хорошій человѣкъ.

— А деньги вы кому уплатили? — спросилъ, едва удерживая себя, Рамезовъ, — сколько тамъ было всего?..

— Пятьдесятъ тысячъ, за удержаніемъ процентовъ, — подтвердилъ директоръ.

— И Вы ихъ Ардальонову всѣ на руки отдали?

— Ну, да, конечно. Вы наши порядки знаете; его былъ последній бланкъ, ему и деньги выдали.

Ударъ былъ нанесенъ неожиданно и прямо въ голову. Но Сергѣй Трофимовичъ, какъ человѣкъ бывалый, съумѣлъ совладать съ собою, не компрометируя пока никого. Онъ сталъ прощаться съ директоромъ, который, провожая его до лѣстницы, усердно пожималъ ему руки и все толковалъ о тестѣ, радуясь, что онъ опять имѣетъ шансы поправиться.

Но Рамезовъ не слушалъ его. Онъ сбѣжалъ съ лѣстницы, не смотря на свой ревматизмъ, и бросился въ сани.

— Домой!—крикнулъ онъ кучеру. У подъѣзда своего дома онъ вызвалъ швейцара, не выходя изъ саней, и спросилъ его, не пріѣзжалъ ли вчера или сегодня генералъ Ардальоновъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчалъ швейцаръ.

— А барыня дома?

— Въ Царское изволили уѣхать.

— Пошелъ на машину, да живо, а то опоздаемъ. — Но кучеръ примчалъ его во-время, и Сергѣй Трофимовичъ попалъ въ вагонъ за минуту до третьяго звонка.

Николай Ивановичъ не спалъ всю ночь и былъ боленъ. Онъ сидѣлъ, съежившись, въ мѣховомъ халатѣ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Анна, пріѣхавшая изъ Петербурга съ предъидущимъ поѣздомъ, только что вышла отъ отца и прошла на верхъ къ матери.

Въ это время дверь въ кабинетъ съ шумомъ распахнулась и на порогѣ остановился Рамезовъ. Николай Ивановичъ вскочилъ и пошелъ къ нему на встрѣчу. Они со-

— Ахъ, да, — Сергѣй Трофимовичъ: — мы ваши векселя учли.

— Какіе векселя?

— Вотъ что значитъ быть богатымъ. Не помните даже, какъ бланки свои на векселяхъ поставили? Ну, да это вы для тестя, конечно, а не для себя, потому и забыли. Бѣдный Николай Ивановичъ, онъ и свой бланкъ поставилъ, но мы вашу подпись учли, разумѣется, а не его. Вы понимаете?

Рамезовъ ничего не понималъ. Онъ поблѣднѣлъ, предчувствуя бѣду, но во-время сдержался и сталъ осторожно выспрашивать у директора о подробностяхъ дѣла.

— Да, я теперь припоминаю, — поправился онъ, — Ардальоновъ просилъ меня поставить бланки на векселяхъ и я не хотѣлъ ему отказать, въ виду его критическаго положенія.

— Конечно, — отвѣчалъ директоръ, — мы такъ и думали. Бѣдный Николай Ивановичъ, жаль его, право.

— А векселя чьи, я забылъ фамилію векселедателя?

— Купецъ какой-то изъ Сибири, золотопромышленникъ, по фамиліи Мозжухинъ. Намъ и его Николай Ивановичъ представлялъ, какъ компаньона. Впрочемъ, говорятъ, дѣло хорошее и пріиски богатые. Ну, мы порадовались за Николая Ивановича. Пора ему поправиться. Дай Богъ! хорошій человѣкъ.

— А деньги вы кому уплатили? — спросилъ, едва удерживая себя, Рамезовъ, — сколько тамъ было всего?..

— Пятьдесятъ тысячъ, за удержаніемъ процентовъ, — подтвердилъ директоръ.

— И Вы ихъ Ардальонову всѣ на руки отдали?

— Ну, да, конечно. Вы наши порядки знаете; его былъ послѣдній бланкъ, ему и деньги выдали.

Ударъ былъ нанесенъ неожиданно и прямо въ голову. Но Сергѣй Трофимовичъ, какъ человѣкъ бывалый, съумѣлъ совладать съ собою, не компрометируя пока никого. Онъ сталъ прощаться съ директоромъ, который, провожая его до лѣстницы, усердно пожималъ ему руки и все толковалъ о тестѣ, радуясь, что онъ опять имѣетъ шансы поправиться.

Но Рамезовъ не слушалъ его. Онъ сбѣжалъ съ лѣстницы, не смотря на свой ревматизмъ, и бросился въ сани.

— Домой!—крикнулъ онъ кучеру. У подъѣзда своего дома онъ вызвалъ швейцара, не выходя изъ саней, и спросилъ его, не пріѣзжалъ ли вчера или сегодня генералъ Ардальоновъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчалъ швейцаръ.

— А барыня дома?

— Въ Царское изволили уѣхать.

— Пошелъ на машину, да живо, а то опоздаемъ. — Но кучеръ примчалъ его во-время, и Сергѣй Трофимовичъ попалъ въ вагонъ за минуту до третьяго звонка.

Николай Ивановичъ не спалъ всю ночь и былъ боленъ. Онъ сидѣлъ, съежившись, въ мѣховомъ халатѣ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Анна, пріѣхавшая изъ Петербурга съ предъидущимъ поѣздомъ, только что вышла отъ отца и прошла на верхъ къ матери.

Въ это время дверь въ кабинетъ съ шумомъ распахнулась и на порогѣ остановился Рамезовъ. Николай Ивановичъ вскочилъ и пошелъ къ нему на встрѣчу. Они со-

шлись на срединѣ комнаты и прямо глядѣли другъ другу въ глаза. Николай Ивановичъ былъ блѣденъ, но Рамезовъ еще блѣднѣе его. Онъ задыхался отъ гнѣва и лицо его было искажено злобой.

— А, такъ вотъ ты на какія дѣла пошелъ! — проговорилъ онъ съ трудомъ.

— Сергѣй, ради Бога выслушай меня.

— Гдѣ деньги, которыя ты укралъ? подавай ихъ.

— У меня ихъ нѣтъ; ты знаешь, я не для себя бралъ.

— А, вотъ какъ! И ты думалъ, что я смолчу и не подыму скандала? Нѣтъ, другъ любезный, ошибся. Я донесу прокурору и завтра же тебя арестуютъ.

— Сергѣй, ради Бога, не кричи.

— Нѣтъ, буду кричать, осрамлю тебя на весь свѣтъ.

— Послушай!

— Нечего мнѣ слушать, всему есть предѣлъ. Ты на милліонъ поддѣлаешь векселей и пустишь меня по міру.

— Сергѣй Трофимовичъ, опомнись, что ты говоришь?

— Я правду говорю; если ты разъ пошелъ на такое дѣло, поставилъ фальшивый бланкъ за меня на векселѣ ты и дальше пойдешь по тому же пути. Ты — грязный, подлый человѣкъ, готовый на все за деньги!

— Молчи, какъ ты смѣешь? — воскликнулъ Николай Ивановичъ, побагровѣвъ.

Но Рамезовъ уже не помнилъ себя. Онъ схватилъ тестя за плечи и сталъ трясти его.

— Подъ судъ, подъ судъ!—кричалъ онъ громко,—въ Сибирь упеку!

Въ эту минуту, его самого кто-то схватилъ за плечи

и отодвинулъ въ сторону. Между нимъ и отцомъ стала Анна. Она сошла внизъ, узнавъ, что мужъ пріѣхалъ вслѣдъ за нею въ Царское, и слышала весь разговоръ его съ отцомъ черезъ отворенную дверь кабинета.

— Это я поставила бланкъ за тебя на векселѣ, — произнесла она громко: — я, твоя жена, суди меня!

Отецъ схватилъ ее крѣпко за руку, сдѣлалъ шагъ впередъ и хотѣлъ сказать что-то, но, какъ снопъ, повалился навзничь, стукнувшись затылкомъ объ полъ.

Къ нему бросились на помощь, стали лить на него холодную воду, послали за докторомъ. Но ужъ было поздно. Старикъ умеръ внезапно отъ разрыва сердца, и никакіе доктора въ мірѣ не могли помочь ему.

VIV.

Ардальонова похоронили съ почетомъ. Гробъ везли шестерикомъ, подъ балдахиномъ съ перьями. Впереди несли ордена, шло духовенство и пѣлъ стройный хоръ пѣвчихъ. Много народа провожало его съ вокзала Царскосельской дороги до его послѣдняго жилища — на кладбищѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. На могилѣ кто-то сказалъ рѣчь и въ газетахъ появился некрологъ о покойномъ, восхвалявшій его, какъ общественнаго дѣятеля, человѣка и семьянина. Много было пролито слезъ на его могилѣ, но всѣхъ горьче плакалъ сынъ его Мишель, прискакавшій на похороны отца въ Петербургъ. Гробъ былъ опущенъ въ землю, зарытъ и засыпанъ цвѣтами. Всѣ разошлись и Николай Ивановичъ остался лежать одинъ въ

шлись на срединѣ комнаты и прямо глядѣли другъ другу въ глаза. Николай Ивановичъ былъ блѣденъ, но Рамезовъ еще блѣднѣе его. Онъ задыхался отъ гнѣва и лицо его было искажено злобой.

— А, такъ вотъ ты на какія дѣла пошелъ! — проговорилъ онъ съ трудомъ.

— Сергѣй, ради Бога выслушай меня.

— Гдѣ деньги, которыя ты укралъ? подавай ихъ.

— У меня ихъ нѣтъ; ты знаешь, я не для себя бралъ.

— А, вотъ какъ! И ты думалъ, что я смолчу и не подыму скандала? Нѣтъ, другъ любезный, ошибся. Я донесу прокурору и завтра же тебя арестуютъ.

— Сергѣй, ради Бога, не кричи.

— Нѣтъ, буду кричать, осрамлю тебя на весь свѣтъ.

— Послушай!

— Нечего мнѣ слушать, всему есть предѣлъ. Ты на милліонъ поддѣлаешь векселей и пустишь меня по міру.

— Сергѣй Трофимовичъ, опомнись, что ты говоришь?

— Я правду говорю; если ты разъ пошелъ на такое дѣло, поставилъ фальшивый бланкъ за меня на векселѣ ты и дальше пойдешь по тому же пути. Ты — грязный, подлый человѣкъ, готовый на все за деньги!

— Молчи, какъ ты смѣешь? — воскликнулъ Николай Ивановичъ, побагровѣвъ.

Но Рамезовъ уже не помнилъ себя. Онъ схватилъ тестя за плечи и сталъ трясти его.

— Подъ судъ, подъ судъ!—кричалъ онъ громко,—въ Сибирь упеку!

Въ эту минуту, его самого кто-то схватилъ за плечи

и отодвинулъ въ сторону. Между нимъ и отцомъ стала Анна. Она сошла внизъ, узнавъ, что мужъ пріѣхалъ вслѣдъ за нею въ Царское, и слышала весь разговоръ его съ отцомъ черезъ отворенную дверь кабинета.

— Это я поставила бланкъ за тебя на векселѣ, — произнесла она громко:—я, твоя жена, суди меня!

Отецъ схватилъ ее крѣпко за руку, сдѣлалъ шагъ впередъ и хотѣлъ сказать что-то, но, какъ снопъ, повалился навзничь, стукнувшись затылкомъ объ полъ.

Къ нему бросились на помощь, стали лить на него холодную воду, послали за докторомъ. Но ужъ было поздно. Старикъ умеръ внезапно отъ разрыва сердца, и никакіе доктора въ мірѣ не могли помочь ему.

VIV.

Ардальонова похоронили съ почетомъ. Гробъ везли шестерикомъ, подъ балдахиномъ съ перьями. Впереди несли ордена, шло духовенство и пѣлъ стройный хоръ пѣвчихъ. Много народа провожало его съ вокзала Царскосельской дороги до его послѣдняго жилища — на кладбищѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. На могилѣ кто-то сказалъ рѣчь и въ газетахъ появился некрологъ о покойномъ, восхвалявшій его, какъ общественнаго дѣятеля, человѣка и семьянина. Много было пролито слезъ на его могилѣ, но всѣхъ горьче плакалъ сынъ его Мишель, прискакавшій на похороны отца въ Петербургъ. Гробъ былъ опущенъ въ землю, зарытъ и засыпанъ цвѣтами. Всѣ разошлись и Николай Ивановичъ остался лежать одинъ въ

сырой землѣ. Онъ не взялъ съ собою въ могилу ни одного изъ тѣхъ милліоновъ, за которыми такъ упорно гонялся. И на что они ему теперь? Насталъ конецъ всѣмъ радостямъ и горестямъ, всѣмъ заботамъ и хлопотамъ. Вѣчный покой тебѣ, неутомимый боецъ! Остался ты все таки за флагомъ, и крѣпко держитъ тебя въ своихъ объятіяхъ досчатый гробъ, обитый бархатомъ.

— *Къ чему, къ чему* ты воевалъ, бѣдный Николай Ивановичъ? Изъ-за чего страдалъ и мучился, гонялся за милліонами, и не взялъ ни гроша съ собою въ могилу. Миръ праху твоему! сгніешь ты въ сырой землѣ и забудутъ о тебѣ живые люди. Но примѣръ твой не научитъ никого. Все также будутъ люди гоняться за призраками, биться, воевать, топить другъ друга, и не захотятъ понять они, что счастье совсѣмъ не въ томъ...

Гнѣздо Ардальоновыхъ было разорено. Марья Дмитріевна переѣхала къ Ольгѣ и няньчила своего внука. Мишель уѣхалъ обратно въ полкъ, а Анна доживала зиму въ Петербургѣ, съ тѣмъ чтобы раннею весною уѣхать съ мужемъ въ Италію.

Она очень тосковала по отцѣ и часто посѣщала его могилу. Разъ, какъ-то, сидя на кладбищѣ и вспоминая прошедшее, она спросила себя: къ чему она жила на свѣтѣ и кому нужна была ея жизнь? — Ей самой? нѣтъ, она всегда страдала. Отцу? но вѣдь онъ умеръ въ горѣ. Мужу?—но она его не любитъ и не любила никогда. Есть одинъ человѣкъ на свѣтѣ, которому она до сихъ поръ дорога, но онъ—больной, несчастный калѣка, лишенный всего, чѣмъ жизнь мила.

Неужели она такъ и доживетъ свой вѣкъ рабой своего

долга, прикованной тяжелой цѣпью къ отжившему старику? Нѣтъ, она уйдетъ отъ него, уйдетъ навсегда и завоюетъ себѣ свободу. Что будетъ она дѣлать съ этой свободой? Она не знаетъ, но все равно, лишь бы быть свободной. И она рѣшилась, твердо рѣшилась не ѣхать съ мужемъ въ Италію, и разойтись съ нимъ.

Нѣсколько дней спустя, вернувшись домой ранѣе обыкновеннаго, Сергѣй Трофимовичъ засталъ у себя въ кабинетѣ жену. Она сидѣла въ глубокомъ раздумьѣ и даже не замѣтила, какъ онъ вошелъ.

— А,—сказалъ онъ,—моя лапочка, ты здѣсь?—Анна вскочила и хотѣла уйти, но онъ удержалъ ее.

— Посиди со мной, голубушка, куда жъ ты? Ты знаешь, я сдалъ квартиру и мы можемъ теперь уѣхать, куда хотимъ.

— Я не поѣду съ тобой,—вдругъ объявила Анна.

— Какъ не поѣдешь?

— Такъ не поѣду. Я много думала и твердо рѣшилась.

— На что рѣшилась?

— Сергѣй! я не хотѣла говорить съ тобой объ этомъ теперь, но все равно, надо сказать не сегодня, такъ завтра.

Мужъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и не могъ понять, о чемъ она толкуетъ.

— Да что сказать?—спросилъ онъ.

— То, что мы должны разстаться.

— Какъ разстаться, зачѣмъ и надолго ли?

— Навсегда.

сырой землѣ. Онъ не взялъ съ собою въ могилу ни одного изъ тѣхъ милліоновъ, за которыми такъ упорно гонялся. И на что они ему теперь? Настали конецъ всѣмъ радостямъ и горестямъ, всѣмъ заботамъ и хлопотамъ. Вѣчный покой тебѣ, неутомимый боецъ! Остался ты все тани за флагомъ, и крѣпко держитъ тебя въ своихъ объятіяхъ досчатый гробъ, обитый бархатомъ.

— *Къ чему, къ чему* ты воевалъ, бѣдный Николай Ивановичъ? Изъ-за чего страдалъ и мучился, гонялся за милліонами, и не взялъ ни гроша съ собою въ могилу. Миръ праху твоему! сгніешь ты въ сырой землѣ и забудутъ о тебѣ живые люди. Но примѣръ твой не научитъ никого. Все также будутъ люди гоняться за призраками, биться, воевать, топить другъ друга, и не захотятъ понять они, что счастье совсѣмъ не въ томъ...

Гнѣздо Ардальоновыхъ было разорено. Марья Дмитріевна переѣхала къ Ольгѣ и няньчила своего внука. Мишель уѣхалъ обратно въ полкъ, а Анна доживала зиму въ Петербургѣ, съ тѣмъ чтобы раннею весною уѣхать съ мужемъ въ Италію.

Она очень тосковала по отцѣ и часто посѣщала его могилу. Разъ, какъ-то, сидя на кладбищѣ и вспоминая прошедшее, она спросила себя: къ чему она жила на свѣтѣ и кому нужна была ея жизнь? — Ей самой? нѣтъ, она всегда страдала. Отцу? но вѣдь онъ умеръ въ горѣ. Мужу?—но она его не любитъ и не любила никогда. Есть одинъ человѣкъ на свѣтѣ, которому она до сихъ поръ дорога, но онъ—больной, несчастный калѣка, лишенный всего, чѣмъ жизнь мила.

Неужели она такъ и доживетъ свой вѣкъ рабой своего

долга, прикованной тяжелой цѣпью къ отжившему старику? Нѣтъ, она уйдетъ отъ него, уйдетъ навсегда и завоюетъ себѣ свободу. Что будетъ она дѣлать съ этой свободой? Она не знаетъ, но все равно, лишь бы быть свободной. И она рѣшилась, твердо рѣшилась не ѣхать съ мужемъ въ Италію, и разойтись съ нимъ.

Нѣсколько дней спустя, вернувшись домой ранѣе обыкновеннаго, Сергѣй Трофимовичъ засталъ у себя въ кабинетѣ жену. Она сидѣла въ глубокомъ раздумьѣ и даже не замѣтила, какъ онъ вошелъ.

— А,—сказалъ онъ,—моя лапочка, ты здѣсь?—Анна вскочила и хотѣла уйти, но онъ удержалъ ее.

— Посиди со мной, голубушка, куда жъ ты? Ты знаешь, я сдалъ квартиру и мы можемъ теперь уѣхать, куда хотимъ.

— Я не поѣду съ тобой,—вдругъ объявила Анна.

— Какъ не поѣдешь?

— Такъ не поѣду. Я много думала и твердо рѣшилась.

— На что рѣшилась?

— Сергѣй! я не хотѣла говорить съ тобой объ этомъ теперь, но все равно, надо сказать не сегодня, такъ завтра.

Мужъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и не могъ понять, о чемъ она толкуетъ.

— Да что сказать?—спросилъ онъ.

— То, что мы должны разстаться.

— Какъ разстаться, зачѣмъ и надолго ли?

— Навсегда.

Сергѣй Трофимовичъ разинулъ ротъ и остался стоять посреди комнаты въ полномъ недоумѣніи.

— Повтори, пожалуйста, я не разслышалъ.

Анна встала и подошла къ нему. Она говорила спокойно, но твердо.

— Мнѣ больно тебя огорчать, но я рѣшилась покинуть тебя и дожить свой вѣкъ одна.

— Господи помилуй! ты, кажется, бредишь?

— Нѣтъ, не брежу, но я не могу, не въ силахъ продолжать такую жизнь.

— Чѣмъ же тебѣ худо живется?

— Если ты жизнью называешь матеріальныя блага, то мнѣ, конечно, живется хорошо.

— А какихъ же еще благъ тебѣ захотѣлось?

— Сергѣй, мы говоримъ на разныхъ языкахъ и не понимаемъ другъ друга.

— Я говорю по русски,—отвѣтилъ мужъ, начинавшій сердиться.

— Сядь и выслушай меня спокойно,—сказала Анна.

— Изволь, я слушаю.

— Передъ свадьбой нашей я сказала, что не люблю тебя; ты помнишь это?

— Помню, но я думалъ, что это дѣвичьи бредни, что ты привыкнешь и полюбишь.

— Ты думалъ, но чувствовалъ ли ты хотя одинъ день, одинъ часъ, чтобы я тебя любила?

— Конечно, чувствовалъ,—ты моя жена.

— Не правда, я никогда не любила тебя. Я вышла замужъ, чтобы спасти отца отъ позора, чтобы воскресить его къ жизни.

— Онъ и воскресъ; съ тѣхъ поръ сколько лѣтъ прошло, а что онъ теперь умеръ, то въ этомъ я не виноватъ.

— Я и не виню тебя..

— Ты знаешь, Анна, этотъ злополучный вексель; я заплатилъ его, покрылъ все—и память отца твоего осталась незапятнанной.

— Я знаю все и благодарю тебя за отца. Благодарю и за себя, за всю твою любовь ко мнѣ.

— И все таки хочешь меня покинуть?

— Да, я не въ силахъ болѣе лгать и лицемѣрить. Ты думаешь, мнѣ легко быть твоею женою, не любя тебя. Вѣдь это развратъ!

— Какой развратъ? Ты моя законная жена, мы вѣнчаны въ церкви.

— Такъ что же? по твоему, я раба твоя и должна быть послушной.

Сергѣй Трофимовичъ замолчалъ и глядѣлъ на Анну со страхомъ и волненіемъ. Глаза ея горѣли и она показалась ему такъ хороша въ своемъ глубокомъ траурѣ, со стройной таліей, крѣпко обхваченной суконнымъ платьемъ, что мысль потерять ее показалась ему невыносимой.

— Все это вздоръ!—воскликнулъ онъ, схвативъ ее за руку:—я не пущу тебя.

— Не пустишь, по праву мужа? Такъ слушай, что́ я тебѣ скажу,—и она глубоко вздохнула:—Довольно ты владѣлъ моимъ тѣломъ, по праву, по закону; *но душу мою, волю мою ты не могъ закабалить*. Онѣ свободны.

— Анна!

— Молчи! Довольно я страдала, довольно приносила

Азарьевъ.

Ничего особеннаго, только я давно чуялъ, что мнѣ съ ними не ужиться.

Левченко.

Еще бы, я удивлялся только, какъ ты такъ долго тянулъ.

Азарьевъ.

Ну, чортъ съ ними,—но помочь сейчасъ твоему студентику не могу; придется за забранное впередъ жалованье расчитаться и самъ останусь безъ гроша.

Левченко.

Жаль, а студентикъ больно хорошъ, нельзя ли какъ нибудь поколдовать для него?

Азарьевъ.

Неужели бы я отказалъ. Говорю тебѣ сейчасъ не могу, а если обождешь, какъ нибудь устроимъ.

Левченко.

Ждать нельзя, нужда подъ самое горло подступила; я свои всѣ деньги отдалъ, а то бы не сталъ просить тебя. Ну, да чортъ съ ними, съ деньгами, лучше разскажи мнѣ, отчего ты вышелъ изъ правленія?

Азарьевъ.

Да что разсказывать, плутовство одно: свое же общество обмануть задумали; ну, я, конечно, не пошелъ на ихъ удочку, и въ отставку подалъ.

Левченко.

Что-жъ, они отпускаютъ тебя?

Азарьевъ.

Какой тамъ,—гвалтъ подняли, фантазеромъ, Донъ-Кихотомъ меня обзываютъ, и странно такъ, съ виду кажется, будто они и въ самомъ дѣлѣ убѣждены глубоко въ непорочности своей и въ правотѣ своего дѣла.

Левченко.

Ты не сдался, надѣюсь?

Азарьевъ.

Конечно, нѣтъ. Вѣдь у нихъ своя особая коммерческая совѣсть.

Левченко.

Ха, ха, молодецъ ты у насъ! (*Хлопаетъ его по плечу*). Смотри только передъ женой не спасуй.

Азарьевъ.

Ну вотъ еще,—мы и ее усмирить можемъ.

Левченко.

Чѣмъ же?

Азарьевъ.

А возьмемъ да и увеземъ въ деревню. Мы туда и всѣхъ заберемъ: тебя, твоего студентика и его больную мать— они всѣ тамъ поправятся.

Левченко.

А что-жъ мы тамъ дѣлать будемъ?

Азарьевъ.

Какъ что? Землю пахать, капусту садить,—устроимъ свою колонію, изъ интеллигентныхъ—по новому образцу, слыхалъ, ты о такихъ колоніяхъ?

Левченко.

Фантазеръ ты впрямь! Не даромъ дядюшка тебя этимъ именемъ окрестилъ.

Азарьевъ.

Такъ ѣдемъ, что ли?

Левченко.

Куда?

Азарьевъ.

Въ деревню и Софью съ собой возьмемъ.

Левченко.

Что-жъ она тамъ дѣлать будетъ?

Азарьевъ.

А то же, что и мы: сѣно грабить, огородъ полоть. Въ сарафанъ ее нарядимъ, премило выйдетъ.

Левченко.

Одинъ маскарадъ, а барыня все та же останется.

Азарьевъ.

Вотъ въ томъ-то и бѣда. Слушай, Левченко, ты меня поддержи передъ женой, вѣдь она бурю подыметъ, когда о моей отставкѣ узнаетъ.

Левченко.

И радъ бы, другъ, только проку мало выйдетъ. Ты знаешь, твоя барыня меня сильно не жалуетъ.

СЦЕНА XII.

Софья (*вбѣгаетъ и бросается на диванъ. Она истерически и громко рыдаетъ*).

Азарьевъ.

Что съ тобой?

Левченко.

Чѣмъ же?

Азарьевъ.

А возьмемъ да и увеземъ въ деревню. Мы туда и всѣхъ заберемъ: тебя, твоего студентика и его больную мать— они всѣ тамъ поправятся.

Левченко.

А что-жъ мы тамъ дѣлать будемъ?

Азарьевъ.

Какъ что? Землю пахать, капусту садить,—устроимъ свою колонію, изъ интеллигентныхъ—по новому образцу, слыхалъ, ты о такихъ колоніяхъ?

Левченко.

Фантазеръ ты впрямь! Не даромъ дядюшка тебя этимъ именемъ окрестилъ.

Азарьевъ.

Такъ ѣдемъ, что ли?

Левченко.

Куда?

Азарьевъ.

Въ деревню и Софью съ собой возьмемъ.

Левченко.

Что-жъ она тамъ дѣлать будетъ?

Азарьевъ.

А то же, что и мы: сѣно грабить, огородъ полоть. Въ сарафанъ ее нарядимъ, премило выйдетъ.

Левченко.

Одинъ маскарадъ, а барыня все та же останется.

Азарьевъ.

Вотъ въ томъ-то и бѣда. Слушай, Левченко, ты меня поддержи передъ женой, вѣдь она бурю подыметъ, когда о моей отставкѣ узнаетъ.

Левченко.

И радъ бы, другъ, только проку мало выйдетъ. Ты знаешь, твоя барыня меня сильно не жалуетъ.

СЦЕНА XII.

Софья (*вбѣгаетъ и бросается на диванъ. Она истерически и громко рыдаетъ*).

Азарьевъ.

Что съ тобой?

Левченко.

Испугались чего нибудь (*подаетъ ей стаканъ воды; мужъ снимаетъ съ нея шляпку и перчатки*).

Азарьевъ.

Соня, что съ тобой, ты больна?

Софья (*сквозь слезы*).

И онъ еще спрашиваетъ,—я все знаю, понимаешь-ли ты, все!

Азарьевъ.

Что-жъ ты знаешь, кто тебѣ сказалъ?

Софья.

Все равно кто. Ты выходишь изъ правленія. Правда это?

Азарьевъ.

Правда.

Софья (*вскакиваетъ съ дивана*).

Нѣтъ, неправда, не бывать этому никогда! Зачѣмъ ты выходишь, говори?

Азарьевъ.

Скажу послѣ, успокойся прежде.

Софья.

Я не успокоюсь, покуда ты не скажешь.

Азарьевъ.

Тамъ непріятность вышла изъ за контракта!

Софья.

Какая?

Азарьевъ.

Все равно, мнѣ нельзя оставаться.

Софья.

И дядя выходитъ?

Азарьевъ.

Нѣтъ, съ нимъ то я и поссорился.

Софья.

Ну значитъ вздоръ, твои фантазіи. Если дядя не уходитъ и ты долженъ остаться. Онъ лучше тебя знаетъ, что надо.

Азарьевъ.

Да я съ нимъ и поссорился, пойми.

Софья.

Ну помирись, проси прощенія. Поѣзжай сейчасъ.

Левченко.

Испугались чего нибудь (*подаетъ ей стаканъ воды; мужъ снимаетъ съ нея шляпку и перчатки*).

Азарьевъ.

Соня, что съ тобой, ты больна?

Софья (*сквозь слезы*).

И онъ еще спрашиваетъ,—я все знаю, понимаешь-ли ты, все!

Азарьевъ.

Что-жъ ты знаешь, кто тебѣ сказалъ?

Софья.

Все равно кто. Ты выходишь изъ правленія. Правда это?

Азарьевъ.

Правда.

Софья (*вскакиваетъ съ дивана*).

Нѣтъ, неправда, не бывать этому никогда! Зачѣмъ ты выходишь, говори?

Азарьевъ.

Скажу послѣ, успокойся прежде.

Софья.

Я не успокоюсь, покуда ты не скажешь.

Азарьевъ.

Тамъ непріятность вышла изъ за контракта!

Софья.

Какая?

Азарьевъ.

Все равно, мнѣ нельзя оставаться.

Софья.

И дядя выходитъ?

Азарьевъ.

Нѣтъ, съ нимъ то я и поссорился.

Софья.

Ну значитъ вздоръ, твои фантазіи. Если дядя не уходитъ и ты долженъ остаться. Онъ лучше тебя знаетъ, что надо.

Азарьевъ.

Да я съ нимъ и поссорился, пойми.

Софья.

Ну помирись, проси прощенія. Поѣзжай сейчасъ.

Левченко.

Видишь, я говорилъ тебѣ.

Софья.

Вы оба гордецы, считаете себя умнѣе всѣхъ, лучше всѣхъ и сужденія свои непреложными.

Левченко.

Стойкость въ убѣжденіяхъ, Софія Львовна, большое достоинство.

Софья.

Молчите вы, васъ я знаю наизусть со всѣми вашими громкими фразами; но я скажу вамъ прямо въ глаза, онѣ гроша не стоютъ,—вы только красно говорить умѣете, а когда дойдетъ до дѣла, то на попятный дворъ; оттого нигдѣ васъ и не терпятъ, нигдѣ вы не уживаетесь. Вотъ и мужъ мой, слушая васъ, бѣжитъ отъ честнаго, полезнаго дѣла и доведетъ семью свою до нужды и горя.

Левченко.

Неправда, сударыня, мы работать готовы, и никогда праздными не были.

Софья (*нервно*).

Уйдите вы, уйдите, прошу васъ, или вы меня съума сведете.

Азарьевъ.

Софья, какъ тебѣ не стыдно.

Левченко.

Я уйду, но извините меня, Софья Львовна, если скажу вамъ прежде два слова...

Софья (*прерывая его*).

Уйдите вы, уйдите (*топаетъ ногами и рветъ батистовый платокъ*).

Левченко (*пожавъ плечами, уходитъ*).

СЦЕНА XIII.

Азарьевъ.

Ты оскорбила и меня вмѣстѣ съ нимъ. Онъ мой лучшій другъ.

Софья.

Отъ такихъ друзей избави Богъ.

Азарьевъ.

Ты горько ошибаешься. Я бы могъ многое сказать и противъ твоихъ друзей, но не хочу; намъ не до споровъ теперь о друзьяхъ, самимъ придется плохо.

Софья.

Да, благодаря твоимъ фантазіямъ.

Левченко.

Видишь, я говорилъ тебѣ.

Софья.

Вы оба гордецы, считаете себя умнѣе всѣхъ, лучше всѣхъ и сужденія свои непреложными.

Левченко.

Стойкость въ убѣжденіяхъ, Софія Львовна, большое достоинство.

Софья.

Молчите вы, васъ я знаю наизусть со всѣми вашими громкими фразами; но я скажу вамъ прямо въ глаза, онѣ гроша не стоютъ,—вы только красно говорить умѣете, а когда дойдетъ до дѣла, то на попятный дворъ; оттого нигдѣ васъ и не терпятъ, нигдѣ вы не уживаетесь. Вотъ и мужъ мой, слушая васъ, бѣжитъ отъ честнаго, полезнаго дѣла и доведетъ семью свою до нужды и горя.

Левченко.

Неправда, сударыня, мы работать готовы, и никогда праздными не были.

Софья (*нервно*).

Уйдите вы, уйдите, прошу васъ, или вы меня съума сведете.

Азарьевъ.

Софья, какъ тебѣ не стыдно.

Левченко.

Я уйду, но извините меня, Софья Львовна, если скажу вамъ прежде два слова...

Софья (*прерывая его*).

Уйдите вы, уйдите (*топаетъ ногами и рветъ батистовый платокъ*).

Левченко (*пожавъ плечами, уходитъ*).

СЦЕНА XIII.

Азарьевъ.

Ты оскорбила и меня вмѣстѣ съ нимъ. Онъ мой лучшій другъ.

Софья.

Отъ такихъ друзей избави Богъ.

Азарьевъ.

Ты горько ошибаешься. Я бы могъ многое сказать и противъ твоихъ друзей, но не хочу; намъ не до споровъ теперь о друзьяхъ, самимъ придется плохо.

Софья.

Да, благодаря твоимъ фантазіямъ.

Азарьевъ.

Не фантазіямъ, другъ мой, а убѣжденіямъ, самымъ глубокимъ, и если бы я отъ нихъ отказался, ты первая отвернулась бы отъ меня, перестала бы любить.

Софья.

О нѣтъ, любила бы больше и крѣпче. Евгеній, мой милый, возьми назадъ свою отставку, помирись съ дядей и я докажу тебѣ свою любовь, о какъ докажу! (*Обнимаетъ его*).

Азарьевъ.

Ты требуешь невозможнаго и неужели въ самомъ дѣлѣ ты хочешь, чтобы я отказался отъ всего прошедшаго, перестазъ самъ уважать себя, и для чего, для какихъ-то тряпокъ, для роскоши и тщеславія, безъ которыхъ жить такъ легко.

Софья.

Я бѣдности и нужды не выношу; я не привыкла къ нимъ и никогда не привыкну.

Азарьевъ.

Мы въ нуждѣ никогда не будемъ, я заработаю всегда на столько, чтобы жить безбѣдно, но заработаю честнымъ трудомъ, а не продажей совѣсти. Пойдемъ со мной на этотъ трудъ, Софья! пойдемъ храбро рука объ руку и мы будемъ во сто разъ счастливѣе, повѣрь мнѣ чѣмъ, теперь въ богатствѣ и роскоши.

Софья.

То, что ты называешь роскошью, для меня необходимость, я сжилась, сроднилась съ этой обстановкой, родилась и выросла въ ней. Я ненавижу бѣдность и нужду.

Азарьевъ.

Не говори этого и не заставь меня усумниться въ тебѣ. Вѣдь ты мой кумиръ, моя богиня. Неужели кумиръ придется разбить своими руками, отвергнуть своего бога; о, не вынуждай меня къ тому, вѣдь я люблю тебя такъ, какъ только въ силахъ любить человѣкъ, я жизнь свою отдамъ за тебя; да что жизнь!—сто жизней, еслибъ они были даны мнѣ!

Софья.

Однако, что же случилось, объясни мнѣ, пожалуйста, отчего дядюшка и другіе директора остаются, вѣдь они тоже честные люди и не ошибаешься ли ты, Евгеній, не увлекаешься ли своими, слишкомъ суровыми взглядами на жизнь и свои обязанности?

Азарьевъ.

Нѣтъ, не увлекаюсь, я готовъ помириться со многимъ и не хочу осуждать никого, но я не покривлю душою и не продамъ себя ни за какія сокровища въ мірѣ, даже за твою любовь.

Софья.

Евгеній, Евгеній, ты горько раскаешься въ томъ, что теперь дѣлаешь.

Азарьевъ.

Не фантазіямъ, другъ мой, а убѣжденіямъ, самымъ глубокимъ, и если бы я отъ нихъ отказался, ты первая отвернулась бы отъ меня, перестала бы любить.

Софья.

О нѣтъ, любила бы больше и крѣпче. Евгеній, мой милый, возьми назадъ свою отставку, помирись съ дядей и я докажу тебѣ свою любовь, о какъ докажу! (*Обнимаетъ его*).

Азарьевъ.

Ты требуешь невозможнаго и неужели въ самомъ дѣлѣ ты хочешь, чтобы я отказался отъ всего прошедшаго, пересталъ самъ уважать себя, и для чего, для какихъ-то тряпокъ, для роскоши и тщеславія, безъ которыхъ жить такъ легко.

Софья.

Я бѣдности и нужды не выношу; я не привыкла къ нимъ и никогда не привыкну.

Азарьевъ.

Мы въ нуждѣ никогда не будемъ, я заработаю всегда на столько, чтобы жить безбѣдно, но заработаю честнымъ трудомъ, а не продажей совѣсти. Пойдемъ со мной на этотъ трудъ, Софья! пойдемъ храбро рука объ руку и мы будемъ во сто разъ счастливѣе, повѣрь мнѣ чѣмъ, теперь въ богатствѣ и роскоши.

Софья.

То, что ты называешь роскошью, для меня необходимость, я сжилась, сроднилась съ этой обстановкой, родилась и выросла въ ней. Я ненавижу бѣдность и нужду.

Азарьевъ.

Не говори этого и не заставь меня усумниться въ тебѣ. Вѣдь ты мой кумиръ, моя богиня. Неужели кумиръ придется разбить своими руками, отвергнуть своего бога; о, не вынуждай меня къ тому, вѣдь я люблю тебя такъ, какъ только въ силахъ любить человѣкъ, я жизнь свою отдамъ за тебя; да что жизнь!—сто жизней, еслибъ они были даны мнѣ!

Софья.

Однако, что же случилось, объясни мнѣ, пожалуйста, отчего дядюшка и другіе директора остаются, вѣдь они тоже честные люди и не ошибаешься ли ты, Евгеній, не увлекаешься ли своими, слишкомъ суровыми взглядами на жизнь и свои обязанности?

Азарьевъ.

Нѣтъ, не увлекаюсь, я готовъ помириться со многимъ и не хочу осуждать никого, но я не покривлю душою и не продамъ себя ни за какія сокровища въ мірѣ, даже за твою любовь.

Софья.

Евгеній, Евгеній, ты горько раскаешься въ томъ, что теперь дѣлаешь.

Азарьевъ.

Никогда. Соня, умоляю тебя, ради памяти нашего сына, нашего маленькаго Мити, котораго ты такъ любила и такъ горько оплакивала, не требуй отъ меня невозможнаго (*становится на колѣни*). Послушай, Митя лежитъ теперь въ сырой землѣ, но если бы онъ остался живъ и выросъ, то оправдалъ бы своего отца.

Софья.

Хорошо, ты такъ горячо просишь, что я не въ силахъ тебѣ отказать, но ставлю одно условіе: прежде чѣмъ дать тебѣ свое согласіе, я должна переговорить съ дядей, узнать въ чемъ дѣло, и отчего ты уходишь изъ правленія, и если...

Азарьевъ.

Что если?

Софья.

Мое если, я скажу тебѣ послѣ, дай мнѣ прежде повидаться съ дядей.

Азарьевъ.

Хорошо. Мнѣ тоже нужно уйти. Прощай, до свиданья (*цѣлуетъ ее и уходитъ*).

СЦЕНА XIV.

Софья (*одна, хлопаетъ въ ладоши*).

Браво, браво! сраженіе выиграно, потому что оно от-

ложено. И я отстою свои права, права красивой женщины, на жизнь и наслажденье. Мой мужъ хочетъ упрятать меня въ какую-то трущобу, въ деревню, въ глушь, я это знаю, онъ давно мечтаетъ объ этомъ, и говорилъ мнѣ не разъ и прежде. Но я не поѣду, никуда и ни за что. Когда завяну и состарѣюсь, тогда пожалуй, а пока я жить хочу и буду жить, во что бы то ни стало. Жизнь коротка, пройдетъ, ее не вернешь назадъ. Мой мужъ честенъ, но бѣденъ, а отчего другіе богаты? Вотъ Межуевы, напримѣръ. И я хочу быть богатой, хочу, хочу! Мнѣ мало десяти тысячъ, я двадцать, тридцать промотаю. Одно бальное платье стоитъ 200—300 рублей,—а сколько такихъ платьевъ нужно за зиму. Говорятъ, кто любитъ, тотъ жертвуетъ всѣмъ для любимаго человѣка!—и прекрасно;—вотъ меня любятъ мужъ и дядя, ну и пускай жертвуютъ для меня собою.

СЦЕНА XV.

(Входитъ Вальяновъ слегка подкрашеный и одѣтый щегольски по послѣдней модѣ).

Вальяновъ.

Соничка, моя душечка, я къ тебѣ.

Софья (*бросаясь къ нему на шею*).

Ахъ, дядя, дорогой мой, я въ такомъ горѣ!

Азарьевъ.

Никогда. Соня, умоляю тебя, ради памяти нашего сына, нашего маленькаго Мити, котораго ты такъ любила и такъ горько оплакивала, не требуй отъ меня невозможнаго (*становится на колѣни*). Послушай, Митя лежитъ теперь въ сырой землѣ, но если бы онъ остался живъ и выросъ, то оправдалъ бы своего отца.

Софья.

Хорошо, ты такъ горячо просишь, что я не въ силахъ тебѣ отказать, но ставлю одно условіе: прежде чѣмъ дать тебѣ свое согласіе, я должна переговорить съ дядей, узнать въ чемъ дѣло, и отчего ты уходишь изъ правленія, и если...

Азарьевъ.

Что если?

Софья.

Мое если, я скажу тебѣ послѣ, дай мнѣ прежде повидаться съ дядей.

Азарьевъ.

Хорошо. Мнѣ тоже нужно уйти. Прощай, до свиданья (*цѣлуетъ ее и уходитъ*).

СЦЕНА XIV.

Софья (*одна, хлопаетъ въ ладоши*).

Браво, браво! сраженіе выиграно, потому что оно от-

ложено. И я отстою свои права, права красивой женщины, на жизнь и наслажденье. Мой мужъ хочетъ упрятать меня въ какую-то трущобу, въ деревню, въ глушь, я это знаю, онъ давно мечтаетъ объ этомъ, и говорилъ мнѣ не разъ и прежде. Но я не поѣду, никуда и ни за что. Когда завяну и состарѣюсь, тогда пожалуй, а пока я жить хочу и буду жить, во что бы то ни стало. Жизнь коротка, пройдетъ, ее не вернешь назадъ. Мой мужъ честенъ, но бѣденъ, а отчего другіе богаты? Вотъ Межуевы, напримѣръ. И я хочу быть богатой, хочу, хочу! Мнѣ мало десяти тысячъ, я двадцать, тридцать промотаю. Одно бальное платье стоитъ 200—300 рублей,—а сколько такихъ платьевъ нужно за зиму. Говорятъ, кто любитъ, тотъ жертвуетъ всѣмъ для любимаго человѣка!—и прекрасно;—вотъ меня любятъ мужъ и дядя, ну и пускай жертвуютъ для меня собою.

СЦЕНА XV.

(Входитъ Вальяновъ слегка подкрашеный и одѣтый щегольски по послѣдней модѣ).

Вальяновъ.

Соничка, моя душечка, я къ тебѣ.

Софья (*бросаясь къ нему на шею*).

Ахъ, дядя, дорогой мой, я въ такомъ горѣ!

Азарьевъ.

Никогда. Соня, умоляю тебя, ради памяти нашего сына, нашего маленькаго Мити, котораго ты такъ любила и такъ горько оплакивала, не требуй отъ меня невозможнаго (*становится на колѣни*). Послушай, Митя лежитъ теперь въ сырой землѣ, но если бы онъ остался живъ и выросъ, то оправдалъ бы своего отца.

Софья.

Хорошо, ты такъ горячо просишь, что я не въ силахъ тебѣ отказать, но ставлю одно условіе: прежде чѣмъ дать тебѣ свое согласіе, я должна переговорить съ дядей, узнать въ чемъ дѣло, и отчего ты уходишь изъ правленія, и если...

Азарьевъ.

Что если?

Софья.

Мое если, я скажу тебѣ послѣ, дай мнѣ прежде повидаться съ дядей.

Азарьевъ.

Хорошо. Мнѣ тоже нужно уйти. Прощай, до свиданья (*цѣлуетъ ее и уходитъ*).

СЦЕНА XIV.

Софья (*одна, хлопаетъ въ ладоши*).

Браво, браво! сраженіе выиграно, потому что оно от-

ложено. И я отстою свои права, права красивой женщины, на жизнь и наслажденье. Мой мужъ хочетъ упрятать меня въ какую-то трущобу, въ деревню, въ глушь, я это знаю, онъ давно мечтаетъ объ этомъ, и говорилъ мнѣ не разъ и прежде. Но я не поѣду, никуда и ни за что. Когда завяну и состарѣюсь, тогда пожалуй, а пока я жить хочу и буду жить, во что бы то ни стало. Жизнь коротка, пройдетъ, ее не вернешь назадъ. Мой мужъ честенъ, но бѣденъ, а отчего другіе богаты? Вотъ Межуевы, напримѣръ. И я хочу быть богатой, хочу, хочу! Мнѣ мало десяти тысячъ, я двадцать, тридцать промотаю. Одно бальное платье стоитъ 200—300 рублей,—а сколько такихъ платьевъ нужно за зиму. Говорятъ, кто любитъ, тотъ жертвуетъ всѣмъ для любимаго человѣка!—и прекрасно;—вотъ меня любятъ мужъ и дядя, ну и пускай жертвуютъ для меня собою.

СЦЕНА XV.

(Входитъ Вальяновъ слегка подкрашеный и одѣтый щегольски по послѣдней модѣ).

Вальяновъ.

Соничка, моя душечка, я къ тебѣ.

Софья (*бросаясь къ нему на шею*).

Ахъ, дядя, дорогой мой, я въ такомъ горѣ!

Вальяновъ.

Знаю, знаю, другъ мой, ты о мужѣ, онъ вѣрно тебѣ сказалъ.

Софья.

Да, сказалъ; чѣмъ мы жить будемъ. (*Вытираетъ слезы*).

Вальяновъ.

Не горюй, какъ нибудь уладимъ.

Софья.

Да что случилось, скажите Бога ради?

Вальяновъ.

Ничего ровно, однѣ фантазіи. Выдумалъ самъ какой-то вздоръ, уперся на своемъ и ничего слышать не хочетъ.

Софья.

Я такъ и думала.

Вальяновъ.

Мужъ твой невозможный фантазеръ, я предупреждалъ тебя, когда ты за него выходила, но ты ничего слушать не хотѣла.

Софья.

Чтожъ дѣлать, теперь назадъ не вернешь.

Вальяновъ.

Конечно. Вотъ я думалъ помочь вамъ, мѣсто директора ему выхлопоталъ. Сначала все шло, какъ по маслу, но уже въ послѣднее время я сталъ замѣчать, что онъ бодается, точно козелъ, а сегодня такую штуку выкинулъ...

Софья.

Разсказывалъ мнѣ, да я ничего не поняла.

Вальяновъ.

И никто понять не можетъ, городитъ чушь, и неужели, въ самомъ дѣлѣ, я такой простакъ, что не могу понять, что законно и что незаконно?

Софья.

Нельзя-ли какъ нибудь его образумить?

Вальяновъ.

На тебя расчитываемъ другъ мой, вся надежда на тебя, а пока—ты помалчивай объ этомъ дѣлѣ; чѣмъ меньше о немъ говорить, тѣмъ лучше.

Софья.

Дядя, голубчикъ, я все сдѣлаю, что вы хотите, только вы меня не оставляйте. Вотъ и теперь я въ крайнемъ затрудненіи, а мужу сказать не смѣю, въ особенности сегодня.

Вальяновъ.

Знаю, знаю, другъ мой, ты о мужѣ, онъ вѣрно тебѣ сказалъ.

Софья.

Да, сказалъ; чѣмъ мы жить будемъ. (*Вытираетъ слезы*).

Вальяновъ.

Не горюй, какъ нибудь уладимъ.

Софья.

Да что случилось, скажите Бога ради?

Вальяновъ.

Ничего ровно, однѣ фантазіи. Выдумалъ самъ какой-то вздоръ, уперся на своемъ и ничего слышать не хочетъ.

Софья.

Я такъ и думала.

Вальяновъ.

Мужъ твой невозможный фантазеръ, я предупреждалъ тебя, когда ты за него выходила, но ты ничего слушать не хотѣла.

Софья.

Чтожъ дѣлать, теперь назадъ не вернешь.

Вальяновъ.

Конечно. Вотъ я думалъ помочь вамъ, мѣсто директора ему выхлопоталъ. Сначала все шло, какъ по маслу, но уже въ послѣднее время я сталъ замѣчать, что онъ бодается, точно козелъ, а сегодня такую штуку выкинулъ...

Софья.

Разсказывалъ мнѣ, да я ничего не поняла.

Вальяновъ.

И никто понять не можетъ, городитъ чушь, и неужели, въ самомъ дѣлѣ, я такой простакъ, что не могу понять, что законно и что незаконно?

Софья.

Нельзя-ли какъ нибудь его образумить?

Вальяновъ.

На тебя расчитываемъ другъ мой, вся надежда на тебя, а пока—ты помалчивай объ этомъ дѣлѣ; чѣмъ меньше о немъ говорить, тѣмъ лучше.

Софья.

Дядя, голубчикъ, я все сдѣлаю, что вы хотите, только вы меня не оставляйте. Вотъ и теперь я въ крайнемъ затрудненіи, а мужу сказать не смѣю, въ особенности сегодня.

Вальяновъ.

Знаю, знаю, другъ мой, ты о мужѣ, онъ вѣрно тебѣ сказалъ.

Софья.

Да, сказалъ; чѣмъ мы жить будемъ. (*Вытираетъ слезы*).

Вальяновъ.

Не горюй, какъ нибудь уладимъ.

Софья.

Да что случилось, скажите Бога ради?

Вальяновъ.

Ничего ровно, однѣ фантазіи. Выдумалъ самъ какой-то вздоръ, уперся на своемъ и ничего слышать не хочетъ.

Софья.

Я такъ и думала.

Вальяновъ.

Мужъ твой невозможный фантазеръ, я предупреждалъ тебя, когда ты за него выходила, но ты ничего слушать не хотѣла.

Софья.

Чтожъ дѣлать, теперь назадъ не вернешь.

Вальяновъ.

Конечно. Вотъ я думалъ помочь вамъ, мѣсто директора ему выхлопоталъ. Сначала все шло, какъ по маслу, но уже въ послѣднее время я сталъ замѣчать, что онъ бодается, точно козелъ, а сегодня такую штуку выкинулъ...

Софья.

Разсказывалъ мнѣ, да я ничего не поняла.

Вальяновъ.

И никто понять не можетъ, городитъ чушь, и неужели, въ самомъ дѣлѣ, я такой простакъ, что не могу понять, что законно и что незаконно?

Софья.

Нельзя-ли какъ нибудь его образумить?

Вальяновъ.

На тебя расчитываемъ другъ мой, вся надежда на тебя, а пока—ты помалчивай объ этомъ дѣлѣ; чѣмъ меньше о немъ говорить, тѣмъ лучше.

Софья.

Дядя, голубчикъ, я все сдѣлаю, что вы хотите, только вы меня не оставляйте. Вотъ и теперь я въ крайнемъ затрудненіи, а мужу сказать не смѣю, въ особенности сегодня.

Вальяновъ.

Въ чемъ дѣло?

Софья.

Портниха счетъ прислала.

Вальяновъ.

Великъ-ли?

Софья.

Триста рублей.

Вальяновъ.

Пустое (*вынимаетъ изъ кармана деньги*). На вотъ заплати.

Софья (*обнимаетъ его*).

Merci, merci, вы меня спасли.

Вальяновъ.

Я всегда готовъ помогать тебѣ, ты знаешь, и никогда не отказывалъ. Но ты бы и не нуждалась въ помощи если бы мужъ твой не глупилъ. Я такое дѣло ему подсваталъ, такое, что если бы онъ былъ практическій человѣкъ, обезпечилъ бы себя и тебя на всю жизнь.

Софья.

Ахъ, Боже мой, я просто въ отчаяніи.

Вальяновъ.

Ничего, можетъ быть все еще уладимъ.

Софья.

Что жъ мнѣ дѣлать?

Вальяновъ.

Пока ничего. Утереть слезки и поцѣловать меня.

Софья (*нѣжно его цѣлуетъ*).

А потомъ что?

Вальяновъ.

Надѣть шубку и поѣхать со мною кататься. Снѣгъ выпалъ, первопутокъ чудный и я въ саняхъ, на рыжихъ. Примчали меня къ тебѣ въ пять минутъ. Да знаешь что, мы къ Смурову заѣдемъ, по десятку устрицъ проглотимъ и Рейнвейнцемъ запьемъ. Мнѣ самому сегодня разсѣяться нужно, послѣ всего этого сумбура.

Софья (*подпрыгиваетъ*).

Сейчасъ, сейчасъ, я мигомъ одѣнусь (*убѣгаетъ въ боковую дверь*).

Вальяновъ (*одинъ*).

Что за прелесть, моя Сoничка. Такой другой не найдешь на цѣломъ свѣтѣ, Ахъ, если бы не близкое родство,

Вальяновъ.

Въ чемъ дѣло?

Софья.

Портниха счетъ прислала.

Вальяновъ.

Великъ-ли?

Софья.

Триста рублей.

Вальяновъ.

Пустое (*вынимаетъ изъ кармана деньги*). На вотъ заплати.

Софья (*обнимаетъ его*).

Merci, merci, вы меня спасли.

Вальяновъ.

Я всегда готовъ помогать тебѣ, ты знаешь, и никогда не отказывалъ. Но ты бы и не нуждалась въ помощи если бы мужъ твой не глупилъ. Я такое дѣло ему подсваталъ, такое, что если бы онъ былъ практическій человѣкъ, обезпечилъ бы себя и тебя на всю жизнь.

Софья.

Ахъ, Боже мой, я просто въ отчаяніи.

Вальяновъ.

Ничего, можетъ быть все еще уладимъ.

Софья.

Что жъ мнѣ дѣлать?

Вальяновъ.

Пока ничего. Утереть слезки и поцѣловать меня.

Софья (*нѣжно его цѣлуетъ*).

А потомъ что?

Вальяновъ.

Надѣть шубку и поѣхать со мною кататься. Снѣгъ выпалъ, первопутокъ чудный и я въ саняхъ, на рыжихъ. Примчали меня къ тебѣ въ пять минутъ. Да знаешь что, мы къ Смурову заѣдемъ, по десятку устрицъ проглотимъ и Рейнвейнцемъ запьемъ. Мнѣ самому сегодня разсѣяться нужно, послѣ всего этого сумбура.

Софья (*подпрыгиваетъ*).

Сейчасъ, сейчасъ, я мигомъ одѣнусь (*убѣгаетъ въ боковую дверь*).

Вальяновъ (*одинъ*).

Что за прелесть, моя Соничка. Такой другой не найдешь на цѣломъ свѣтѣ, Ахъ, если бы не близкое родство,

я бы развелъ ее съ этимъ глупымъ мужемъ и самъ бы женился на ней. Конечно, мои года, но чтожъ вѣдь женятся и старше. (*Закуриваетъ сигару и ходитъ по комнатѣ*). Все въ руцѣхъ Божіихъ и ничего человѣкъ не вѣдаетъ, что съ нимъ случится.

Софья (*вбѣгаетъ въ мѣховой шапочкѣ и нарядной шубкѣ*).

Partons, partons, mon cher, oncle! Ахъ какъ я люблю устрицы! (*беретъ его подъ руку и увлекаетъ къ двери*).

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВАЛЬЯНОВЪ.
АЗАРЬЕВЪ.
СОФЬЯ.
СЕЛИВЕРСТОВЪ.
ЗАХАРЪ.
МЕЖУЕВА, Анна Федоровна.
ЗАРАЙСКІЙ.
МИЛЮКОВЪ
БРОННИКОВЪ.
СТАРЫЙ ГЕНЕРАЛЪ.
M-lle EULALIE (молодая дѣвушка).
КОСТЮМИРОВАННЫЯ ДѢТИ.
ДАМА (благотворительница).
ГОСТИ (на балѣ у Межуевыхъ).
ВАРЯ (горничная Софьи).
ПАРИКМАХЕРЪ (французъ).

СЦЕНА I.

(*Будуаръ въ квартирѣ Азарьевыхъ. Софья сидитъ передъ туалетомъ, въ длинномъ пеньюарѣ, французъ парикмахеръ причесываетъ ее. На кушеткѣ приготовлено роскошное бальное платье*).

Парикмахеръ (*поправляетъ прическу и отступаетъ на шагъ*).

Voilà!

я бы развелъ ее съ этимъ глупымъ мужемъ и самъ бы женился на ней. Конечно, мои года, но чтожъ вѣдь женятся и старше. (*Закуриваетъ сигару и ходитъ по комнатѣ*). Все въ руцѣхъ Божіихъ и ничего человѣкъ не вѣдаетъ, что съ нимъ случится.

Софья (*вбѣгаетъ въ мѣховой шапочкѣ и нарядной шубкѣ*).

Partons, partons, mon cher, oncle! Ахъ какъ я люблю устрицы! (*беретъ его подъ руку и увлекаетъ къ двери*).

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВАЛЬЯНОВЪ.
АЗАРЬЕВЪ.
СОФЬЯ.
СЕЛИВЕРСТОВЪ.
ЗАХАРЪ.
МЕЖУЕВА, Анна Федоровна.
ЗАРАЙСКІЙ.
МИЛЮКОВЪ
БРОННИКОВЪ.
СТАРЫЙ ГЕНЕРАЛЪ.
M-lle EULALIE (молодая дѣвушка).
КОСТЮМИРОВАННЫЯ ДѢТИ.
ДАМА (благотворительница).
ГОСТИ (на балѣ у Межуевыхъ).
ВАРЯ (горничная Софьи).
ПАРИКМАХЕРЪ (французъ).

СЦЕНА I.

(*Будуаръ въ квартирѣ Азарьевыхъ. Софья сидитъ передъ туалетомъ, въ длинномъ пеньюарѣ, французъ парикмахеръ причесываетъ ее. На кушеткѣ приготовлено роскошное бальное платье*).

Парикмахеръ (*поправляетъ прическу и отступаетъ на шагъ*).

Voilà!

Софья.

C'est tout à fait fini?

Парикмахеръ.

Tout à fait. J'espère que madame se trouve bien coiffée?

Софья (*смотрится въ зеркало*).

Pensez-vous que ce genre de coiffure m'aille bien?

Парикмахеръ.

Mais à ravir. Madame peut être tranquille.

Софья.

Si l'on ajoutai là encore une fleur?

Парикмахеръ.

Toute une fleur! ce serait de trop, madame, tout au plus une petite branche bien fine, au dessus de l'oreille.

Софья.

Une branche rose, ou blanche?

Парикмахеръ.

Oh! du blanc, du blanc en tout les cas. (*Ищетъ между цвѣтами*). Voilà notre affaire; (*пришпиливаетъ вѣтку*). C'est ça.

Софья.

Cette coiffure est laplus portée maintenant?

Парикмахеръ.

C'est tout ce qu'il y a de plus à la mode. D'ailleurs j'ai arrangé la coiffure de madame dans le genre moderne, mais d'une manière originaee et distinguée, tout à fait charmante.

Софья.

Mais suis-je bien, suis-je à mon avantage avec cette coiffure?

Парикмахеръ.

Madame! quelle question? Mais je vois encore une petite mèche, qui me déplait (*подвиваетъ локонъ*). C'est parfait!

СЦЕНА II.

Азарьевъ (*входитъ*).

Скоро-ли вы кончите?

Парикмахеръ.

C'est fait, monsieur. Madame, monsieur, votre serviteur (*раскланивается и уходитъ*).

Софья.

Евгеній, идетъ мнѣ эта прическа?

Софья.

C'est tout à fait fini?

Парикмахеръ.

Tout à fait. J'espère que madame se trouve bien coiffée?

Софья (*смотрится въ зеркало*).

Pensez-vous que ce genre de coiffure m'aille bien?

Парикмахеръ.

Mais à ravir. Madame peut être tranquille.

Софья.

Si l'on ajoutai là encore une fleur?

Парикмахеръ.

Toute une fleur! ce serait de trop, madame, tout au plus une petite branche bien fine, au dessus de l'oreille.

Софья.

Une branche rose, ou blanche?

Парикмахеръ.

Oh! du blanc, du blanc en tout les cas. (*Ищетъ между цвѣтами*). Voilà notre affaire; (*пришпиливаетъ вѣтку*). C'est ça.

Софья.

Cette coiffure est laplus portée maintenant?

Парикмахеръ.

C'est tout ce qu'il y a de plus à la mode. D'ailleurs j'ai arrangé la coiffure de madame dans le genre moderne, mais d'une manière originaee et distinguée, tout à fait charmante.

Софья.

Mais suis-je bien, suis-je à mon avantage avec cette coiffure?

Парикмахеръ.

Madame! quelle question? Mais je vois encore une petite mèche, qui me déplait (*подвиваетъ локонъ*). C'est parfait!

СЦЕНА II.

Азарьевъ (*входитъ*).

Скоро-ли вы кончите?

Парикмахеръ.

C'est fait, monsieur. Madame, monsieur, votre serviteur (*раскланивается и уходитъ*).

Софья.

Евгеній, идетъ мнѣ эта прическа?

Азарьевъ.

Нѣтъ, нейдетъ. Безвкусно, какъ всегда причесываютъ ваши французы.

Софья (*пожимаетъ плечами*).

Тебѣ всегда ненравится то, что по модѣ.

Азарьевъ.

Если моды ваши глупы, я не виноватъ (*ходитъ по комнатѣ*). Ты куда ѣдешь?

Софья.

На балъ къ Межуевымъ. Надѣюсь и ты ѣдешь.

Азарьевъ.

И не думалъ.

Софья.

По крайней мѣрѣ пріѣзжай за мной, хоть попозже.

Азарьевъ.

Послушай, я не хочу, чтобы ты ѣхала на этотъ балъ.

Софья.

Почему?

Азарьевъ.

Потому что намъ не время по баламъ разъѣзжать. Я

лишился мѣста, а ты тратишь шальныя деньги на туалеты. Вотъ это платье, напримѣръ, чего оно стоитъ?

Софья.

Тебѣ какое дѣло?

Азарьевъ.

Странный вопросъ. Мнѣ платить придется.

Софья.

Вовсе нѣтъ, оно уже заплачено.

Азарьевъ.

Откуда ты деньги взяла?

Софья.

Все равно, у тебя не спрашивала.

Азарьевъ.

Заняла?

Софья.

Можетъ быть.

Азарьевъ.

Я не хочу, чтобы ты дѣлала долги, я уже говорилъ тебѣ прежде, а теперь и подавно. У насъ денегъ скоро совсѣмъ не останется, а ты мотаешь ихъ и тебя всякій осудитъ, зная, что твой мужъ безъ мѣста.

Азарьевъ.

Нѣтъ, нейдетъ. Безвкусно, какъ всегда причесываютъ ваши французы.

Софья (*пожимаетъ плечами*).

Тебѣ всегда ненравится то, что по модѣ.

Азарьевъ.

Если моды ваши глупы, я не виноватъ (*ходитъ по комнатѣ*). Ты куда ѣдешь?

Софья.

На балъ къ Межуевымъ. Надѣюсь и ты ѣдешь.

Азарьевъ.

И не думалъ.

Софья.

По крайней мѣрѣ пріѣзжай за мной, хоть попозже.

Азарьевъ.

Послушай, я не хочу, чтобы ты ѣхала на этотъ балъ.

Софья.

Почему?

Азарьевъ.

Потому что намъ не время по баламъ разъѣзжать. Я

лишился мѣста, а ты тратишь шальныя деньги на туалеты. Вотъ это платье, напримѣръ, чего оно стоитъ?

Софья.

Тебѣ какое дѣло?

Азарьевъ.

Странный вопросъ. Мнѣ платить придется.

Софья.

Вовсе нѣтъ, оно уже заплачено.

Азарьевъ.

Откуда ты деньги взяла?

Софья.

Все равно, у тебя не спрашивала.

Азарьевъ.

Заняла?

Софья.

Можетъ быть.

Азарьевъ.

Я не хочу, чтобы ты дѣлала долги, я уже говорилъ тебѣ прежде, а теперь и подавно. У насъ денегъ скоро совсѣмъ не останется, а ты мотаешь ихъ и тебя всякій осудитъ, зная, что твой мужъ безъ мѣста.

Софья.

Кто жъ это знаетъ?

Азарьевъ.

Да всѣ, въ особенности у Межуевыхъ, гдѣ будетъ весь финансовый міръ.

Софья.

Твоя отставка никому еще не извѣстна, дядюшка задержалъ ее.

Азарьевъ.

Кто тебѣ сказалъ?

Софья.

Онъ самъ.

Азарьевъ.

Въ такомъ случаѣ я разглашу ее, и разскажу всѣмъ, почему я вышелъ.

Софья.

Ты не долженъ этого дѣлать, дядюшка желаетъ, чтобы ты помолчалъ пока.

Азарьевъ.

Пока что̀?

Софья.

Я не знаю, тамъ у васъ контрактъ какой-то, покуда онъ не утвержденъ.

Азарьевъ.

Да онъ и не будетъ утвержденъ.

Софья.

Все равно, ты долженъ сдѣлать то, чего желаетъ дядюшка, мы ему такъ много обязаны.

Азарьевъ.

Чѣмъ же?

Софья.

Да всѣмъ. Вотъ мѣстомъ въ правленіи, напримѣръ.

Азарьевъ.

Которое я бросилъ.

Софья.

Вольно-жъ тебѣ.

Азарьевъ,

Ну, ты опять за свое; оставимъ это и поговоримъ лучше о томъ, чѣмъ мы будемъ жить? Скоро у насъ денегъ совсѣмъ не останется, я говорю тебѣ; а ты по баламъ разъѣзжаешь.

Софья.

Кто жъ это знаетъ?

Азарьевъ.

Да всѣ, въ особенности у Межуевыхъ, гдѣ будетъ весь финансовый міръ.

Софья.

Твоя отставка никому еще не извѣстна, дядюшка задержалъ ее.

Азарьевъ.

Кто тебѣ сказалъ?

Софья.

Онъ самъ.

Азарьевъ.

Въ такомъ случаѣ я разглашу ее, и разскажу всѣмъ, почему я вышелъ.

Софья.

Ты не долженъ этого дѣлать, дядюшка желаетъ, чтобы ты помолчалъ пока.

Азарьевъ.

Пока что̀?

Софья.

Я не знаю, тамъ у васъ контрактъ какой-то, покуда онъ не утвержденъ.

Азарьевъ.

Да онъ и не будетъ утвержденъ.

Софья.

Все равно, ты долженъ сдѣлать то, чего желаетъ дядюшка, мы ему такъ много обязаны.

Азарьевъ.

Чѣмъ же?

Софья.

Да всѣмъ. Вотъ мѣстомъ въ правленіи, напримѣръ.

Азарьевъ.

Которое я бросилъ.

Софья.

Вольно-жъ тебѣ.

Азарьевъ,

Ну, ты опять за свое; оставимъ это и поговоримъ лучше о томъ, чѣмъ мы будемъ жить? Скоро у насъ денегъ совсѣмъ не останется, я говорю тебѣ; а ты по баламъ разъѣзжаешь.

Софья.

Кто жъ это знаетъ?

Азарьевъ.

Да всѣ, въ особенности у Межуевыхъ, гдѣ будетъ весь финансовый міръ.

Софья.

Твоя отставка никому еще не извѣстна, дядюшка задержалъ ее.

Азарьевъ.

Кто тебѣ сказалъ?

Софья.

Онъ самъ.

Азарьевъ.

Въ такомъ случаѣ я разглашу ее, и разскажу всѣмъ, почему я вышелъ.

Софья.

Ты не долженъ этого дѣлать, дядюшка желаетъ, чтобы ты помолчалъ пока.

Азарьевъ.

Пока что̀?

Софья.

Я не знаю, тамъ у васъ контрактъ какой-то, покуда онъ не утвержденъ.

Азарьевъ.

Да онъ и не будетъ утвержденъ.

Софья.

Все равно, ты долженъ сдѣлать то, чего желаетъ дядюшка, мы ему такъ много обязаны.

Азарьевъ.

Чѣмъ же?

Софья.

Да всѣмъ. Вотъ мѣстомъ въ правленіи, напримѣръ.

Азарьевъ.

Которое я бросилъ.

Софья.

Вольно-жъ тебѣ.

Азарьевъ,

Ну, ты опять за свое; оставимъ это и поговоримъ лучше о томъ, чѣмъ мы будемъ жить? Скоро у насъ денегъ совсѣмъ не останется, я говорю тебѣ; а ты по баламъ разъѣзжаешь.

Софья.

Кто жъ это знаетъ?

Азарьевъ.

Да всѣ, въ особенности у Межуевыхъ, гдѣ будетъ весь финансовый миръ.

Софья.

Твоя отставка никому еще не извѣстна, дядюшка задержалъ ее.

Азарьевъ.

Кто тебѣ сказалъ?

Софья.

Онъ самъ.

Азарьевъ.

Въ такомъ случаѣ я разглашу ее, и разскажу всѣмъ, почему я вышелъ.

Софья.

Ты не долженъ этого дѣлать, дядюшка желаетъ, чтобы ты помолчалъ пока.

Азарьевъ.

Пока что̀?

Софья.

Я не знаю, тамъ у васъ контрактъ какой-: . -
онъ не утвержденъ.

Азарьевъ.

Да онъ и не будетъ утвержденъ.

Софья.

Все равно, ты долженъ сдѣлать [illegible]
дюшка, мы ему такъ много обязаны

Азарьевъ

Чѣмъ же?

Софья

Да всѣмъ. Вотъ мѣстомъ въ [illegible]

Аза[illegible]

Которое я бросилъ. [illegible] ты

Со[illegible]

Вольно-жъ тебѣ.

А[illegible]

Ну, ты опять за сво[illegible] [illegible]жницы и
о томъ, чѣмъ мы буде[illegible] [illegible]латью).
совсѣмъ не останется, [illegible]
разъѣзжаешь.

Софья.

Что-жъ мнѣ затворницей жить?

Азарьевъ.

Не затворницей, а не мотать денегъ. Я тебя прошу, не ѣзди на этотъ балъ.

Софья.

Это невозможно,—я обѣщала; да ты видишь, я совсѣмъ готова, причесана и почти одѣта.

Азарьевъ.

Раздѣнься, это немудрено.

Софья.

Ни за что.

Азарьевъ.

Ну, я прошу тебя, Соня, останься.

Софья (*съ сердцемъ*).

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Азарьевъ.

Тебя тамъ всѣ осудятъ за это нарядное платье и первая—хозяйка дома.

Софья.

Anette Межуева,—моя пріятельница?

Азарьевъ.

Тѣмъ хуже, ей уже навѣрное извѣстна вся подноготная, она такая сплетница и злая.

Софья.

Оставь меня въ покоѣ, я поѣду одна, если ты не хочешь проводить меня.

Азарьевъ.

Нѣтъ, ты не поѣдешь.

Софья.

Поѣду.

Азарьевъ (*вдругъ вспыливъ*).

Я сожгу, изрѣжу въ куски это глупое платье, вотъ ты и не поѣдешь.

Софья.

Ха, ха! да ты съума сошелъ.

Азарьевъ (*хватаетъ ножницы и подходитъ къ платью*).

Софья (*отстраняя его*).

Ты прежде меня изрѣжешь.

Софья.

Что-жъ мнѣ затворницей жить?

Азарьевъ.

Не затворницей, а не мотать денегъ. Я тебя прошу, не ѣзди на этотъ балъ.

Софья.

Это невозможно,—я обѣщала; да ты видишь, я совсѣмъ готова, причесана и почти одѣта.

Азарьевъ.

Раздѣнься, это немудрено.

Софья.

Ни за что.

Азарьевъ.

Ну, я прошу тебя, Соня, останься.

Софья (*съ сердцемъ*).

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Азарьевъ.

Тебя тамъ всѣ осудятъ за это нарядное платье и первая—хозяйка дома.

Софья.

Anette Межуева,—моя пріятельница?

Азарьевъ.

Тѣмъ хуже, ей уже навѣрное извѣстна вся подноготная, она такая сплетница и злая.

Софья.

Оставь меня въ покоѣ, я поѣду одна, если ты не хочешь проводить меня.

Азарьевъ.

Нѣтъ, ты не поѣдешь.

Софья.

Поѣду.

Азарьевъ (*вдругъ вспыливъ*).

Я сожгу, изрѣжу въ куски это глупое платье, вотъ ты и не поѣдешь.

Софья.

Ха, ха! да ты съума сошелъ.

Азарьевъ (*хватаетъ ножницы и подходитъ къ платью*).

Софья (*отстраняя его*).

Ты прежде меня изрѣжешь.

Азарьевъ (*бросаетъ ножницы и хватаетъ ее за руку*).

Ты не поѣдешь на балъ.

Софья.

Евгеній, мнѣ больно. Пусти.

Азарьевъ.

Не пущу.

Софья.

Это насиліе, ты извергъ, злодѣй!.. Я закричу.

Азарьевъ (*бросая ея руку*).

Такъ поѣзжай, куда хочешь, мнѣ все равно.

Софья (*плачетъ*).

Ты меня оскорбилъ.

Азарьевъ (*насмѣшливо*).

Не плачь, испортишь цвѣтъ лица и прическу.

Софья.

Тебѣ какое дѣло, ты меня не любишь.

Азарьевъ.

Не правда, люблю.

Софья.

Ну, если любишь, одѣвайся и ѣдемъ со мною.

Азарьевъ.

Ни за что.

Софья.

У, какой злой, дурной. Другіе добрѣе тебя.

Азарьевъ.

Кто-жъ эти другіе?

Софья.

Дядюшка Николай Антонычъ, онъ добрый, хорошій и любитъ меня.

Азарьевъ.

Софья, неужели вся эта дрянь (*показываетъ на платье и на мебель въ комнатѣ*) тебѣ дороже всего на свѣтѣ? Неужели ты жить не можешь безъ баловъ и выѣздовъ? Вѣдь все это одна мишура.

Софья.

Я не хочу быть затворницей, повторяю тебѣ, я задохнусь, я жить хочу.

Азарьевъ.

Развѣ въ этомъ жизнь?

Азарьевъ (*бросаетъ ножницы и хватаетъ ее за руку*).

Ты не поѣдешь на балъ.

Софья.

Евгеній, мнѣ больно. Пусти.

Азарьевъ.

Не пущу.

Софья.

Это насиліе, ты извергъ, злодѣй!.. Я закричу.

Азарьевъ (*бросая ея руку*).

Такъ поѣзжай, куда хочешь, мнѣ все равно.

Софья (*плачетъ*).

Ты меня оскорбилъ.

Азарьевъ (*насмѣшливо*).

Не плачь, испортишь цвѣтъ лица и прическу.

Софья.

Тебѣ какое дѣло, ты меня не любишь.

Азарьевъ.

Не правда, люблю.

Софья.

Ну, если любишь, одѣвайся и ѣдемъ со мною.

Азарьевъ.

Ни за что.

Софья.

У, какой злой, дурной. Другіе добрѣе тебя.

Азарьевъ.

Кто-жъ эти другіе?

Софья.

Дядюшка Николай Антонычъ, онъ добрый, хорошій и любитъ меня.

Азарьевъ.

Софья, неужели вся эта дрянь (*показываетъ на платье и на мебель въ комнатѣ*) тебѣ дороже всего на свѣтѣ? Неужели ты жить не можешь безъ баловъ и выѣздовъ? Вѣдь все это одна мишура.

Софья.

Я не хочу быть затворницей, повторяю тебѣ, я задохнусь, я жить хочу.

Азарьевъ.

Развѣ въ этомъ жизнь?

Софья.

Для меня—да. Я ненавижу бѣдности и ея ужасной обстановки.

Азарьевъ.

Роскошь не нужна, чтобы быть счастливой?

Софья.

Мнѣ она нужна. Ты пойми, Евгеній, я женщина молодая и красивая. Я привыкла, чтобы кругомъ меня все было изящно: домъ, въ которомъ я живу, платье, которое надѣваю; все, все до послѣдней нитки, это моя природа, ну если хочешь, мои права красивой женщины,—и я не отступлюсь отъ нихъ ни за что.

Азарьевъ.

Милліоны людей не имѣютъ и сотой доли того, въ чемъ ты обезпечена.

Софья.

Мнѣ нѣтъ дѣла до милліоновъ, я сама жить хочу.

Азарьевъ.

Такъ говорятъ только одни черствые эгоисты.

Софья.

А ты самъ развѣ не эгоистъ? Ты для своихъ фантазій жертвуешь счастіемъ семьи.

Азарьевъ.

Мы не понимаемъ другъ друга и говоримъ на разныхъ языкахъ.

Софья (*нервно*).

Такъ, я тебѣ по-французски скажу, ты можетъ быть поймешь: „J'aime le luxe, je l'adore et ne m'en passerai jamais“.

Азарьевъ.

А я тебѣ по-русски переведу: „не въ деньгахъ счастье“.

Софья.

А въ чемъ же?

Азарьевъ.

Въ безкорыстной, самоотверженной любви и въ жертвѣ своимъ *я* для блага общаго.

Софья.

Ну и пускай жертвуетъ, кто хочетъ, а я не намѣрена. Да и то, что ты говоришь, однѣ фразы, не оправдываемыя твоимъ поведеніемъ. Вотъ ты, напримѣръ, ничѣмъ не хочешь пожертвовать для своихъ фантазій.

Азарьевъ.

Это не фантазіи, другъ мой, а мои глубокія вѣрованія и тебѣ давно пора раздѣлить ихъ.

Милюковъ.

Я, я, вы со мною, обѣщали. (*Софья кладетъ ему руку на плечо и вальсируетъ съ нимъ въ залъ*).

СЦЕНА VII.

Межуева (*Зарайскому*)

Vous voilà pour vos frais, l'oiseau s'est envolée. Ну, садитесь, я васъ утѣшу. (*Усаживаетъ его на диванъ возлѣ себя*), Eh bien, nous sommes très amoureux?

Зарайскій.

Mais pas du tout, Madame.

Межуева.

Перестаньте, не оправдывайтесь, у васъ прекрасный вкусъ. Ma belle Sophie, она всѣхъ плѣняетъ.

Зарайскій.

Elle est très belle en effet, M-me Azarieff.

Межуева.

Et très coquette.

Зарайскій.

Est-ce un défaut?

Межуева.

Не можетъ быть, дѣловые люди никогда не ссорятся.

Софья.

Ужъ не знаю право, только они поссорились.

Межуева.

Vous n'allez pas me faire accroire... (*Смотритъ на нее вопросительно и говоритъ въ сторону*). Хитрая, вѣдь я все знаю и слышала, хочетъ меня провести.

Софья.

Что ты говоришь?

Межуева.

Ничего, я только думаю, что...

СЦЕНА VI

(*Входятъ Зарайскій и Милюковъ. Оба кланяются Софьѣ*).

Un tour de valse, Madame.

Софья (*со смѣхомъ*).

Съ кѣмъ же? я съ двумя кавалерами разомъ танцовать не могу. Кто прежде?

Милюковъ.

Я, я, вы со мною, обѣщали. (*Софья кладетъ ему руку на плечо и вальсируетъ съ нимъ въ залъ*).

СЦЕНА VII.

Межуева (*Зарайскому*)

Vous voilà pour vos frais, l'oiseau s'est envolée. Ну, садитесь, я васъ утѣшу. (*Усаживаетъ его на диванъ возлѣ себя*), Eh bien, nous sommes très amoureux?

Зарайскій.

Mais pas du tout, Madame.

Межуева.

Перестаньте, не оправдывайтесь, у васъ прекрасный вкусъ. Ma belle Sophie, она всѣхъ плѣняетъ.

Зарайскій.

Elle est très belle en effet, M-me Azarieff.

Межуева.

Et très coquette.

Зарайскій.

Est-ce un défaut?

Межуева.

Voyons Monsieur Stanislas, avouez que vous êtes très amoureux.

Зарайскій.

Mais je ne le nie pas, Madame, je suis amoureux de toutes les jolies femmes, de Vous plus que jamais.

Межуева (*бьетъ его веромъ*).

Taisez-vous infidèle (*Зарайскій цѣлуетъ у ней руку*). Хотите я васъ вылечу?

Зарайскій.

Отъ какой болѣзни?

Межуева.

Да отъ любви къ Софьѣ Львовнѣ.

Зарайскій.

Попробуйте.

Межуева.

Если я вамъ докажу, что она страшная кокетка, вы излечитесь?

Зарайскій.

Нѣтъ. Хорошенькія женщины всѣ кокетки.

Межуева.

А если я укажу и на другіе недостатки?

Зарайскій.

C'est selon.

Межуева.

Oh, ne riez pas, c'est très sérieux.

Зарайскій.

Вы меня пугаете.

Межуева.

Что вы скажете о женщинѣ, которая... ну, однимъ словомъ, вы слышали что нибудь о дядѣ Софьи Азарьевой?

Зарайскій.

О Вальяновѣ? Николаѣ Антонычѣ,—да я знакомъ съ нимъ, почтенный человѣкъ.

Межуева.

Вы меня не выдадите, надѣюсь, mon cher M-r Stanislas и это я говорю вамъ подъ большимъ секретомъ, но я хочу открыть вамъ глаза. (*Шепчетъ ему на ухо*). Она на содержаніи у дяди.

Милюковъ.

Никакихъ ровно.

Зарайскій.

Странно. Безъ причины люди отъ 10 тысячъ дохода не отказываются. Можетъ быть Азарьевы очень богаты и имъ эти деньги не нужны?

Милюковъ.

Помилуйте, они бѣдны и въ долгахъ

Зарайскій (*въ сторону*).

Неужели Межуева сказала правду и этотъ ангелъ, который такъ плѣнилъ меня, падшій. Отчего это волнуетъ меня. Какое мнѣ дѣло? Но я бы дорого далъ, чтобы узнать истину. (*Къ Милюкову*). Что говорятъ у васъ въ правленіи.

Милюковъ.

Всѣ удивлены крайне.

Зарайскій.

Это болѣе чѣмъ странно. Можетъ быть у васъ въ правленіи двѣ партіи?

Милюковъ.

Да никакихъ, могу васъ увѣрить. Жена Азарьева род-

ная племянница нашему предсѣдателю; онъ и опредѣлилъ мужа ея къ намъ въ директоры.

Зарайскій (*въ сторону*).

Неужели въ самомъ дѣлѣ эта злая Межуева сказала правду. (*Громко*). А между вашимъ предсѣдателемъ и Азарьевымъ не было семейныхъ споровъ, наслѣдства въ виду?

Милюковъ.

Какое тамъ наслѣдство. У Азарьевыхъ нѣтъ ничего и дядя имъ же помогалъ, покуда мужъ не получилъ директорскаго мѣста.

Зарайскій.

Все это меня крайне удивляетъ, господа, и заставляетъ пожалѣть, что я копья ломалъ изъ-за этой барыни.

Бронниковъ.

Какія копья, какая барыня что вы хотите сказать?

Зарайскій

Да вотъ я сейчасъ съ одной дамой, очень милой, но злой немножко, чуть не поссорился, защищая la belle m-me Азарьеву.

Милюковъ.

Изъ-за чего же вы поссорились?

Зарайскій.

Я защищалъ, comm un pruex chevallier, честь женщины, а моя дама на нее нападала.

Бронниковъ.

Что же она говорила?

Зарайскій.

Я терпѣть не могу сплетней, но если вы хотите непремѣнно, пожалуй я скажу вамъ, заранѣе оговариваясь, que je n'y suis pour rien.

Бронниковъ и Милюковъ.

Ну, говорите скорѣй.

Зарайскій.

Дама эта утверждала, будто въ дѣлѣ, о которомъ мы толкуемъ, подкладка совсѣмъ не дѣловая, а чисто семейная.

Бронниковъ.

Т. е. какъ семейная?

Зарайскій.

Да такъ семейная, только это не я говорю, припомните, а моя дама, которую я не назову вамъ.

ная племянница нашему предсѣдателю; онъ и опредѣлилъ мужа ея къ намъ въ директоры.

Зарайскій (*въ сторону*).

Неужели въ самомъ дѣлѣ эта злая Межуева сказала правду. (*Громко*). А между вашимъ предсѣдателемъ и Азарьевымъ не было семейныхъ споровъ, наслѣдства въ виду?

Милюковъ.

Какое тамъ наслѣдство. У Азарьевыхъ нѣтъ ничего и дядя имъ же помогалъ, покуда мужъ не получилъ директорскаго мѣста.

Зарайскій.

Все это меня крайне удивляетъ, господа, и заставляетъ пожалѣть, что я копья ломалъ изъ-за этой барыни.

Бронниковъ.

Какія копья, какая барыня что вы хотите сказать?

Зарайскій

Да вотъ я сейчасъ съ одной дамой, очень милой, но злой немножко, чуть не поссорился, защищая la belle m-me Азарьеву.

Милюковъ.

Изъ-за чего же вы поссорились?

Зарайскій.

Я защищалъ, comm un pruex chevallier, честь женщины, а моя дама на нее нападала.

Бронниковъ.

Что же она говорила?

Зарайскій.

Я терпѣть не могу сплетней, но если вы хотите непремѣнно, пожалуй я скажу вамъ, заранѣе оговариваясь, que je n'y suis pour rien.

Бронниковъ и Милюковъ.

Ну, говорите скорѣй.

Зарайскій.

Дама эта утверждала, будто въ дѣлѣ, о которомъ мы толкуемъ, подкладка совсѣмъ не дѣловая, а чисто семейная.

Бронниковъ.

Т. е. какъ семейная?

Зарайскій.

Да такъ семейная, только это не я говорю, припомните, а моя дама, которую я не назову вамъ.

Милюковъ.

Не называйте, только скажите, что она говорила?

Зарайскій.

Она утверждала, будто la belle en question...

Бронниковъ.

Т. е. m-me Азарьева?

Зарайскій.

Ну да, будто она просто на содержаніи у дяди. Мужъ, долго обманываемый красавицей женой, наконецъ прозрѣлъ. Ну понятно, послѣ того, имъ служить нельзя вмѣстѣ.

Бронниковъ.

Ба! такъ вотъ оно что, ларчикъ просто открывался. Ха, ха!

(*Всѣ смѣются*).

Зарайскій.

Господа, я васъ прошу не выдавать меня.

Азарьевъ (*слышавшій весь послѣдній разговоръ въ дверяхъ, быстро выходитъ на аванъ-сцену*).

Что, вы осмѣлились сказать? Сейчасъ повторите (*хватаетъ Зарайскаго за руку*).

Милюковъ и Бронниковъ (*отходя въ сторону*).

Мужъ!

Азарьевъ.

Да, мужъ, оскорбленный вами!

Зарайскій.

Вы меня извините, милостивый государь, но, я право, не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія васъ оскорблять.

Азарьевъ.

Молчите, или я васъ убью. Говорите сейчасъ, кто эта дама, которая оклеветала такъ низко мою жену, кто она, ея имя?

Зарайскій.

Извините, я этого сказать не могу и вы не вправѣ требовать.

Азарьевъ.

Не можете... такъ вотъ вамъ! (*замахивается на него; Бронниковъ и Милюковъ хватаютъ его за руку*).

Бронниковъ.

Здѣсь праздникъ въ домѣ и мы всѣ въ гостяхъ. Мы не допустимъ скандала. (*Азарьевъ опускаетъ руку*).

Зарайскій.

Я пришлю вамъ своихъ секундантовъ.

Милюковъ.

Не называйте, только скажите, что она говорила?

Зарайскій.

Она утверждала, будто la belle en question...

Бронниковъ.

Т. е. m-me Азарьева?

Зарайскій.

Ну да, будто она просто на содержаніи у дяди. Мужъ, долго обманываемый красавицей женой, наконецъ прозрѣлъ. Ну понятно, послѣ того, имъ служить нельзя вмѣстѣ.

Бронниковъ.

Ба! такъ вотъ оно что, ларчикъ просто открывался. Ха, ха!

(*Всѣ смѣются*).

Зарайскій.

Господа, я васъ прошу не выдавать меня.

Азарьевъ (*слышавшій весь послѣдній разговоръ въ дверяхъ, быстро выходитъ на авань-сцену*).

Что, вы осмѣлились сказать? Сейчасъ повторите (*хватаетъ Зарайскаго за руку*).

Милюковъ и Бронниковъ (*отходя въ сторону*).

Мужъ!

Азарьевъ.

Да, мужъ, оскорбленный вами!

Зарайскій.

Вы меня извините, милостивый государь, но, я право, не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія васъ оскорблять.

Азарьевъ.

Молчите, или я васъ убью. Говорите сейчасъ, кто эта дама, которая оклеветала такъ низко мою жену, кто она, ея имя?

Зарайскій.

Извините, я этого сказать не могу и вы не вправѣ требовать.

Азарьевъ.

Не можете... такъ вотъ вамъ! (*замахивается на него; Бронниковъ и Милюковъ хватаютъ его за руку*).

Бронниковъ.

Здѣсь праздникъ въ домѣ и мы всѣ въ гостяхъ. Мы не допустимъ скандала. (*Азарьевъ опускаетъ руку*).

Зарайскій.

Я пришлю вамъ своихъ секундантовъ.

Азарьевъ.

Вотъ моя карточка.

(*Оркестръ въ залѣ играетъ громко полонезъ. Хозяйка дома и толпа гостей выходятъ на аванъ-сцену*).

Межуева.

Messieurs, messieurs, vos bras aux dames и пожалуйте ужинать.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВАЛЬЯНОВЪ.
АЗАРЬЕВЪ.
СОФЬЯ.
ЛЕВЧЕНКО.
СЕЛИВЕРСТОВЪ.
ЗАХАРЪ.
ВАРЯ.
ЗАРАЙСКІЙ.
МИЛЮКОВЪ.
АННА ЕВЛАМПІЕВНА, мать Азарьева, старушка.
ДОКТОРЪ
ДВА МУЖИКА.

СЦЕНА I.

(Комната въ квартирѣ Азарьевыхъ).

Азарьевъ.

Нѣтъ, такъ жить нельзя, мы говоримъ на разныхъ языкахъ. Софья не понимаетъ меня и я пересталъ ее понимать; между нами пропасть, которую засыпать нельзя. До сихъ поръ я думалъ, что горячая любовь моя согрѣетъ ея сердце, просвѣтитъ ея умъ, — напрасно! Первый ударъ судьбы разрушилъ все и я понялъ на сколько былъ слѣпъ прежде, на сколько красота ея подкупала меня (*ходитъ въ волненіи по комнатѣ и хватается за голову*). Да,

А з а р ь е в ъ.

Вотъ моя карточка.

(*Оркестръ въ залѣ играетъ громко полонезъ. Хозяйка дома и толпа гостей выходятъ на аванъ-сцену*).

М е ж у е в а.

Messieurs, messieurs, vos bras aux dames и пожалуйте ужинать.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВАЛЬЯНОВЪ.
АЗАРЬЕВЪ.
СОФЬЯ.
ЛЕВЧЕНКО.
СЕЛИВЕРСТОВЪ.
ЗАХАРЪ.
ВАРЯ.
ЗАРАЙСКІЙ.
МИЛЮКОВЪ.
АННА ЕВЛАМПІЕВНА, мать Азарьева, старушка.
ДОКТОРЪ
ДВА МУЖИКА.

СЦЕНА I.

(Комната въ квартирѣ Азарьевыхъ).

Азарьевъ.

Нѣтъ, такъ жить нельзя, мы говоримъ на разныхъ языкахъ. Софья не понимаетъ меня и я пересталъ ее понимать; между нами пропасть, которую засыпать нельзя. До сихъ поръ я думалъ, что горячая любовь моя согрѣетъ ея сердце, просвѣтитъ ея умъ, — напрасно! Первый ударъ судьбы разрушилъ все и я понялъ на сколько былъ слѣпъ прежде, на сколько красота ея подкупала меня (*ходитъ въ волненіи по комнатѣ и хватается за голову*). Да,

Левченко.

Послушай, примириться съ ними очень легко, они вовсе не такъ воинственны. Этотъ польскій панъ предобрый малый и сожалѣетъ очень, что вышла вся эта исторія. Извинись передъ нимъ и дѣлу конецъ.

Азарьевъ.

Я извинюсь, но пусть онъ назоветъ ту подлую бабу, которая пустила въ ходъ эту гнусную сплетню.

Левченко.

Назвать ее онъ не можетъ и не вправѣ.

Азарьевъ.

Такъ пусть выходитъ къ барьеру.

Варя (*входитъ*).

Васъ спрашиваетъ какой-то господинъ (*подаетъ карточку*).

Азарьевъ (*читаетъ*).

Иванъ Иванычъ Селиверстовъ. Что ему нужно?

Варя.

Не могу знать-съ.

Азарьевъ.

Ну проси.

СЦЕНА III.

(*Селиверстовъ входитъ,—Левченко выходитъ въ боковую дверь*).

Азарьевъ.

Что прикажете?

Селиверстовъ.

Извините, я на минуточку къ вамъ.

Азарьевъ.

Садитесь пожалуйста.

Селиверстовъ.

Я къ вамъ, по нашему дѣлу.

Азарьевъ.

По какому?

Селиверстовъ.

Да по нашему. На счетъ паевъ товарищества.

Азарьевъ.

Какъ, вѣдь я ушелъ отъ васъ, что же вы отъ меня хотите?

Левченко.

Послушай, примириться съ ними очень легко, они вовсе не такъ воинственны. Этотъ польскій панъ предобрый малый и сожалѣетъ очень, что вышла вся эта исторія. Извинись передъ нимъ и дѣлу конецъ.

Азарьевъ.

Я извинюсь, но пусть онъ назоветъ ту подлую бабу, которая пустила въ ходъ эту гнусную сплетню.

Левченко.

Назвать ее онъ не можетъ и не вправѣ.

Азарьевъ.

Такъ пусть выходитъ къ барьеру.

Варя (*входитъ*).

Васъ спрашиваетъ какой-то господинъ (*подаетъ карточку*).

Азарьевъ (*читаетъ*).

Иванъ Иванычъ Селиверстовъ. Что ему нужно?

Варя.

Не могу знать-съ.

Азарьевъ.

Ну проси.

СЦЕНА III.

(*Селиверстовъ входитъ,—Левченко выходитъ въ боковую дверь*).

АЗАРЬЕВЪ.

Что прикажете?

СЕЛИВЕРСТОВЪ.

Извините, я на минуточку къ вамъ.

АЗАРЬЕВЪ.

Садитесь пожалуйста.

СЕЛИВЕРСТОВЪ.

Я къ вамъ, по нашему дѣлу.

АЗАРЬЕВЪ.

По какому?

СЕЛИВЕРСТОВЪ.

Да по нашему. На счетъ паевъ товарищества.

АЗАРЬЕВЪ.

Какъ, вѣдь я ушелъ отъ васъ, что же вы отъ меня хотите?

Селиверстовъ.

Я къ вамъ съ новымъ предложеніемъ: можетъ быть паи вамъ неудобны, такъ мы наличными, что́ въ силахъ будемъ пока, а тамъ сочтемся.

Азарьевъ.

Наличными, да за что же, вѣдь я больше не членъ, правленія, не директоръ.

Селиверстовъ.

Да вы не уходите, все это пустое. Завтра общее собраніе и васъ будутъ просить остаться.

Азарьевъ.

Кто будетъ просить?

Селиверстовъ.

Акціонеры.

Азарьевъ.

Т. е. ваши артельщики и лакеи, благодарю.

Селиверстовъ.

Ахъ, Боже мой, какой вы, не все ли вамъ равно, ну мы будемъ просить.

Азарьевъ.

Я не понимаю, право, о чемъ вы хлопочете?

Селиверстовъ.

Мы, во-первыхъ васъ очень любимъ, а во-вторыхъ, вы намъ нужны.

Азарьевъ.

Для чего?

Селиверстовъ.

Чтобы не было пустыхъ толковъ и разговоровъ, покуда контрактъ съ товариществомъ не подписанъ и не утвержденъ правительствомъ.

Азарьевъ.

Ну, я буду молчать, а дальше что?

Селиверстовъ.

Другіе будутъ толковать, князь спрашивалъ, зачѣмъ вы уходите, кто-то ужъ подслужился, сболтнулъ ему.

Азарьевъ.

А, князь, вотъ что! Какое ему дѣло? Я ухожу и конецъ.

Селиверстовъ.

Да нѣтъ же, вы останьтесь, хотя на годикъ еще, а мы

Селиверстовъ.

Я къ вамъ съ новымъ предложеніемъ: можетъ быть паи вамъ неудобны, такъ мы наличными, чтó въ силахъ будемъ пока, а тамъ сочтемся.

Азарьевъ.

Наличными, да за что же, вѣдь я больше не членъ, правленія, не директоръ.

Селиверстовъ.

Да вы не уходите, все это пустое. Завтра общее собраніе и васъ будутъ просить остаться.

Азарьевъ.

Кто будетъ просить?

Селиверстовъ.

Акціонеры.

Азарьевъ.

Т. е. ваши артельщики и лакеи, благодарю.

Селиверстовъ.

Ахъ, Боже мой, какой вы, не все ли вамъ равно, ну мы будемъ просить.

Азарьевъ.

Я не понимаю, право, о чемъ вы хлопочете?

Селиверстовъ.

Мы, во-первыхъ васъ очень любимъ, а во-вторыхъ, вы намъ нужны.

Азарьевъ.

Для чего?

Селиверстовъ.

Чтобы не было пустыхъ толковъ и разговоровъ, покуда контрактъ съ товариществомъ не подписанъ и не утвержденъ правительствомъ.

Азарьевъ.

Ну, я буду молчать, а дальше что?

Селиверстовъ.

Другіе будутъ толковать, князь спрашивалъ, зачѣмъ вы уходите, кто-то ужъ подслужился, сболтнулъ ему.

Азарьевъ.

А, князь, вотъ что! Какое ему дѣло? Я ухожу и конецъ.

Селиверстовъ.

Да нѣтъ же, вы останьтесь, хотя на годикъ еще, а мы

вамъ поможемъ негласно. У васъ должишки есть, ха, ха, мы вѣдь все знаемъ;—расплатитесь, а тамъ и уходите съ Богомъ.

Азарьевъ.

Говоря по просту, вы меня купить хотите, но я не продаю себя, Иванъ Иванычъ.

Селиверстовъ.

Не купить, а дѣло сдѣлать хорошее, вы только контрактъ съ товариществомъ подпишите.

Азарьевъ.

Т. е. съ самимъ собою?

Селиверстовъ.

Да нѣтъ же, вѣдь вы паевъ не берете, ну мы вамъ деньгами; вотъ и чекъ получите (*вынимаетъ изъ кармана чековую книжку*).

Азарьевъ.

Напрасно безпокоитесь.

Селиверстовъ.

Да кто-жъ это знать будетъ, чекъ на предъявителя.

Азарьевъ.

Я буду знать, и этого довольно.

Селиверстовъ.

Вы настоящій рыцарь.

Азарьевъ.

А вы?

Селиверстовъ (*скромно*).

Я коммерческій человѣкъ.

Азарьевъ.

Значитъ тоже рыцарь; нынче и коммерческихъ людей за деньги орденами украюшаютъ, они тоже рыцари и кавалеры. Да что толковать,—мы понимаемъ другъ друга.

Селиверстовъ.

Нѣтъ, я васъ не понимаю, Евгеній Иванычъ, ей Богу не понимаю.

Азарьевъ.

А позвольте васъ спросить, во сколько вы мою подпись цѣните?

Селиверстовъ (*поспѣшно*).

Вотъ десять тысячъ сейчасъ получайте, а потомъ мы прибавимъ, когда контрактъ утвердятъ.

Азарьевъ.

Вы кажется торгуетесь со мною, какъ на капусту въ рынкѣ. Только вамъ не купить меня, я дорогъ.

вамъ поможемъ негласно. У васъ должишки есть, ха, ха, мы вѣдь все знаемъ;—расплатитесь, а тамъ и уходите съ Богомъ.

Азарьевъ.

Говоря по просту, вы меня купить хотите, но я не продаю себя, Иванъ Иванычъ.

Селиверстовъ.

Не купить, а дѣло сдѣлать хорошее, вы только контрактъ съ товариществомъ подпишите.

Азарьевъ.

Т. е. съ самимъ собою?

Селиверстовъ.

Да нѣтъ же, вѣдь вы паевъ не берете, ну мы вамъ деньгами; вотъ и чекъ получите (*вынимаетъ изъ кармана чековую книжку*).

Азарьевъ.

Напрасно безпокоитесь.

Селиверстовъ.

Да кто-жъ это знать будетъ, чекъ на предъявителя.

Азарьевъ.

Я буду знать, и этого довольно.

Селиверстовъ.

Вы настоящій рыцарь.

Азарьевъ.

А вы?

Селиверстовъ (*скромно*).

Я коммерческій человѣкъ.

Азарьевъ.

Значитъ тоже рыцарь; нынче и коммерческихъ людей за деньги орденами украюшаютъ, они тоже рыцари и кавалеры. Да что толковать,—мы понимаемъ другъ друга.

Селиверстовъ.

Нѣтъ, я васъ не понимаю, Евгеній Иванычъ, ей Богу не понимаю.

Азарьевъ.

А позвольте васъ спросить, во сколько вы мою подпись цѣните?

Селиверстовъ (*поспѣшно*).

Вотъ десять тысячъ сейчасъ получайте, а потомъ мы прибавимъ, когда контрактъ утвердятъ.

Азарьевъ.

Вы кажется торгуетесь со мною, какъ на капусту въ рынкѣ. Только вамъ не купить меня, я дорогъ.

Селиверстовъ.

Ну прибавимъ, говорю я вамъ, прибавимъ.

Азарьевъ.

Иванъ Иванычъ, если бы я рѣшился продать себя, зачѣмъ бы мнѣ уходить отъ васъ? жилъ бы себѣ припѣваючи.

Селиверстовъ.

И прекрасно, я вамъ говорю, не уходите.

Азарьевъ.

Чудесно, только что-жъ дальше будетъ?—Сегодня я подпись свою продамъ за десять тысячъ, завтра за двадцать фальшивый вексель сфабрикую, за сто ограблю кого нибудь! Гдѣ же тутъ предѣлъ.

Селиверстовъ.

О рыцарь, рыцарь!

Азарьевъ.

Да я слышалъ уже, какъ вы меня Донъ-Кихотомъ обзывали, тамъ у васъ послѣ засѣданія, когда я въ передней шубу надѣвалъ.

Селиверстовъ.

Не я, ей Богу не я, вашъ дядюшка.

Азарьевъ.

Все равно, вы-ли, онъ-ли, только я слышалъ, какъ кто-то изъ васъ меня испанскимъ рыцаремъ величалъ,— прибавивъ, что я на принципахъ своихъ, какъ на старой кобылѣ катаюсь, а знаете-ли вы, что такое принципъ, Иванъ Иванычъ?

Селиверстовъ.

Знаю, это всякій знаетъ: правила чести.

Азарьевъ.

Правила разныя бываютъ: чести, карточной игры, свѣтскихъ приличій, какъ гуся жарить и щи варить,—на все свои правила существуютъ, и поваръ какой-нибудь правила кулинарнаго искусства выше всѣхъ ставитъ.

Селиверстовъ.

Шутникъ, вы право, шутникъ. Такъ вы мнѣ отказываете, Евгеній Иванычъ, и контрактъ нашъ подписать не согласны?

Азарьевъ.

Не согласенъ, Иванъ Иванычъ, рѣшительно не согласенъ (*оба встаютъ*).

Селиверстовъ (*въ сторону*).

Ай какъ онъ глупъ, какъ глупъ однако, я право и не думалъ. (*Азарьеву*). Извините, что васъ обезпокоилъ.

Селиверстовъ.

Ну прибавимъ, говорю я вамъ, прибавимъ.

Азарьевъ.

Иванъ Иванычъ, если бы я рѣшился продать себя, зачѣмъ бы мнѣ уходить отъ васъ? жилъ бы себѣ припѣваючи.

Селиверстовъ.

И прекрасно, я вамъ говорю, не уходите.

Азарьевъ.

Чудесно, только что-жъ дальше будетъ?—Сегодня я подпись свою продамъ за десять тысячъ, завтра за двадцать фальшивый вексель сфабрикую, за сто ограблю кого нибудь! Гдѣ же тутъ предѣлъ.

Селиверстовъ.

О рыцарь, рыцарь!

Азарьевъ.

Да я слышалъ уже, какъ вы меня Донъ-Кихотомъ обзывали, тамъ у васъ послѣ засѣданія, когда я въ передней шубу надѣвалъ.

Селиверстовъ.

Не я, ей Богу не я, вашъ дядюшка.

Азарьевъ.

Все равно, вы-ли, онъ-ли, только я слышалъ, какъ кто-то изъ васъ меня испанскимъ рыцаремъ величалъ,—прибавивъ, что я на принципахъ своихъ, какъ на старой кобылѣ катаюсь, а знаете-ли вы, что такое принципъ, Иванъ Иванычъ?

Селиверстовъ.

Знаю, это всякій знаетъ: правила чести.

Азарьевъ.

Правила разныя бываютъ: чести, карточной игры, свѣтскихъ приличій, какъ гуся жарить и щи варить,—на все свои правила существуютъ, и поваръ какой-нибудь правила кулинарнаго искусства выше всѣхъ ставитъ.

Селиверстовъ.

Шутникъ, вы право, шутникъ. Такъ вы мнѣ отказываете, Евгеній Иванычъ, и контрактъ нашъ подписать не согласны?

Азарьевъ.

Не согласенъ, Иванъ Иванычъ, рѣшительно не согласенъ (*оба встаютъ*).

Селиверстовъ (*въ сторону*).

Ай какъ онъ глупъ, какъ глупъ однако, я право и не думалъ. (*Азарьеву*). Извините, что васъ обезпокоилъ.

Азарьевъ.

Ничего, помилуйте.

Селиверстовъ.

Что прикажете сказать отъ васъ дядюшкѣ?

Азарьевъ.

Ничего, кланяйтесь ему отъ меня; да скажите пожалуй, что моей старой клячѣ за его рысаками не угнаться.

Селиверстовъ (*качая головой*).

Ахъ, ахъ, молодой человѣкъ. (*Пожимаетъ ему руку и уходитъ*).

Азарьевъ.

Старый плутъ! Но удивительно, право, какъ эти господа убѣждены глубоко въ своей правотѣ и житейской мудрости, а нашего брата за шута гороховаго считаютъ.

СЦЕНА IV.

Захаръ (*входитъ и низко кланяется*).

Къ вашей милости.

Азарьевъ.

Вотъ еще экземпляръ житейской мудрости. Тебѣ что, ты тоже отъ дядюшки?

З а х а р ъ.

Никакъ нѣтъ-съ,—отъ себя.

А з а р ь е в ъ.

Отъ себя, да я тебѣ ничего не долженъ.

З а х а р ъ.

Супруга ваша должны-съ.

А з а р ь е в ъ.

Вотъ какъ, у лакеевъ деньги занимаетъ, славно! А много она тебѣ должна?

З а х а р ъ.

Пустое, рубликовъ пятьсотъ, по двумъ росписочкамъ, съ процентами.

А з а р ь е в ъ.

По десяти въ мѣсяцъ?

З а х а р ъ.

Помилуйте-съ, мы и дешевле уступимъ. (*показываетъ роспиcки*).

А з а р ь е в ъ.

У меня денегъ нѣтъ, братецъ, кто бралъ, съ того и требуй.

Азарьевъ.

Ничего, помилуйте.

Селиверстовъ.

Что прикажете сказать отъ васъ дядюшкѣ?

Азарьевъ.

Ничего, кланяйтесь ему отъ меня; да скажите пожалуй, что моей старой клячѣ за его рысаками не угнаться.

Селиверстовъ (*качая головой*).

Ахъ, ахъ, молодой человѣкъ. (*Пожимаетъ ему руку и уходитъ*).

Азарьевъ.

Старый плутъ! Но удивительно, право, какъ эти господа убѣждены глубоко въ своей правотѣ и житейской мудрости, а нашего брата за шута гороховаго считаютъ.

СЦЕНА IV.

Захаръ (*входитъ и низко кланяется*).

Къ вашей милости.

Азарьевъ.

Вотъ еще экземпляръ житейской мудрости. Тебѣ что, ты тоже отъ дядюшки?

Захаръ.

Никакъ нѣтъ-съ,—отъ себя.

Азарьевъ.

Отъ себя, да я тебѣ ничего не долженъ.

Захаръ.

Супруга ваша должны-съ.

Азарьевъ.

Вотъ какъ, у лакеевъ деньги занимаетъ, славно! А много она тебѣ должна?

Захаръ.

Пустое, рубликовъ пятьсотъ, по двумъ росписочкамъ, съ процентами.

Азарьевъ.

По десяти въ мѣсяцъ?

Захаръ.

Помилуйте-съ, мы и дешевле уступимъ. (*показываетъ роспиcки*).

Азарьевъ.

У меня денегъ нѣтъ, братецъ, кто бралъ, съ того и требуй.

Захаръ.

Я больше на счетъ правленія, такъ какъ вы изволили выйти оттуда?

Азарьевъ.

Такъ что-жъ?

Захаръ.

Жалованья, значитъ, получать не будете?

Азарьевъ.

Конечно, нѣтъ.

Захаръ.

Супруга ваша говорила, вы заплатите за нихъ.

Азарьевъ

Изъ чего же?—у меня нѣтъ ни гроша.

Захаръ.

Деньги не мои-съ, я для супруги вашей у другого бралъ, отказать не посмѣлъ.

Азарьевъ.

Слыхали мы эту пѣсню. Ну кто давалъ, тотъ пускай и получаетъ.

Захаръ.

Помилуйте-съ, неужели вы бѣднаго человѣка обидѣть захотите?

Азарьевъ.

Ты развѣ бѣдный?

Захаръ.

Нищій какъ есть, гроша мѣднаго за душой не имѣю.

Азарьевъ.

Хорошъ нищій, деньги на проценты даетъ.

Захаръ.

Не мои-съ, я докладывалъ вамъ. Для супруги вашей у кўма взялъ.

Азарьевъ.

Ну пускай кумъ и взыскиваетъ.

Захаръ.

Смѣемъ ли мы, помилуйте-съ.

Азарьевъ.

Что-жъ твой кумъ подаритъ, что ли, деньги?

Захаръ.

Зачѣмъ даритъ. Мм свое получимъ.

Захаръ.

Я больше на счетъ правленія, такъ какъ вы изволили выйти оттуда?

Азарьевъ.

Такъ что-жъ?

Захаръ.

Жалованья, значитъ, получать не будете?

Азарьевъ.

Конечно, нѣтъ.

Захаръ.

Супруга ваша говорила, вы заплатите за нихъ.

Азарьевъ

Изъ чего же?—у меня нѣтъ ни гроша.

Захаръ.

Деньги не мои-съ, я для супруги вашей у другого бралъ, отказать не посмѣлъ.

Азарьевъ.

Слыхали мы эту пѣсню. Ну кто давалъ, тотъ пускай и получаетъ.

Захаръ.

Помилуйте-съ, неужели вы бѣднаго человѣка обидѣть захотите?

Азарьевъ.

Ты развѣ бѣдный?

Захаръ.

Нищій какъ есть, гроша мѣднаго за душой не имѣю.

Азарьевъ.

Хорошъ нищій, деньги на проценты даетъ.

Захаръ.

Не мои-съ, я докладывалъ вамъ. Для супруги вашей у кума взялъ.

Азарьевъ.

Ну пускай кумъ и взыскиваетъ.

Захаръ.

Смѣемъ ли мы, помилуйте-съ.

Азарьевъ.

Что-жъ твой кумъ подаритъ, что ли, деньги?

Захаръ.

Зачѣмъ дарить. Ми свое получимъ.

Азарьевъ.

Какъ же?

Захаръ.

Къ его превосходительству Николаю Антоновичу пойдемъ.

Азарьевъ.

Къ дядѣ?

Захаръ.

Такъ точно-съ.

Азарьевъ.

И ты думаешь онъ заплатитъ?

Захаръ.

Безпремѣнно-съ.

Азарьевъ.

Ну, и ступай къ нему. Ступай къ чорту. (*Захаръ уходитъ*).

СЦЕНА V.

Левченко (*появляется въ дверяхъ*).

Кто здѣсь былъ?

Азарьевъ.

Прохвосты! Старый этотъ плутъ, Захаръ; росписку отъ Софьи предъявлялъ мнѣ. Лакеямъ долги дѣлаетъ. Все это наконецъ меня бѣситъ, выводитъ изъ себя!

Левченко.

Успокойся, какъ тебѣ не стыдно, ты малодушничаешь.

Азарьевъ.

Да вотъ еще забылъ, анонимное письмо получилъ,— на, читай.

Левченко (*читаетъ вслухъ*).

„Слѣпому мужу.

„Когда же вы прозрѣете наконецъ, Евгеній Ивановичъ?—Давно пора! Всѣ удивляются вашему долготерпѣнію. Скоро вы станете посмѣшищемъ для всѣхъ добрыхъ людей. Говорятъ, будто вы обокрали кассу и за это васъ выгнали изъ правленія. Но мы сему не вѣримъ. Вы честный человѣкъ, но увы, слѣпой мужъ. Прозрите же, пора, давно нора!

Ваша доброжелательница.“

Левченко (*бросая письмо*).

Анонимное, какая гадость! И это смущаетъ тебя?

Азарьевъ.

Да, смущаетъ и бѣситъ, все вмѣстѣ: эти письма, прохвосты, лакеи, этотъ дядя со своими слащавыми улыбками и вставными зубами, польскій панъ, повторяющій чужія сплетни! (*Падаетъ въ кресло и хватается за грудь*). О, какъ я страдаю, какъ мнѣ тяжело!

Азарьевъ.

Какъ же?

Захаръ.

Къ его превосходительству Николаю Антоновичу пойдемъ.

Азарьевъ.

Къ дядѣ?

Захаръ.

Такъ точно-съ.

Азарьевъ.

И ты думаешь онъ заплатитъ?

Захаръ.

Безпремѣнно-съ.

Азарьевъ.

Ну, и ступай къ нему. Ступай къ чорту. (*Захаръ уходитъ*).

СЦЕНА V.

Левченко (*появляется въ дверяхъ*).

Кто здѣсь былъ?

Азарьевъ.

Прохвосты! Старый этотъ плутъ, Захаръ; росписку отъ Софьи предъявлялъ мнѣ. Лакеямъ долги дѣлаетъ. Все это наконецъ меня бѣситъ, выводитъ изъ себя!

Левченко.

Успокойся, какъ тебѣ не стыдно, ты малодушничаешь.

Азарьевъ.

Да вотъ еще забылъ, анонимное письмо получилъ,—на, читай.

Левченко (*читаетъ вслухъ*).

„Слѣпому мужу.

„Когда же вы прозрѣете наконецъ, Евгеній Ивановичъ?—Давно пора! Всѣ удивляются вашему долготерпѣнію. Скоро вы станете посмѣшищемъ для всѣхъ добрыхъ людей. Говорятъ, будто вы обокрали кассу и за это васъ выгнали изъ правленія. Но мы сему не вѣримъ. Вы честный человѣкъ, но увы, слѣпой мужъ. Прозрите же, пора, давно пора!

Ваша доброжелательница.“

Левченко (*бросая письмо*).

Анонимное, какая гадость! И это смущаетъ тебя?

Азарьевъ.

Да, смущаетъ и бѣситъ, все вмѣстѣ: эти письма, прохвосты, лакеи, этотъ дядя со своими слащавыми улыбками и вставными зубами, польскій панъ, повторяющій чужія сплетни! (*Падаетъ въ кресло и хватается за грудь*). О, какъ я страдаю, какъ мнѣ тяжело!

Левченко.

Перестань, пожалуйста, изъ-за такого вздора?

Азарьевъ.

Нѣтъ, не вздоръ, она меня не любитъ, вотъ въ чемъ суть! А какъ я любилъ ее, если бы ты зналъ, о какъ любилъ... (*Закрываетъ лицо руками и плачетъ*).

СЦЕНА VI.

Софья (*при послѣднихъ словахъ мужа вбѣгаетъ чрезъ боковую дверь и падаетъ передъ нимъ на колѣни*).

И я люблю тебя, о мой Евгеній! Неужели ты не вѣришь мнѣ?

Азарьевъ (*хватая ее за руку*).

Любишь?—такъ ѣдемъ со мною въ деревню,—сейчасъ, сію минуту. Собирай вещи! Ипатъ! ты сдашь квартиру, продашь всю эту рухлядь, мишуру,—все, что найдешь въ домѣ и отдашь деньги кредиторамъ. Мы уѣзжаемъ въ 8 часа, съ почтовымъ поѣздомъ въ деревню, къ матери.

Софья (*вставая*).

Въ деревню, теперь, глубокой осенью?—тамъ снѣгъ, и тьма-кромешная,—мы не проѣдемъ.

Азарьевъ.

Я перенесу тебя на своихъ рукахъ, какъ самое драгоцѣнное сокровище, буду беречь тебя, лелѣять, молиться на тебя!

Софья.

Я не въ силахъ, Евгеній, тамъ холодно и мрачно; я съ тоски помру! Не могу... не могу.

Азарьевъ (*отталкивая ее*).

Ты видишь, Левченко, какъ она меня любитъ?

Софья.

Ты самъ меня не любишь; если бы любилъ, сталъ ли бы ты требовать отъ меня такой жертвы?

Азарьевъ.

Какой жертвы?

Софья.

Чтобы я уѣхала въ деревню и отказалась отъ всего, что мнѣ здѣсь дорого и мило.

Азарьевъ.

Да ты пойми, намъ здѣсь жить нечѣмъ и негдѣ будетъ,—всю нашу квартиру разнесутъ кредиторы, продадутъ все до послѣдней нитки, ты сама еще долговъ надѣлала какимъ-то лакеямъ.

Левченко.

Перестань, пожалуйста, изъ-за такого вздора?

Азарьевъ.

Нѣтъ, не вздоръ, она меня не любитъ, вотъ въ чемъ суть! А какъ я любилъ ее, если бы ты зналъ, о какъ любилъ... (*Закрываетъ лицо руками и плачетъ*).

СЦЕНА VI.

Софья (*при послѣднихъ словахъ мужа вбѣгаетъ чрезъ боковую дверь и падаетъ передъ нимъ на колѣни*).

И я люблю тебя, о мой Евгеній! Неужели ты не вѣришь мнѣ?

Азарьевъ (*хватая ее за руку*).

Любишь?—такъ ѣдемъ со мною въ деревню,—сейчасъ, сію минуту. Собирай вещи! Ипатъ! ты сдашь квартиру, продашь всю эту рухлядь, мишуру,—все, что найдешь въ домѣ и отдашь деньги кредиторамъ. Мы уѣзжаемъ въ 8 часа, съ почтовымъ поѣздомъ въ деревню, къ матери.

Софья (*вставая*).

Въ деревню, теперь, глубокой осенью?—тамъ снѣгъ, и тьма-кромешная,—мы не проѣдемъ.

Азарьевъ.

Я перенесу тебя на своихъ рукахъ, какъ самое драгоцѣнное сокровище, буду беречь тебя, лелѣять, молиться на тебя!

Софья.

Я не въ силахъ, Евгеній, тамъ холодно и мрачно; я съ тоски помру! Не могу... не могу.

Азарьевъ (*отталкивая ее*).

Ты видишь, Левченко, какъ она меня любитъ?

Софья.

Ты самъ меня не любишь; если бы любилъ, сталъ ли бы ты требовать отъ меня такой жертвы?

Азарьевъ.

Какой жертвы?

Софья.

Чтобы я уѣхала въ деревню и отказалась отъ всего, что мнѣ здѣсь дорого и мило.

Азарьевъ.

Да ты пойми, намъ здѣсь жить нечѣмъ и негдѣ будетъ,—всю нашу квартиру разнесутъ кредиторы, продадутъ все до послѣдней нитки, ты сама еще долговъ надѣлала какимъ-то лакеямъ.

Софья (гнѣвно).

Свои долги я сама заплачу.

Азарьевъ.

Чѣмъ-же?

Софья.

Не твое дѣло. И я тебѣ вотъ что скажу: если ты уйдешь изъ правленія, я уйду отъ тебя.

Азарьевъ.

Куда?

Софья.

Къ дядѣ. Онъ мнѣ второй отецъ.

Азарьевъ.

Вотъ какъ. А ты знаешь ли, что говорятъ про тебя и твоего дядю?

Софья.

Что?

Азарьевъ.

Что онъ живетъ съ тобой. На вотъ письмо, на полу, прочти.

Софья (запальчиво).

Это ложь и клевета (топчетъ письмо ногами).

Азарьевъ.

Докажи.

Софья.

Какъ же я докажу?

Азарьевъ.

Брось все и ѣдемъ въ деревню. Софья! я все прощу и все забуду,—пойдемъ со мной на новую жизнь, на честный трудъ,—пойдемъ!

Софья.

Не могу (*хватаетъ его за руку*). Евгеній, сжалься надо мной, за что ты меня такъ страшно мучишь?

Азарьевъ (*вырывая руки*).

Прочь! и слушай, что я скажу тебѣ: завтра я дерусь на дуэли изъ-за тебя, изъ-за твоей поруганной чести. Если меня убьютъ, ты будешь свободна!

Софья (*громко вскрикиваетъ и пошатнувшись, падаетъ на полъ*).

Занавѣсъ.

Софья (гнѣвно).

Свои долги я сама заплачу.

Азарьевъ.

Чѣмъ-же?

Софья.

Не твое дѣло. И я тебѣ вотъ что скажу: если ты уйдешь изъ правленія, я уйду отъ тебя.

Азарьевъ.

Куда?

Софья.

Къ дядѣ. Онъ мнѣ второй отецъ.

Азарьевъ.

Вотъ какъ. А ты знаешь ли, что говорятъ про тебя и твоего дядю?

Софья.

Что?

Азарьевъ.

Что онъ живетъ съ тобой. На вотъ письмо, на полу, прочти.

Софья (запальчиво).

Это ложь и клевета (топчетъ письмо ногами).

Азарьевъ.

Докажи.

Софья.

Какъ же я докажу?

Азарьевъ.

Брось все и ѣдемъ въ деревню. Софья! я все прощу и все забуду,—пойдемъ со мной на новую жизнь, на честный трудъ,—пойдемъ!

Софья.

Не могу (*хватаетъ его за руку*). Евгеній, сжалься надо мной, за что ты меня такъ страшно мучишь?

Азарьевъ (*вырывая руки*).

Прочь! и слушай, что я скажу тебѣ: завтра я дерусь на дуэли изъ-за тебя, изъ-за твоей поруганной чести. Если меня убьютъ, ты будешь свободна!

Софья (*громко вскрикиваетъ и пошатнувшись, падаетъ на полъ*).

Занавѣсъ.

Перемѣна декораціи.

Между двумя картинами послѣдняго дѣйствія проходитъ одна ночь.

СЦЕНА VII.

Гостиная въ квартирѣ Азарьевыхъ.

Варя (*убираетъ комнату, въ передникѣ, повязанная платочкомъ*).

И что это за день такой выдался вчера. Барыня съ утра глазъ не осушала, баринъ ходилъ сердитый, смотрѣть на него жалко; у меня все изъ рукъ валилось: двѣ чашки да рукомойникъ разбила, а ничего за это отъ барыни не попало. Не злая она у насъ, даже добрая, а шалая какая-то, Господь ее знаетъ? Иногда накинется, разбранитъ задаромъ, а другой разъ и за настоящую вину промолчитъ. А баринъ!—ну, ужъ баринъ у насъ такой, что и говорить нечего. Будь я не простая дѣвушка, а барышня, кажется влюбилась бы въ него безъ памяти. И то жалѣю его, жизнь его не сладка, вынь да подай денегъ откуда хошь; все мало, сколько ни давай, она все размотаетъ; шляпокъ, платьевъ назакажетъ, хоть прудъ пруди, а тамъ все побросаетъ, спуститъ жидовкѣ за дармà, и подавай ей новыхъ. Есть еще у ней зазноба: дядя, да что у нихъ тамъ, не разберешь; люди толкуютъ, да правду ли? Дядя у насъ генералъ и шалунъ. Когда въ духѣ, чмокнетъ меня въ щечку или ущипнетъ тамъ гдѣ нибудь,—да я не обижаюсь, вѣдь онъ старый. А вотъ у нашей-то, мужъ молодой, красавецъ писанный, чего бы кажется, а вотъ поди жъ ты, блажь лѣзетъ въ голову. Вечоръ они промежъ

Перемѣна декораціи.

Между двумя картинами послѣдняго дѣйствія проходитъ одна ночь.

СЦЕНА VII.

Гостиная въ квартирѣ Азарьевыхъ.

Варя (*убираетъ комнату, въ передникѣ, повязанная платочкомъ*).

И что это за день такой выдался вчера. Барыня съ утра глазъ не осушала, баринъ ходилъ сердитый, смотрѣть на него жалко; у меня все изъ рукъ валилось: двѣ чашки да рукомойникъ разбила, а ничего за это отъ барыни не попало. Не злая она у насъ, даже добрая, а шалая какая-то, Господь ее знаетъ? Иногда накинется, разбранитъ за даромъ, а другой разъ и за настоящую вину промолчитъ. А баринъ!—ну, ужъ баринъ у насъ такой, что и говорить нечего. Будь я не простая дѣвушка, а барышня, кажется влюбилась бы въ него безъ памяти. И то жалѣю его, жизнь его не сладка, вынь да подай денегъ откуда хошь; все мало, сколько ни давай, она все размотаетъ; шляпокъ, платьевъ назакажетъ, хоть прудъ пруди, а тамъ все побросаетъ, спуститъ жидовкѣ за дармà, и подавай ей новыхъ. Есть еще у ней зазноба: дядя, да что у нихъ тамъ, не разберешь; люди толкуютъ, да правду ли? Дядя у насъ генералъ и шалунъ. Когда въ духѣ, чмокнетъ меня въ щечку или ущипнетъ тамъ гдѣ нибудь,—да я не обижаюсь, вѣдь онъ старый. А вотъ у нашей-то, мужъ молодой, красавецъ писанный, чего бы кажется, а вотъ поди жъ ты, блажь лѣзетъ въ голову. Вечоръ они промежъ

себя поссорились, изъ терпѣнія, должно быть, его вывела.— „Варя, говоритъ онъ мнѣ, приготовь охотничье платье и большіе сапоги, я на охоту ѣду“. Ужъ должно быть ему солоно стало, коли изъ дома на ночь убѣжалъ. „Я у Левченко ночую. Мы, говоритъ, чуть свѣтъ съ нимъ на охоту, на зайцевъ, поѣдемъ, и чтобъ не тревожить никого, я съ вечера уѣду“.—Помилуйте, говорю я ему, сударь, я и встать могу, все вамъ приготовлю, и кофею подамъ,—а онъ говоритъ,—нѣтъ, не надо Варя. Такъ и уѣхалъ, не ночевалъ дома.

СЦЕНА VIII.

Софья (*въ утреннемъ капотѣ*).

Баринъ вернулся?

Варя.

Никакъ нѣтъ.

Софья.

Боже мой, что это значитъ, зачѣмъ онъ не ночевалъ дома?

Варя.

Они сказывали, что на охоту съ господиномъ Левченко поѣдутъ.

Софья.

Знаю я, ты ужъ мнѣ говорила. Да зачѣмъ ты отпустила его безъ меня?

Варя.

Помилуйте, развѣ я могу ихъ удержать. Вы изволили отлучиться, а они одѣлись и уѣхали.

Софья.

Ты была у Левченко?

Варя.

Была-съ, только ихъ не застала. Кухарка сказывала, еще темно было, какъ съ нашимъ бариномъ на охоту, на зайцевъ, уѣхали.

Софья.

Знаю я этихъ зайцевъ.

Варя.

Помилуйте,—они и одѣлись по охотничьему, сапоги большіе надѣли и полушубокъ.

Софья.

Много ты смыслишь. Когда же онъ вернется, мнѣ не дожить кажется!

Варя.

Напрасно вы сударыня тревожитесь, еще рано, они съ охоты раньше какъ къ вечеру не вернутся. И прошлый разъ также, вы припомните.

себя поссорились, изъ терпѣнія, должно быть, его вывела.— „Варя, говоритъ онъ мнѣ, приготовь охотничье платье и большіе сапоги, я на охоту ѣду“. Ужъ должно быть ему солоно стало, коли изъ дома на ночь убѣжалъ. „Я у Левченко ночую. Мы, говоритъ, чуть свѣтъ съ нимъ на охоту, на зайцевъ, поѣдемъ, и чтобъ не тревожить никого, я съ вечера уѣду“.—Помилуйте, говорю я ему, сударь, я и встать могу, все вамъ приготовлю, и кофею подамъ,—а онъ говоритъ,—нѣтъ, не надо Варя. Такъ и уѣхалъ, не ночевалъ дома.

СЦЕНА VIII.

Софья (*въ утреннемъ капотѣ*).

Баринъ вернулся?

Варя.

Никакъ нѣтъ.

Софья.

Боже мой, что это значитъ, зачѣмъ онъ не ночевалъ дома?

Варя.

Они сказывали, что на охоту съ господиномъ Левченко поѣдутъ.

Софья.

Знаю я, ты ужъ мнѣ говорила. Да зачѣмъ ты отпустила его безъ меня?

Варя.

Помилуйте, развѣ я могу ихъ удержать. Вы изволили отлучиться, а они одѣлись и уѣхали.

Софья.

Ты была у Левченко?

Варя.

Была-съ, только ихъ не застала. Кухарка сказывала, еще темно было, какъ съ нашимъ бариномъ на охоту, на зайцевъ, уѣхали.

Софья.

Знаю я этихъ зайцевъ.

Варя.

Помилуйте,—они и одѣлись по охотничьему, сапоги большіе надѣли и полушубокъ.

Софья.

Много ты смыслишь. Когда же онъ вернется, мнѣ не дожить кажется!

Варя.

Напрасно вы сударыня тревожитесь, еще рано, они съ охоты раньше какъ къ вечеру не вернутся. И прошлый разъ также, вы припомните.

Софья.

Ахъ молчи, пожалуйста, ничего ты не понимаешь. (*Горничная уходитъ*).

СЦЕНА IX.

Софья (*одна ходитъ въ волненіи, по комнатѣ*).

Онъ стрѣляться поѣхалъ, а не на охоту, и не простился даже со мной. Это ужасно! онъ не пожалѣлъ меня, а говоритъ еще, что любитъ. Гдѣ онъ теперь, можетъ быть убитъ и я вдова! (*Плачетъ*). Страшно какъ, Господи! Что я буду дѣлать? Гдѣ искать его, съ кѣмъ онъ стрѣляется, изъ-за чего, изъ-за меня, неужели? О Боже! Я одна, брошена всѣми; и что тамъ было на балу, не знаю? Хотя бы кто нибудь сжалился надо мною, пришелъ ко мнѣ на помощь! Гдѣ дядя, неужели и онъ ничего не знаетъ? Надо написать ему и послать скорѣй. (*Садится писать. Варя вбѣгаетъ*).

СЦЕНА X.

Варя.

Анна Евлампіевна пріѣхали.

Софья.

Что ты, гдѣ она, гдѣ?

(*Входитъ Анна Евлампіевна, съ длиннымъ ридикюлемъ въ рукѣ и въ салопѣ. Софья бросается къ ней на шею и рыдаетъ*).

СЦЕНА XI.

Анна Евлампіевна.

Софьюшка, да что ты, родная моя, Христосъ съ тобой, о чемъ такъ горько плачешь? (*Обнимаетъ ее и ласкаетъ*).

Софья (*утирая слезы*).

Маменька простите, я не ожидала, я такъ рада васъ видѣть.

Анна Евлампіевна.

И я рада, душа моя, ты здорова, надѣюсь, а Евгеній?

Софья.

Онъ на охоту уѣхалъ еще вчера съ вечера, я жду его сегодня обратно.

Анна Евлампіевна.

На охоту, значитъ здоровъ и все благополучно, ну слава Богу.

Софья (*въ сторону*).

Какъ сказать ей,—нѣтъ, не скажу ничего, авось Богъ смилуется и все пройдетъ благополучно.

Анна Евлампіевна.

Ты что такъ похудала, Софьюшка, здорова ли?

Софья.

Ахъ молчи, пожалуйста, ничего ты не понимаешь. (*Горничная уходитъ*).

СЦЕНА IX.

Софья (*одна ходитъ въ волненіи, по комнатѣ*).

Онъ стрѣляться поѣхалъ, а не на охоту, и не простился даже со мной. Это ужасно! онъ не пожалѣлъ меня, а говоритъ еще, что любитъ. Гдѣ онъ теперь, можетъ быть убитъ и я вдова! (*Плачетъ*). Страшно какъ, Господи! Что я буду дѣлать? Гдѣ искать его, съ кѣмъ онъ стрѣляется, изъ-за чего, изъ-за меня, неужели? О Боже! Я одна, брошена всѣми; и что тамъ было на балу, не знаю? Хотя бы кто нибудь сжалился надо мною, пришелъ ко мнѣ на помощь! Гдѣ дядя, неужели и онъ ничего не знаетъ? Надо написать ему и послать скорѣй. (*Садится писать. Варя вбѣгаетъ*).

СЦЕНА X.

Варя.

Анна Евлампіевна пріѣхали.

Софья.

Что ты, гдѣ она, гдѣ?

(*Входитъ Анна Евлампіевна, съ длиннымъ ридикюлемъ въ рукѣ и въ салопѣ. Софья бросается къ ней на шею и рыдаетъ*).

СЦЕНА XI.

Анна Евлампіевна.

Софьюшка, да что ты, родная моя, Христосъ съ тобой, о чемъ такъ горько плачешь? (*Обнимаетъ ее и ласкаетъ*).

Софья (*утирая слезы*).

Маменька простите, я не ожидала, я такъ рада васъ видѣть.

Анна Евлампіевна.

И я рада, душа моя, ты здорова, надѣюсь, а Евгеній?

Софья.

Онъ на охоту уѣхалъ еще вчера съ вечера, я жду его сегодня обратно.

Анна Евлампіевна.

На охоту, значитъ здоровъ и все благополучно, ну слава Богу.

Софья (*въ сторону*).

Какъ сказать ей,—нѣтъ, не скажу ничего, авось Богъ смилуется и все пройдетъ благополучно.

Анна Евлампіевна.

Ты что такъ похудала, Софьюшка, здорова ли?

С о ф ь я.

Здорова, маменька; это я устала, на балу была.

А н н а   Е в л а м п і е в н а.

Вотъ то то, вы въ Петербургѣ, все по баламъ ѣздите, да по ночамъ не спите, а у насъ, въ деревнѣ, во-время ляжешь, со свѣтомъ встанешь, вотъ и здоровы, благодареніе Господу.

С о ф ь я.

Ну какъ, маменька, вы поживаете, устали съ дороги? Варя, подай скорѣй кофе.

В а р я (*подходитъ къ Анны Евл. и цѣлуетъ у ней руку*).

Съ пріѣздомъ, сударыня.

А н н а   Е в л а м п і е в н а.

Ахъ, Варюшка, здраствуй милая, я и тебѣ гостинцевъ привезла, да письмо изъ деревни, на вотъ возьми (*отдаетъ письмо*).

В а р я.

Благодаримъ покорно, сударыня. Всѣ ли у насъ здоровы,—батюшка, братцы, сестрица?

А н н а   Е в л а м п і е в н а.

Тебя въ деревню назадъ зовутъ, замужъ выдать хо-

тятъ, что, говорятъ, ей въ городѣ баловаться. Вотъ ужо пріѣдетъ къ празднику и повѣнчаемъ.

Варя (*застыдившись*).

Я и жениха-то не знаю. Не поѣду.

Анна Евлампіевна.

Ты письмо прочти, глупая.

Варя.

Ужъ вы сами мнѣ, по милости вашей, прочтите, я, по писанному, плохо разбираю.

Анна Евлампіевна.

Ладно. Ужо отдохну, приди, прочтемъ вмѣстѣ.

Софья.

Да ты кофе подай намъ.

Варя.

Сію минуту (*убѣгаетъ*).

СЦЕНА XII.

Софья.

Ну разскажите же, какъ вы поживаете, и отчего вы не увѣдомили, что будете? Мы бы къ вамъ на встрѣчу на вокзалъ пріѣхали.

Софья.

Здорова, маменька; это я устала, на балу была.

Анна Евлампіевна.

Вотъ то то, вы въ Петербургѣ, все по баламъ ѣздите, да по ночамъ не спите, а у насъ, въ деревнѣ, во-время ляжешь, со свѣтомъ встанешь, вотъ и здоровы, благодареніе Господу.

Софья.

Ну какъ, маменька, вы поживаете, устали съ дороги? Варя, подай скорѣй кофе.

Варя (*подходитъ къ Анны Евл. и цѣлуетъ у ней руку*).

Съ пріѣздомъ, сударыня.

Анна Евлампіевна.

Ахъ, Варюшка, здраствуй милая, я и тебѣ гостинцевъ привезла, да письмо изъ деревни, на вотъ возьми (*отдаетъ письмо*).

Варя.

Благодаримъ покорно, сударыня. Всѣ ли у насъ здоровы,—батюшка, братцы, сестрица?

Анна Евлампіевна.

Тебя въ деревню назадъ зовутъ, замужъ выдать хо-

тять, что, говорятъ, ей въ городѣ баловаться. Вотъ ужо пріѣдетъ къ празднику и повѣнчаемъ.

Варя (*застыдившись*).

Я и жениха-то не знаю. Не поѣду.

Анна Евлампіевна.

Ты письмо прочти, глупая.

Варя.

Ужъ вы сами мнѣ, по милости вашей, прочтите, я, по писанному, плохо разбираю.

Анна Евлампіевна.

Ладно. Ужо отдохну, приди, прочтемъ вмѣстѣ.

Софья.

Да ты кофе подай намъ.

Варя.

Сію минуту (*убѣгаетъ*).

СЦЕНА XII.

Софья.

Ну разскажите же, какъ вы поживаете, и отчего вы не увѣдомили, что будете? Мы бы къ вамъ на встрѣчу на вокзалъ пріѣхали.

Анна Евлампіевна.

Охъ, мать моя, не успѣла и написать, вдругъ собралась по экстренному дѣлу.

Софья.

Какое дѣло?

Анна Евлампіевна.

Тамъ хлопоты по имѣнію, да вотъ ужо разскажу, какъ Евгеній вернется. Посовѣтоваться съ нимъ и пріѣхала, да кстати давно не видались, погощу у васъ съ недѣльку.

Софья.

Погостите, маменька, ужъ какъ Евгеній будетъ радъ! (*Въ сторону*). Что это я говорю, еще что будетъ, Боже спаси насъ.

СЦЕНА XIII.

(*Варя подаетъ подносъ съ кофеемъ*).

Софья.

Ты бы сахарныхъ крендельковъ изъ булочной взяла, да сливочнаго масла принесла; Анна Евлампіевна съ калачикомъ горячимъ покушаетъ.

(*Варя убѣгаетъ*).

Анна Евлампіевна.

Не надо, милая, я и такъ въ Любани, на станціи, съ

сухаремъ чашку кофею выпила, проголодалась больно. Да ужъ гдѣ тамъ на вашихъ чугункахъ, до ѣды ли? все въ попыхахъ, точно на пожаръ, не успѣешь куска проглотить, а тутъ звонятъ и бѣги опрометью.

Софья (*наливая ей чашку*).

Ну вотъ покушайте теперь, а послѣ отдохнете.

Анна Евлампіевна.

Спасибо.

(*Варя приноситъ крендели и масло*).

Софья (*отзывая ее въ сторону*).

Варя, какъ баринъ пріѣдетъ, ты тотчасъ вызови меня. Господи! какъ мнѣ страшно.

Варя.

Да чего вы боитесь?

Софья.

Молчи, ты ничего не знаешь.

Варя.

Да что знать то, на охоту поѣхали и все тутъ.

Софья.

Молчи, говорятъ тебѣ, и молись Богу за барина.

Анна Евлампіевна.

Охъ, мать моя, не успѣла и написать, вдругъ собралась по экстренному дѣлу.

Софья.

Какое дѣло?

Анна Евлампіевна.

Тамъ хлопоты по имѣнію, да вотъ ужо разскажу, какъ Евгеній вернется. Посовѣтоваться съ нимъ и пріѣхала, да кстати давно не видались, погощу у васъ съ недѣльку.

Софья.

Погостите, маменька, ужъ какъ Евгеній будетъ радъ! (*Въ сторону*). Что это я говорю, еще что будетъ, Боже спаси насъ.

СЦЕНА XIII.

(*Варя подаетъ подносъ съ кофеемъ*).

Софья.

Ты бы сахарныхъ крендельковъ изъ булочной взяла, да сливочнаго масла принесла; Анна Евлампіевна съ калачикомъ горячимъ покушаетъ.

(*Варя убѣгаетъ*).

Анна Евлампіевна.

Не надо, милая, я и такъ въ Любани, на станціи, съ

сухаремъ чашку кофею выпила, проголодалась больно. Да ужъ гдѣ тамъ на вашихъ чугункахъ, до ѣды ли? все въ попыхахъ, точно на пожаръ, не успѣешь куска проглотить, а тутъ звонятъ и бѣги опрометью.

Софья (*наливая ей чашку*).

Ну вотъ покушайте теперь, а послѣ отдохнете.

Анна Евлампіевна.

Спасибо.

(*Варя приноситъ крендели и масло*).

Софья (*отзывая ее въ сторону*).

Варя, какъ баринъ пріѣдетъ, ты тотчасъ вызови меня. Господи! какъ мнѣ страшно.

Варя.

Да чего вы боитесь?

Софья.

Молчи, ты ничего не знаешь.

Варя.

Да что знать то, на охоту поѣхали и все тутъ.

Софья.

Молчи, говорятъ тебѣ, и молись Богу за барина.

Варя.

Господи помилуй, что это, въ самомъ дѣлѣ бѣду накликаете.

Анна Евлампіевна.

Разбери-ка ты, Варюшка, мой сундучекъ, вотъ и ключикъ на, вынь оттуда баночки,—я вамъ гостинцевъ привезла деревенскихъ: медку, да вареньица.

Варя.

Слушаю-съ, сейчасъ. (*Уходитъ*).

Анна Евлампіевна.

А что мужъ твой, какъ дѣла его, все въ правленіи служитъ, мѣсто кажется хорошее?

Софья.

Ахъ, маменька, если бы вы знали?

Анна Евлампіевна.

Что такое?

Софья.

Онъ вышелъ изъ правленія.

Анна Евлампіевна.

Вотъ тебѣ и на, чтожъ такъ?

Софья.

Непріятности были какія-то по дѣламъ.

Анна Евлампіевна.

Ну чтожъ, не горюй, мужъ лучше знаетъ, что дѣлаетъ.

Софья.

Нѣтъ, маменька, вы бы поговорили съ нимъ.

Анна Евлампіевна.

Не стану и ты молчи, не бабье это дѣло.

(*Варя приноситъ банки съ вареньемъ и медомъ*).

Анна Евлампіевна.

Открой. Чтожъ, попробуйте деревенскихъ гостинцевъ. Вотъ и тебѣ, Варюшка, отъ твоихъ.

Варя (*цѣлуетъ у ней руку*).

Покорно благодарю, сударыня.

Софья (*въ сторону*).

Я въ ротъ ничего взять не могу, боюсь, мнѣ сдѣлается дурно.

Анна Евлампіевна.

Чтожъ ты, Софьюшка, сама ничего не пьешь, не ѣшь, со мной бы кофейку напилась.

Варя.

Господи помилуй, что это, въ самомъ дѣлѣ бѣду накликаете.

Анна Евлампіевна.

Разбери-ка ты, Варюшка, мой сундучекъ, вотъ и ключикъ на, вынь оттуда баночки,—я вамъ гостинцевъ привезла деревенскихъ: медку, да вареньица.

Варя.

Слушаю-съ, сейчасъ. (*Уходитъ*).

Анна Евлампіевна.

А что мужъ твой, какъ дѣла его, все въ правленіи служитъ, мѣсто кажется хорошее?

Софья.

Ахъ, маменька, если бы вы знали?

Анна Евлампіевна.

Что такое?

Софья.

Онъ вышелъ изъ правленія.

Анна Евлампіевна.

Вотъ тебѣ и на, чтожъ такъ?

Софья.

Непріятности были какія-то по дѣламъ.

Анна Евлампіевна.

Ну чтожъ, не горюй, мужъ лучше знаетъ, что дѣлаетъ.

Софья.

Нѣтъ, маменька, вы бы поговорили съ нимъ.

Анна Евлампіевна.

Не стану и ты молчи, не бабье это дѣло.

(*Варя приноситъ банки съ вареньемъ и медомъ*).

Анна Евлампіевна.

Открой. Чтожъ, попробуйте деревенскихъ гостинцевъ. Вотъ и тебѣ, Варюшка, отъ твоихъ.

Варя (*цѣлуетъ у ней руку*).

Покорно благодарю, сударыня.

Софья (*въ сторону*).

Я въ ротъ ничего взять не могу, боюсь. мнѣ сдѣлается дурно.

Анна Евлампіевна.

Чтожъ ты, Софьюшка, сама ничего не пьешь. ж: ви со мной бы кофейку напилась.

Софья.

Я ужъ пила утромъ, маменька.

Анна Евлампіевна.

А мнѣ еще чашечку налей. У васъ кофе хорошій, не то что на чугункѣ, грѣтый (*пьетъ*). Охъ умаялась, я совсѣмъ въ дорогѣ.

Софья.

Прилягьте, отдохните.

Анна Евлампіевна.

И то, въ самомъ дѣлѣ, отдохнуть. Да ты смотри, разбуди меня, какъ Евгеній пріѣдетъ.

Софья.

Разбужу, будьте покойны.

(*Анна Евлампіевна уходитъ въ боковую дверь, въ сопровожденіи горничной*).

СЦЕНА XIV.

Софья (*одна*).

Нѣтъ его, — вѣрно что нибудь да случилось, каково будетъ бѣдной матери, какое пробужденье! На грѣхъ она пріѣхала. Какъ страшно мнѣ, не дождаться его. Минуты тянутся, какъ часы. Тоска! Мученье! (*Садится къ столу*).

Надо написать дядѣ. (*Беретъ перо*). Руки дрожатъ, не въ силахъ.

(*За сценой раздается громкій звонокъ, повторенный нѣсколько разъ. Софья вскрикиваетъ и роняетъ на полъ перо*).

Варя (*бѣжитъ отворять дверь, но тотчасъ же возвращается, вся блѣдная, въ страшномъ испугѣ*).

Барина несутъ!

(*За сценой голоса и шумъ; двери распахиваются настежъ и два мужика вносятъ въ комнату Азарьева, на носилкахъ. Софья хочетъ встать, но шатается и со стономъ падаетъ въ кресло*).

СЦЕНА XV.

Левченко, Зарайскій, Милюковъ, докторъ и Азарьевъ (*на носилкахъ*).

Мужики.

Куда ставить?

Левченко.

Сюда, сюда.

(*Мужики ставятъ носилки посреди комнаты*).

Мужики.

На водочку бы, баринъ. (*Левченко даетъ имъ на водку*). Благодаримъ покорно! (*Уходятъ*).

Софья.

Я ужъ пила утромъ, маменька.

Анна Евлампіевна.

А мнѣ еще чашечку налей. У васъ кофе хорошій, не то что на чугункѣ, грѣтый (*пьетъ*). Охъ умаялась, я совсѣмъ въ дорогѣ.

Софья.

Прилягьте, отдохните.

Анна Евлампіевна.

И то, въ самомъ дѣлѣ, отдохнуть. Да ты смотри, разбуди меня, какъ Евгеній пріѣдетъ.

Софья.

Разбужу, будьте покойны.

(*Анна Евлампіевна уходитъ въ боковую дверь, въ сопровожденіи горничной*).

СЦЕНА XIV.

Софья (*одна*).

Нѣтъ его, — вѣрно что нибудь да случилось, каково будетъ бѣдной матери, какое пробужденье! На грѣхъ она пріѣхала. Какъ страшно мнѣ, не дождаться его. Минуты тянутся, какъ часы. Тоска! Мученье! (*Садится къ столу*).

Надо написать дядѣ. (*Беретъ перо*). Руки дрожатъ, не въ силахъ.

(*За сценой раздается громкій звонокъ, повторенный нѣсколько разъ. Софья вскрикиваетъ и роняетъ на полъ перо*).

Варя (*бѣжитъ отворять двери, но тотчасъ же возвращается, вся блѣдная, въ страшномъ испугѣ*).

Барина несутъ!

(*За сценой голоса и шумъ; двери распахиваются настежъ и два мужика вносятъ въ комнату Азарьева, на носилкахъ. Софья хочетъ встать, но шатается и со стономъ падаетъ въ кресло*).

СЦЕНА XV.

Левченко, Зарайскій, Милюковъ, докторъ и Азарьевъ (*на носилкахъ*).

Мужики.

Куда ставить?

Левченко.

Сюда, сюда.

(*Мужики ставятъ носилки посреди комнаты*).

Мужики.

На водочку бы, баринъ. (*Левченко даетъ имъ на водку*). Благодаримъ покорно! (*Уходятъ*).

Докторъ (*обращаясь къ Милюкову*).

Вотъ вамъ моя карточка и адресъ. Привезите доктора, я одинъ вынуть пулю не могу. Торопитесь. (*Милюковъ уходитъ*).

Левченко (*подходя къ Софьѣ*).

Вашъ мужъ опасно раненъ; требуется быстрая помощь и спокойствіе духа.

(*Софья смотритъ на него испуганно и ничего не отвѣчаетъ*).

Зарайскій.

Не нужно ли еще другого доктора? Я привезу.

Докторъ.

Нѣтъ, не нужно. Останьтесь здѣсь; можетъ быть священникъ понадобится.

Варя.

Господи Милосердый! что жъ это случилось? (*Плачетъ*).

Азарьевъ (*стонетъ*).

Пить, пить!

Варя (*подбѣгаетъ къ нему и подноситъ къ губамъ стаканъ; онъ пьетъ жадно*).

Баринъ, голубчикъ, родной мой!

(*Софья сидитъ какъ истуканъ и безсмысленно глядитъ на мужа*).

Докторъ.

Поддержите ее, она упадетъ сейчасъ.

Варя (*подбѣгаетъ къ ней и льетъ воду на голову*).

Барыня, Софья Львовна, очнитесь!

Софья.

Тише, она услышитъ (*показываетъ на дверь*).

Левченко.

Тамъ кто?

Софья (*слабымъ голосомъ*).

Анна Евлампіевна изъ деревни; она уснула, ее испугаютъ.

Левченко.

Сердце матери почуяло горе.

Зарайскій (*хватаетъ его за руку и отводитъ въ сторону*).

Послушайте, откуда эта рана?—Я выстрѣлилъ на воздухъ, клянусь вамъ честью.

Левченко.

Знаю, — онъ самъ убилъ себя. Развѣ вы не видѣли?

Докторъ (*обращаясь къ Милюкову*).

Вотъ вамъ моя карточка и адресъ. Привезите доктора, я одинъ вынуть пулю не могу. Торопитесь. (*Милюковъ уходитъ*).

Левченко (*подходя къ Софьѣ*).

Вашъ мужъ опасно раненъ; требуется быстрая помощь и спокойствіе духа.

(*Софья смотритъ на него испуганно и ничего не отвѣчаетъ*).

Зарайскій.

Не нужно ли еще другого доктора? Я привезу.

Докторъ.

Нѣтъ, не нужно. Останьтесь здѣсь; можетъ быть священникъ понадобится.

Варя.

Господи Милосердый! что жъ это случилось? (*Плачетъ*).

Азарьевъ (*стонетъ*).

Пить, пить!

Варя (*подбѣгаетъ къ нему и подноситъ къ губамъ стаканъ; онъ пьетъ жадно*).

Баринъ, голубчикъ, родной мой!

(*Софья сидитъ какъ истуканъ и безсмысленно глядитъ на мужа*).

Докторъ.

Поддержите ее, она упадетъ сейчасъ.

Варя (*подбѣгаетъ къ ней и льетъ воду на голову*).

Барыня, Софья Львовна, очнитесь!

Софья.

Тише, она услышитъ (*показываетъ на дверь*).

Левченко.

Тамъ кто?

Софья (*слабымъ голосомъ*).

Анна Евлампіевна изъ деревни; она уснула, ее испугаютъ.

Левченко.

Сердце матери почуяло горе.

Зарайскій (*хватаетъ его за руку и отводитъ въ сторону*).

Послушайте, откуда эта рана?—Я выстрѣлилъ на воздухъ, клянусь вамъ честью.

Левченко.

Знаю, — онъ самъ убилъ себя. Развѣ вы не видѣли?

Зарайскій.

Да зачѣмъ,—скажите мнѣ, зачѣмъ?

Левченко.

Это его тайна, онъ возьметъ ее съ собою въ могилу.

Зарайскій.

Нѣтъ, онъ живъ останется, пулю вынуть можно.

Левченко.

Врядъ ли, рана смертельна.

Зарайскій.

Какъ жаль, какъ жаль. Это я во всемъ виноватъ.

Левченко.

Теперь все равно; о мертвыхъ не жалѣютъ, пожалѣйте лучше о живыхъ. Мать здѣсь, вы слышали?

Зарайскій.

Да, что сказать ей?

Левченко.

Не открывайте ей тайны его смерти. Пускай для нея онъ убитъ на дуэли.

Зарайскій.

Я на все готовъ.

Левченко (*жметъ ему руку*).

Благодарю васъ, благодарю.

(*Боковая дверь отворяется и на порогѣ показывается Анна Евлампіевна*).

Софья (*бросаясь къ ней*).

Онъ живъ, успокойтесь!

Анна Евлампіевна (*отстраняя ее*).

Пусти (*подходитъ къ сыну*). Что случилось?

Левченко.

Анна Евлампіевна, родная, несчатіе: онъ дрался на дуэли.

Анна Евлампіевна.

Сынъ мой!

Азарьевъ.

Чей это голосъ? Матушка, вы ли?

Докторъ.

Позвольте, я не могу допустить никакого волненія для больного.

Анна Евлампіевна.

Мать не потревожитъ сына. Евгеній, я здѣсь и не отойду отъ тебя (*кладетъ ему руку на голову. Азарьевъ хочетъ поцѣловать руку и не можетъ. Анна Евлампіевна цѣ-*

Зарайскій.

Да зачѣмъ,—скажите мнѣ, зачѣмъ?

Левченко.

Это его тайна, онъ возьметъ ее съ собою въ могилу.

Зарайскій.

Нѣтъ, онъ живъ останется, пулю вынуть можно.

Левченко.

Врядъ ли, рана смертельна.

Зарайскій.

Какъ жаль, какъ жаль. Это я во всемъ виноватъ.

Левченко.

Теперь все равно; о мертвыхъ не жалѣютъ, пожалѣйте лучше о живыхъ. Мать здѣсь, вы слышали?

Зарайскій.

Да, что сказать ей?

Левченко.

Не открывайте ей тайны его смерти. Пускай для нея онъ убитъ на дуэли.

Зарайскій.

Я на все готовъ.

Левченко (*жметъ ему руку*).

Благодарю васъ, благодарю.

(*Боковая дверь отворяется и на порогѣ показывается Анна Евлампіевна*).

Софья (*бросаясь къ ней*).

Онъ живъ, успокойтесь!

Анна Евлампіевна (*отстраняя ее*).

Пусти (*подходитъ къ сыну*). Что случилось?

Левченко.

Анна Евлампіевна, родная, несчатіе: онъ дрался на дуэли.

Анна Евлампіевна.

Сынъ мой!

Азарьевъ.

Чей это голосъ? Матушка, вы ли?

Докторъ.

Позвольте, я не могу допустить никакого волненія для больного.

Анна Евлампіевна.

Мать не потревожитъ сына. Евгеній, я здѣсь и не отойду отъ тебя (*кладетъ ему руку на голову. Азарьевъ хочетъ поцѣловать руку и не можетъ. Анна Евлампіевна цѣ-*

луетъ его въ лобъ и креститъ. Дорогой мой, самъ Богъ послалъ меня сюда. Онъ милосердъ и спасетъ тебя.

Софья (*опускается на колѣни*).

Евгеній, что ты надѣлалъ! Не умирай, я люблю тебя!

Азарьевъ (*шепчетъ*).

Софья, прости меня.

Анна Евлампіевна.

Не говори, не тревожься, мы всѣ здѣсь. (*Къ Софьѣ*). Молись со мною. Молитесь всѣ и уповайте на Бога.

(*Софья, стоя на колѣняхъ, крестится и плачетъ*).

Азарьевъ.

Душно. Пить, пить!

Докторъ (*беретъ его за руку*).

Пульсъ быстро падаетъ. Пошлите за священникомъ.

Зарайскій.

Сейчасъ, я привезу его. (*Уходитъ*).

(*Больному подаютъ пить. Докторъ вливаетъ ему въ ротъ капли*).

Анна Евлампіевна.

Боже милосердый, услышь молитву матери! (*Опускается на колѣни*).

Евгеній (*стонетъ*).

Матушка.

Анна Евлампіевна.

Дитя мое!

СЦЕНА XVI.

Зарайскій (*возвращается*).

Сейчасъ будутъ другой врачъ и священникъ.

Докторъ.

Ужъ поздно, онъ отходитъ.

(*Азарьевъ приподымается съ подушки, глубоко вздыхаетъ и падаетъ навзничь*).

Анна Евлампіевна.

Умеръ! Господи, да будетъ воля Твоя. (*Креститъ сына и закрываетъ ему глаза*). Другъ мой, сынъ мой, не думала я пережить тебя! (*Всѣ плачутъ. Левченко цѣлуетъ руки у Анны Евлампіевны. Она обнимаетъ его*). И ты его любилъ.

СЦЕНА XVII.

Тѣ же и Вальяновъ.

Вальяновъ (*кричитъ еще за дверью*).

Соничка, ты дома? — Варя, Варичка, у меня кор-

луетъ его въ лобъ и креститъ. Дорогой мой, самъ Богъ послалъ меня сюда. Онъ милосердъ и спасетъ тебя.

Софья (*опускается на колѣни*).

Евгеній, что ты надѣлалъ! Не умирай, я люблю тебя!

Азарьевъ (*шепчетъ*).

Софья, прости меня.

Анна Евлампіевна.

Не говори, не тревожься, мы всѣ здѣсь. (*Къ Софьѣ*). Молись со мною. Молитесь всѣ и уповайте на Бога.

(*Софья, стоя на колѣняхъ, крестится и плачетъ*).

Азарьевъ.

Душно. Пить, пить!

Докторъ (*беретъ его за руку*).

Пульсъ быстро падаетъ. Пошлите за священникомъ.

Зарайскій.

Сейчасъ, я привезу его. (*Уходитъ*).

(*Больному подаютъ пить. Докторъ вливаетъ ему въ ротъ капли*).

Анна Евлампіевна.

Боже милосердый, услышь молитву матери! (*Опускается на колѣни*).

Евгеній (*стонетъ*).

Матушка.

Анна Евлампіевна.

Дитя мое!

СЦЕНА XVI.

Зарайскій (*возвращается*).

Сейчасъ будутъ другой врачъ и священникъ.

Докторъ.

Ужъ поздно, онъ отходитъ.

(*Азарьевъ приподымается съ подушки, глубоко вздыхаетъ и падаетъ навзничъ*).

Анна Евлампіевна.

Умеръ! Господи, да будетъ воля Твоя. (*Креститъ сына и закрываетъ ему глаза*). Другъ мой, сынъ мой, не думала я пережить тебя! (*Всѣ плачутъ. Левченко цѣлуетъ руки у Анны Евлампіевны. Она обнимаетъ его*). И ты его любилъ.

СЦЕНА XVII.

Тѣ же и Вальяновъ.

Вальяновъ (*кричитъ еще за дверью*).

Соничка, ты дома? — Варя, Варичка, у меня кор-

зинка въ саняхъ, сбѣгай принеси, тамъ у... у... устрицы. (*Входитъ и останавливается въ дверяхъ*). Что это, что это, Евгеній?

Левченко.

Онъ убитъ на дуэли.

Вальяновъ.

Съ кѣмъ онъ дрался, за что? Да говорите же.

Зарайскій (*выступая впередъ*).

Со мною, мы поссорились на балу.

Вальяновъ.

Изъ-за чего?

Зарайскій.

Изъ-за пустого.

Левченко.

Теперь все равно. Къ чему вамъ знать?

Вальяновъ.

Опять пригрезилось ему что-нибудь? О, вѣчный фантазеръ!

Докторъ.

Больной скончался отъ раны въ груди.

Вальяновъ.

Несчастный! Онъ жилъ и умеръ фантазеромъ.

Софья (*бросаясь къ нему на грудь*).

Дядя!

Вальяновъ (*обнимая ее*).

Бѣдная!

(*Занавѣсъ опускается*).

зинка въ саняхъ, сбѣгай принеси, тамъ у... у... устрицы. (*Входитъ и останавливается въ дверяхъ*). Что это, что это, Евгеній?

Левченко.

Онъ убитъ на дуэли.

Вальяновъ.

Съ кѣмъ онъ дрался, за что? Да говорите же.

Зарайскій (*выступая впередъ*).

Со мною, мы поссорились на балу.

Вальяновъ.

Изъ-за чего?

Зарайскій.

Изъ-за пустого.

Левченко.

Теперь все равно. Къ чему вамъ знать?

Вальяновъ.

Опять пригрезилось ему что-нибудь? О, вѣчный фантазеръ!

Докторъ.

Больной скончался отъ раны въ груди.

Вальяновъ.

Несчастный! Онъ жилъ и умеръ фантазеромъ.

Софья (*бросаясь къ нему на грудь*).

Дядя!

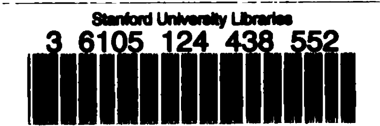
Вальяновъ (*обнимая ее*).

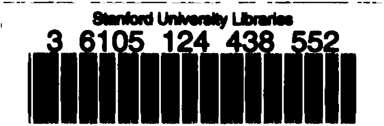
Бѣдная!

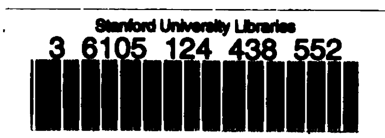
(*Занавѣсъ опускается*).

Оглавленіе.

Оглавленіе.

Stanford University Libraries
3 6105 124 438 552

Stanford University Libraries
3 6105 124 438 552

Stanford University Libraries
3 6105 124 438 552